

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (11)

Москва–Сыктывкар 2013

ISSN 2304-5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2013. № 1 (11).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН по исторической демографии
и исторической географии

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Н.М. Игнатова (Сыктывкар), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С.Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), А.В. Репневский (Архангельск), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), П.В. Федоров (Мурманск), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар),

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
журнал «Историческая демография».
Тел. (8212)245564 (гл. ред.), (8212)245500 (отв. секр.), факс (8212)245564
E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), secr.hist@mail.illhkomisc.ru (отв. секретарь),
ignatova.hist@mail.komisc.ru (рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Мурыгин А.М. (Сыктывкар). Актуальные вопросы средневековой истории населения крайнего северо-востока Европы (вторая половина I тыс. н. э.)	4
Ривчак К.В. (Москва). Влияние Датского завоевания 1016 года на этническую ситуацию в Англии	11
Багин А.Л., Кленов М.В. (Сыктывкар). Пермь вычегодская. Реальность и миф историографизма	14
Жеребцов И.Л. (Сыктывкар), Исупов В.А. (Новосибирск). Переселения коми в Сибирь и на Дальний Восток в конце XVI – XVII в.	18
Борисов А.А. (Якутск). Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Восточной и Южной Сибири в XVII–XIX вв.	30
Желтов А.А. (Вологда). Воздействие культуры питания и пищевых новаций начала XX века на здоровье населения Вологодской губернии	37
Безносова Н.П. (Сыктывкар). Возрастнополовая структура населения Коми автономной области (АССР) в 1920–1930-е годы	43
Игнатова Н.М. (Сыктывкар). Особенности учета эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев в Коми республике в 1941–1945 годах	49

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Демографическая ситуация и демографическое поведение русских старообрядцев в Америке	56
Антипова Е.А. (Минск). Современная динамика возрастной структуры населения Беларуси	60
Поздеев И.Л. (Ижевск). Молодежь Удмуртской Республики: модели демографического поведения	65

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Исупов В.А. (Новосибирск), Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны	70
Сивцева С.И. (Якутск). О Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 годов в Якутии	79
Чернышева Н.В. (Киров). Неопубликованные источники по изучению населения Кировской области в годы Великой Отечественной войны	82
Малкова Т.А. (Сыктывкар). Колонизация Печорского уезда Архангельской губернии в начале XX в. (по материалам журнала «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера»).....	85
Попов С.А. (Сыктывкар). Памятные книжки как источник по истории населения Коми края второй половины XIX в.	89

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Белов А.В. (Москва). Историческая география – эволюция научного направления (этапы, тенденции, новообразования) ...	92
Рахимбекова А.К. (Астана). Колонизация как историко-географическая проблема: на примере Казахстана (к вопросу методологии)	100
Коновалова И.Г. (Москва). Средневековые арабские географические сочинения: Методики анализа и перевода данных на современную карту	104
Жеребцов И.Л., Безносова Н.П. (Сыктывкар). Установление административной границы на юге и юго-востоке Республики Коми: 1920–1960-е гг.	108

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Королев К.С. (Сыктывкар). Заселение средней Вычегды в XI–XIII вв. (национальный и демографический аспект)	114
Нефедов С.А. (Екатеринбург). О динамике смертности в 1927–1939 годах	117
Кузьминых А.Л. (Вологда). Смертность военнопленных и интернированных в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области в 1943–1949 гг.	119

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Международные научные форумы по исторической демографии и исторической географии в Сыктывкаре	121
Содержание журнала «Историческая демография» за 2012 г.	123

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

А.М. Мурыгин*

Актуальные вопросы средневековой истории населения крайнего северо-востока Европы (вторая половина I тыс. н.э.)**

К числу остро дискуссионных в археологии раннего средневековья Европейского Северо-Востока относится проблема происхождения и этнокультурной принадлежности носителей археологических культур таежной полосы Северо-Востока европейской части России. В научных трудах она по существу сводится, с одной стороны, к отстаиванию примата автохтонного поступательного развития исключительно местных (финно-пермских) элементов культуры, с другой – к акцентированию на преобладании в местных культурах, привнесенных путем миграций инородных (угорских) компонентов [1]. Однако и в том, и в другом случае, несмотря на существенные расхождения исследователей во взглядах на этот вопрос, обе гипотезы не отрицают значительную роль при формировании и развитии вычегодско-печорских коллективов раннего средневековья межрегиональных (культурно, этнически или территориально чуждых компонентов) связей, с одной стороны, преемственных отношений субстрата и суперстрата – с другой. Определенно исследователи сходятся только в одном – не подвергают сомнению существование на Европейском Северо-Востоке достаточно стабильно развивающихся на протяжении столетий четко оформленных (территориально и этнически) археологических культур, адекватно отражающих соответствующие этносоциальные образования.

В свою очередь, исходя из своего видения имеющегося в нашем распоряжении материала, будет предпринята попытка определить, насколько это возможно, роль связей, контактов и процессов взаимодействия на особенностях формирования и развития раннесредневековых локальных культур Европейского Северо-Востока.

* * *

При отслеживании изменений в археологических источниках установлено, что уже на рубеже раннего железного века – средневековья сложение новых культурных типов на Европейском Северо-Востоке происходило при *непосредственном взаимодействии* местных и пришлых групп***. На Вычегде появляются памятники шойнатыйского типа (типичная посуда – чаши и чашевидные с равноутолщенной шейкой без орнамента, только с ямками, с многорядовыми шнуровыми отпечатками без ямочного узора), позднее распространившиеся в таежное Припечорье, в таежной зоне бассейна Печоры – раннебичевницкого (типичная посуда – чашевидная с утолщенной шейкой, украшенная ямками, овальными вдавлениями и каннелюрами), широко представленные в Большеземельской тундре, восточном Привычегодье, известные на нижней Оби и в Северном Прикамье. Предполагается, что оба культурных типа явились продуктом межэтнического синтеза и последующей интеграции, возникших в результате процесса взаимовлияния и взаимопроникновения, происходившего на фоне *трансформации* подстилающих культурных традиций. До какого-то времени (но не позднее VI в. н. э.) их носители существовали и осуществляли тесные связи между собой в пределах почти одной и той же территории, за исключением тундровой окраины раннебичевницкого ареала.

К началу второй половины I тыс. н.э. пик взаимодействий между коллективами на Европейском Северо-Востоке, сопровождавшихся глубокими изменениями в культуре и носивших характер *межэтнических* миграционных процессов, прошел. В регионе сложились новые археологические образования. Между Тиманским кря-

* **Мурыгин Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, asweb.hist@ksc.komi.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Программы ориентированных фундаментальных научных исследований УрО РАН «Арктика», проект № 12-6-9-008 «Освоение арктической зоны Припечорья в древности и средневековье».

*** Под термином «взаимодействие» понимается особый вид непосредственных отношений и связей, складывающихся по меньшей мере между двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений [38; 39, с. 70].

жем и Уральским хребтом продолжается развитие культуры типа Бичевник, ареал которой сократился до районов таежного Припечорья. В западном Притиманье на смену шойнатыйским появляются памятники ванвиздинского типа, которые занимают часть Вычегодского, а затем Мезенского бассейна.

Основной территорией обитания населения, археологически представленного ванвиздинскими памятниками, были средняя, в меньшей степени, верхняя и нижняя Вычегда, бассейн средней и верхней Мезени. На ванвиздинской глиняной посуде (чашевидная с равноутолщенной слабопрофилированной шейкой с ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией) зафиксированы узоры из фигурных штампов, мотив свисающих фестонов в конце орнаментальной зоны, а также отступающая техника орнаментации и утолщение края сосудов, документирующие взаимодействие с нижеобским и/или родственным ему печорским населением. В бассейне р. Вычегда основная масса ванвиздинской керамики с нижеобско-печорскими чертами в форме и орнаментации сконцентрирована на небольшом участке ее среднего течения. Этот район, вероятно, маркирует западную границу зоны наиболее интенсивных контактов между ванвиздинским и нижеобско-печорским населением в долине р. Вычегда, происходивших на протяжении всей второй половины I тыс. н.э. В общем числе ванвиздинской керамики бассейна Мезени также выделяются немногочисленные сосуды с зауральскими чертами в форме и орнаментации, которые появляются на мезенских поселениях VI–VII вв. н.э. и продолжают бытовать до VII–VIII вв. н.э.

Не менее существенными для ванвиздинского населения являлись связи с коллективами Верхнего Прикамья. Скорее всего, через территорию ломоватовской культуры на среднюю Вычегду шло поступление вещей, относящихся к импорту из областей сасанидского Ирана и античного мира. Такие изделия найдены в поздней (бескурганной) группе погребений Веслянского I могильника, датируемых VII – началом VIII в. н.э. [2, с. 96]. В это же время на поселениях Европейского Северо-Востока появляется керамика ломоватовско-ванвиздинского облика с многошнуровой орнаментацией в верхней части тулова сосудов. Однако многорядовые отпечатки шнура, получившие широкое распространение как особый стиль орнаментации на глиняной посуде печоро-вычегодских памятников шойнатыйского типа в середине I тыс. н.э., на археологических памятниках Мезени, верхней и средней Вычегды после VI в. н.э. не нашли дальнейшего развития. В последней трети I тыс. н.э. этот прием орнаментации верхней части тулова глиняной посуды является скорее исключением, чем правилом при украшении вычегодско-мезенской ванвиздинской керамики, за исключением нижевычегодского поселения Тохта конца VII–VIII вв. н.э. [3, с. 19, схема: 6–19]. В бассейне Печоры аналогичные сосуды вообще единичны. Резко отличная от синхронных прикамских (финно-пермских) археологических культур схема орнаментации ванвиздинской керамики (чередование элементов орнамента) указывает на неадекватность прикамских источников оформления культурного стереотипа носителей ванвиздинской керамики и конечных результатов взаимодействия и последующего смешения различных культурных традиций предшествующего времени.

Зафиксирован и обратный процесс. Верхнекамский регион Приуралья является довольно насыщенным ванвиздинскими памятниками (не менее 10 пунктов). По мнению В.А. Оборина, этот факт свидетельствует о присутствии в северных районах Прикамья ванвиздинского населения, вошедшего позднее в состав местных родановских племен [4, с. 29], а некоторые из верхнекамских поселений даже были основаны ванвиздинцами [5, с. 70]. На это указывают некоторые детали погребального обряда в захоронениях второй половины I тыс. н.э. Агафоновского, Мелехинского и Урьинского могильников [6, с. 26; 4, с. 29], находки ванвиздинской керамики в ранних хронологических горизонтах родановских городищ (Кыласово, Лаврятское, Кудымкарское, Редикарское, Петуховское) [4, с. 38; 7, с. 163] и селищ (Мелехинское, Покчинское, Лекмартовское, Чирвинское II, Пянтежское, Вилесовское II) [7, с. 163; 4, с. 29], Володин Камень I и II [8, рис. 2, 5, 6, 8, 10], Огурдинское [9, рис. 3, 11], на жертвенном месте у дер. Подбобыка [7, с. 163; 10, с. 147, табл. II, 10]*.

Можно полагать, что не позднее чем с конца VI в. н.э. север Прикамья становится областью хозяйственно-культурного освоения со стороны вычегодских групп ванвиздинского населения [11, с. 25]. В.А. Оборин полагал, что в VII–VIII вв. н.э. начинается движение вычегодского (ванвиздинско-шойнатинского) населения в Прикамье [5, с. 70], а миграции небольших групп ванвиздинцев в верхнее Прикамье прослеживаются вплоть до конца существования ломоватовской культуры [12, с. 288]. Материалы самого раннего культурного слоя (VIII–IX вв. н.э.) Подгорбуновского городища на р. Юг (правый приток р. Сев. Двина) также отнесены к памятникам, близким поздневанвиздинским [13, с. 73]. Ванвиздинские материалы, датированные VIII в. н.э., найдены в нижнем средневековом горизонте поселения Крыловское, в районе слияния рек Сухоны и Юга [14, с. 124–126]. Видимо, в последней четверти I тыс. н.э. ванвиздинские группы стали фактором *постоянного* или *периодического присутствия* не только в северных районах Прикамья, где начинают контактировать с продвигающимися сюда же коллективами позднеломоватовского времени, но и в междуречье нижней Вычегды, Малой Северной Двины и Юга.

На территории таежного Припечорья длительное и постоянное взаимодействие различных по происхож-

* Часть сосудов, идентифицированных в работе В.А. Оборина как ванвиздинские [7, рис. 1, 18, 19; 2, 1–3], на современном уровне знаний относятся к разным этапам развития культуры типа Бичевник.

дению групп начиная с эпохи энеолита* и далее постоянно на протяжении последующих тысячелетий привело к тому, что здесь в материальной культуре местного населения как в середине I тыс. н.э., так и в последующие века второй половины I тыс. н.э. более явно, чем в вычегодско-мезенском регионе, наблюдается смешение признаков, имеющих различный генезис. Проявлением этого являются, в частности, находки на территории таежного Припечорья бытовых предметов, украшений и предметов культового назначения местных и территориально удаленных типов и, особенно, сочетание в орнаментации одних и тех же сосудов, несовместимых, имеющих разные истоки элементов. Не только в таежной полосе Печорского Приуралья, но и по всей территории расселения приуральских племен между Уральскими горами, хребтом Пай-Хой и Тиманским кряжем на средневековой керамике выявлены элементы и признаки, выступающие в чистом виде или получившие преимущественное развитие в нижнеобских археологических культурах. В самом общем виде они фиксируются по наличию на местной северно-приуральской глиняной посуде «субарктического» и ранне- и позднебичевнических типов фигурных штампов, вертикальных композиций в орнаменте, каннелированию, отступающей технике орнаментации, а также по нетипичным для приуральских культур Камского и Вычегодско-Мезенского бассейна деталям формы глиняных сосудов, в виде утолщенного (ровного или ребристого) края или поддона в нижней части. Подобного рода эклектика нашла свое отражение в обряде Нерицкого могильника рубежа I–II тыс. н.э. [16] и косвенным образом в использовании одних и тех же жертвенных мест в качестве языческих святилищ, содержащих инвентарь как приуральского, так и зауральского происхождения.

Как представляется, разнообразие и дисперсность тех или иных формально-типологических групп печорской глиняной посуды вызваны объективными причинами. К числу определяющих, очевидно, следует относить специфически подвижный образ жизни коллективов с частой сменой мест обитания или их неоднократным заселением, многочисленность и разнообразие межэтнических контактов групп таежного населения Печорского Приуралья. Однако в любом случае в форме и орнаментации всех выделенных в таежном Припечорье групп глиняной посуды [17, с. 131–150] отчетливо проявляются признаки, свидетельствующие о длительных и тесных этнокультурных связях с угорским или самодийским (угро-самодийским) культурным ареалом**.

Одновременно из числа поселений и жертвенных мест Печорского Приуралья можно выделить те, которые очерчивают ареал памятников, содержащих бесспорно нижнеобскую керамику.

На юге Печорского Приуралья (тайга) этот ареал включает участок бассейна Печоры от верховий до устья рек Подчерема, Щугора и Сопляса. В число памятников входят жертвенные места в Канинской и Уньинской пещерах, поселения Палью II/уч. 2, Пидж VIII, Усть-Нибель II, Атаман-нюр I, Мало-Соплесское. В Канинской пещере нижнеобская керамика составляет 66,7% от общего числа находок глиняной посуды, в Уньинской – не менее 35,0%***. Думается, что указанные поселения и часть средневековой керамики из пещерных жертвенных мест (особенно с утолщенно-ребристым краем) являются свидетельством непосредственного проникновения обско-зауральских групп населения в южную часть бассейна Печоры. Понимая, что сопоставление данных языка и археологии выглядит не вполне корректным, все же полагаем, что в этой связи заслуживают внимания работы лингвистов, в которых на основании лексики и топонимики зафиксировано проживание древних обско-угорских мансийских племен в таежной зоне Припечорья по узкой полосе западного склона Уральского хребта и по правобережью Печоры, с северными границами расселения по рекам Подчерем и Щугор [20, с. 13].

Свидетельством тесных связей Припечорья и зауральского культурного круга является и инвентарь печорских «кладов». По мнению ряда исследователей, часть коллекций относится к зауральскому кругу памятников (Усть-Сопляский) [21, с. 174–175] или, по крайней мере, заметно отличается от классических образцов «пермского» зверного стиля, они неоднородны и несут зауральские черты (А.В. Шмидт, К.И. Корепанов, В.А. Оборин). Г.М. Буров выделяет на Европейском Северо-Востоке три «звериных» стиля – пермский, печорский, западно-сибирский, – представленных соответственно коллекциями с р. Ухты (Ухтинский клад), Уньи (Уньинский клад), Сопляса (Сопляский клад) [22, с. 32]. Кроме этого, по всей территории Печорского Приуралья – на жертвенных местах и в случайных сборах – известны изделия зауральского облика («трехрогие» личины из д. Хабарихи и с р. Сандибей-ю, поясные пряжки и культовые ложки с медвежьими головами в жертвенной позе; гравированные на серебряной бляхе изображения трех «пляшущих» фигурок в трехконечных головных уборах с саблями в руках и др.).

Меньше свидетельств о контактах позднебичевнических групп Ижмо-Печорского бассейна с заполярным на-

* В энеолите, в среднем периоде развития чужьяельской культуры (около середины III тыс. до н.э.) на Европейский Северо-Восток из Зауралья проникают угорские группы населения, о чем свидетельствует появление на чужьяельских памятниках посуды со сложными геометрическими узорами, в том числе с сотовыми элементами [15].

** Термин «угро-самодийский» применяется из-за невозможности, во-первых, объективно определить источники, принадлежащие древним уграм или самодийцам и, во-вторых, по причине дискуссионности при этнокультурной интерпретации часто одних и тех же объектов исследователями.

*** Подсчеты по В.И. Канивцу [18, с. 124–126; 19, с. 114–118].

селением. Сейчас известно не менее пяти поселений (Зыбун-нюр III, Усть-Айюва I, Брысвинское, Кыско, Ружникова), небольшая часть керамики которых может свидетельствовать о проникновении коллективов субарктического региона северо-востока Европы в таежную зону Припечорья вплоть до 63° северной широты (поселение Усть-Айюва I).

В совокупности приведенные факты позволяют ставить вопрос о том, что «культурное пространство» Печорского Приуралья с глубокой древности было неоднородным. Можно полагать, что в Припечорье обитало население, в археологических культурах которого продолжительное время сохранялись признаки как самодийских, так и финно-угорских народностей. Постоянно подпитываемый, в основном, зауральскими инфильтрациями местный зауральский этнокультурный компонент являлся составной и неотъемлемой принадлежностью этого региона Европейского Северо-Востока с эпохи раннего металла*. Представляется, что формирование археологических культур таежной полосы Припечорья проходило на фоне многовековой трансформации этнокультурных традиций финно-пермского компонента печорского ананьинско-гляденовского и более древнего населения, дальнейшего развития близкородственного нижеобскому местного (бичевницкого) культурного комплекса, при одновременном непосредственном участии (прямое проникновение) коллективов из западносибирского (угорского или самодийского) ареала обитания.

Не исключено, что в конечном итоге из-за многовекового совместного проживания, взаимовлияния и нивелировки традиционных исходных элементов культуры, к эпохе раннего средневековья территория всего Печорского Приуралья от верховий Печоры до побережья Баренцева моря представляла собой определенную, возможно, историко-культурную область расселения изначально неоднородных коллективов. Под *историко-культурной (историко-этнографической) областью* понимается территория, у населения которой на основе социально-экономической общности, длительных связей и взаимовлияний возникли сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности [23, с. 57]. Населявшие эту территорию охотничье-рыболовецкие группы были дифференцированы на основе ландшафтно-климатических, хозяйственных и соответственно сложившихся этнокультурных различий, обладали высокой миграционной подвижностью (постоянно находились в состоянии периодичного «освоения» территории), имели экономику присваивающего типа.

На существование еще на рубеже I–II тыс. н.э. общих черт в культуре населения Печорского Приуралья указывают, в частности, находки практически на всех исследованных (исключая Адакскую пещеру на р. Уса) жертвенных местах Северного Приуралья идентичных культовых подвесок с изображениями реальных и мифических звериных образов, в верхней части которых расположена антропоморфная личина с трезубым верхом. Вхождение в состав жертвенного инвентаря святилищ, крайние два из которых (Унья, Хэйбидя-Пэдара) расположены на удалении около 700–800 км друг от друга и в несопоставимых ландшафтно-климатических зонах, одинаковых атрибутов языческого культа, которые могут получить распространение только в родственной среде, указывает, как представляется, на существование общих традиционных черт в духовной культуре населения Северного Приуралья. Все изделия относятся к периоду X–XI вв. н.э. Такие аналогичные по способу крепления, изготовления и изображениям предметы происходят из Уньинской пещеры, расположенной на р. Унье, притоке верхней Печоры [18, рис. 12], грота Арки на р. Подчерем в среднем течении р. Печора [24, рис. 4, 10], Эшмесской пещеры на Средем Тимане [17, рис. 5, 2] и Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места на р. Море-ю в Большеземельской тундре [25, рис. 4, 12].

Судя по имеющимся археологическим источникам, взаимодействие раннесредневекового населения таежного Припечорья с финно-пермскими коллективами Прикамья было менее интенсивным и имело иной характер – было ограничено отношениями, не затрагивающими основы культуры. Показательным примером непосредственных контактов печорского населения с прикамским являются пока только находки позднебичевницкой керамики (типа поселения Топыд-нюр VII на святилище у Белоусовского камня на р. Вишера в Северном Прикамье, где она датирована VI–VIII вв. н. э. [26, с. 47–50]. Белоусовские находки представлены фрагментами сосудов, украшенных по венчику наклонными и в елочку зубчатыми оттисками, снаружи – наклонными рядами гребенчатых оттисков, разделенных ямками в каннелюре и отпечатками шнура. Здесь же был найден сосуд с венчиком в виде валикообразного карниза, украшенного наклонными отпечатками гребенчатого штампа. На печорских памятниках представлены некоторые другие категории находок, прототипы которым в любом случае были выработаны вне ареала обитания населения печорской тайги и попадали на север, видимо, путем торгово-обменных операций. Речь идет о той немногочисленной части инвентаря пещерных жертвенных мест, кладов и индивидуальных находок на поселениях (украшения), аналогии которым уходят в прикамский регион Приуралья. Кроме этого, как считал В.И. Канивец, через болгарских посредников по Камско-Волжскому торговому пути в Припечорье попадали серебряные сасанидские монеты и брактеаты с оттисками дирхемов саманидской чеканки (Канинская, Уньинская пещеры), которые использовались североуральским населением в качестве украшений или культовых предметов [27, с. 151–153].

* Подробно по эпохам см.: Археология Республики Коми [1].

Таким образом, можно полагать, что одним из факторов, оказавших серьезное влияние на особенности становления и развития локальных культур раннесредневекового населения в бассейнах рек Вычегды и Печоры, явились взаимодействия и связи коллективов, протекавшие в форме перманентно происходящих разнотипных миграций. Их следует рассматривать в качестве *постоянной величины*, не изменяющей своего значения в территориальных рамках Европейского Северо-Востока на протяжении длительного времени и даже отнести к одному из стержневых элементов системы жизнеобеспечения коллективов в районах северной, крайне-северной тайги и тундровой зоны. При этом имеющиеся данные создают впечатление, что этнокультурные связи в эпоху раннего средневековья между окружающим (по отношению к территории крайнего северо-востока Европы) миром и населением Вычегодского и Печорского бассейнов имели преимущественно однонаправленный характер. Для местного населения они носили больше характер заимствования и проявлялись в виде распространения объектов материальной культуры из районов с производящей экономикой (торговля, обмен и т.п.), либо как культурные новации в области хозяйства, технологий и т.д., или были определены освоением новых территорий пришлым (родственным или неродственным) населением и их смешением с местными коллективами.

Миграционные процессы привели в I тыс. н.э. также к радикальным изменениям в этнокультурной обстановке на северо-востоке Европы. Одним из результатов глубоких перемен, произошедших в культурах местного населения, явилось выраженное своеобразие раннесредневековых этнокультурных образований, которые можно определить как *синкретические*, представлявшие собой единство неоднородных компонентов. Исходя из этого, возможно, следует отказаться от традиционно прямого отождествления культур региона с конкретными этносами. Известно, что элементы материальной культуры в той или иной степени обусловлены главным образом развитием производительных сил и особенностями природной среды, а также особенностями исторического развития и прочно не привязаны к этносу [28, с. 79]. Поэтому более продуктивно рассматривать их с точки зрения хозяйственно-культурных образований с эклектичным набором культуруопределяющих признаков. Это было связано не только и, возможно, не столько с исторически обусловленными событиями «гуннского» периода эпохи Великого переселения народов. Ситуация объективно была определена самим положением территории, которая оказалась зоной постоянных и длительных контактов угорского, самодийского и пермского населения. Следует подчеркнуть, что в числе предпосылок невысокого уровня культурной и этнической дифференциации социальных групп следует рассматривать и миграционную подвижность различного вида, а для печорского населения также дисперсный тип расселения и длительные сезонные широтные и меридиональные перекочевки. Этому способствовала специфика географического положения территории обитания, особенности ее естественно-географической среды – выраженная зональность растительного покрова, перекрещивание двух зоогеографических границ, широтной – тундра-тайга и долготной – Европа-Сибирь, значительные климатические изменения и большая зональная мобильность на протяжении многих тысячелетий, сравнительно позднее формирование современной границы между тундрой и лесом [29–36].

На этапе относительно стабильного состояния этнокультурной обстановки, установившегося в таежной полосе Европейского Северо-Востока где-то в третьей четверти I тыс. н.э. и сменившего период значительных подвижек населения на рубеже эпох [37, с. 220–221], основное направление этнокультурных связей вычегодско-печорского населения продолжает оставаться прежним – южное и восточное. Слабее проявляют себя контакты с коллективами заполярных областей Европейского Северо-Востока. Передвижения и взаимодействие групп населения восточнее бассейна Вычегды происходили в пределах географически резко неоднородной западной периферии историко-культурной области расселения угорских, самодийских либо слабо дифференцированных в этнокультурном отношении угро-самодийских коллективов (таежное Припечорье, Большеземельская тундра, Нижнее Приобье, п-ов Ямал). На Вычегде процесс взаимодействия местных и пришлых групп населения в предшествующее время (середина I тыс. н.э.) завершился для части из них интеграцией в общий хозяйственно-культурный комплекс, фиксируемый в Западном Притиманье по памятникам ванвиздинского типа, с тенденцией к *расселению* или *переселению* ванвиздинских групп на сопредельные земли, лежащие северо-западнее, южнее и юго-западнее бассейна Вычегды. В это время этнокультурные связи вычегодского и печорского населения в большей степени сводились, видимо, к *сосуществованию* и тем или иным формам *контактов* между собой и соседствующими культурами. Судя по документирующим этот период археологическим источникам, вплоть до конца I тыс. н.э. эти контакты не оказывали существенного влияния на сложившийся этнокультурный облик и хозяйственную специфику местных коллективов, а перемещения в границах освоенных территорий соответствовали *внутриэтническому* типу миграций.

Источники и литература

1. *Археология Республики Коми*. М.: ДиК, 1997. 758 с.
2. *Савельева Э.А.* Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 91–96.
3. *Мурыгин А.М., Савельева Э.А.* Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне нижней Вычегды. Сыктывкар, 2005. 56 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 476).
4. *Оборин В.А., Балащенко Л.А.* Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // УЗ ПГУ. Пермь, 1968. № 191. С. 28–48. (Тр. КАЭ. Вып. IV).
5. *Оборин В.А.* Миграции населения вымской культуры на Урал (XI–XV вв.) // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция / Тез. докл. Устинов, 1987. Т. II. С. 69–71.
6. *Оборин В.А.* Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961–1966 гг. // УЗ ПГУ. Пермь, 1968. № 191. С. 7–27.
7. *Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы / МИА. М.: Наука, 1969. № 169. С. 156–167.
8. *Белавин А.М., Мельничук А.Ф.* Средневековые памятники у дер. Володин Камень в приустьевой части р. Яйвы // Памятники железного века камско-вятского междуречья: Сб. науч. тр. Ижевск, 1984. Вып. 2. С. 8–16.
9. *Бадер О.Н.* Ананьинское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усоля // УЗПГУ. Пермь, 1960. С. 151–159. Т. XII, вып. 1. (Тр. КАЭ. Вып. III).
10. *Теплоухов Ф.А.* Чудское жертвенное место на р. Колве // Тр. ПУАК. Пермь, 1897. Вып. III. С. 131–151.
11. *Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А.* Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Предуралья. Сыктывкар, 1984. 56 с. (Науч. докл. / Коми филиал АН СССР. Вып. 105).
12. *Оборин В.А.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 255–298.
13. *Макаров Л.Д.* Подгорбуновское городище – многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 66–88.
14. *Макаров Н.А., Чеснокова Н.Н.* Средневековое поселение в Устюжском крае // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 121–127.
15. *Стоколос В.С.* Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.
16. *Истомина Т.В.* Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков: Науч. чтения памяти проф. Ю.Д. Марголиса. Сыктывкар, 1997. С. 106–120.
17. *Мурыгин А.М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
18. *Канивец В.И.* Первые результаты раскопок Уньинской пещеры // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1962. Вып. I. С. 124–126.
19. *Канивец В.И.* Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.
20. *Туркин А.И.* Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. Таллин, 1985. 38 с.
21. *Чернецов В.Н.* Бронза усть-полуйского времени // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1953. № 35. С. 121–178.
22. *Буров Г.М.* Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском Северо-Востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 32–45.
23. *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию: Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 168 с.
24. *Багин А.Л.* Скальное святилище Арка в Среднем Припечорье // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. Вып. 17: Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья Европейского Северо-Востока. С. 62–68.
25. *Мурыгин А.М.* Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. Сыктывкар: Изд-во Коми. фил. АН СССР, 1984. 51 с. (Науч. докл. / Коми филиал АН СССР. Вып. 114).
26. *Изосимов Д.А.* Керамические комплексы жертвенного места у камня Белоусовский (Бычок) как источник по изучению связей с населением Печоро-Вычегодского бассейна // Древние этнокультурные связи финно-угров: Мат. Российской археологической конф., посвященной 30-летию Марийского гос. ун-та и 10-летию Центра археолого-этнографических исследований. Йошкар-Ола, 2002. С. 47–50.
27. *Канивец В.И.* Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1962. Вып. 1. С. 145–154.
28. *Чистов К.В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // Советская этнография, 1972. № 3. С. 73–85.
29. *Кац Н.Я.* К истории позднечетвертичной флоры и климата СССР // Материалы по четвертичному периоду. М., 1952. Вып. 3. С. 39–48.
30. *Нейштадт М.И.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957. 404 с.
31. *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // Записки Географич. об-ва СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 16. 334 с.
32. *Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. М., 1977. 198 с.
33. *Хотинский Н.А.* Голоценовые хроносрезы: дискуссионные проблемы палеогеографии голоцена // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 142–147.
34. *Никифорова Л.Д.* Динамика ландшафтных зон голоцена северо-востока европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 154–162.

35. *Климанов В.А., Никифорова Л.Д.* Изменение климата на северо-востоке Европы за последние 2000 лет // Доклады Академии наук СССР. М., 1982. Т. 267, № 1. С. 164–167.
36. *Андреичева Л.Н., Голубева Ю.В., Марченко-Ваганова Т.И.* Изменение природной среды и климата в Арктике в четвертичное время. Геология полярных областей Земли. Мат. XLII Тектонического совещания. 2009. Т. 1. С. 7–11.
37. *Мурыгин А.М.* Миграции как способ осуществления взаимодействия культур на северо-востоке европейской части России в раннем средневековье // Экология древних и традиционных обществ: Сборник докл. науч. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 220–223.
38. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 243 с.
39. *Аванесова Г.А.* Взаимодействие культур // Культурология. XX век. Словарь. СПб., 1997. С. 70–71.

Список сокращений

АН СССР – Академия наук СССР
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПГУ – Пермский государственный университет
Тр. КАЭ – Труды Камской археологической экспедиции
Тр. ПУАК – Труды Пермской ученой архивной комиссии
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета

Влияние Датского завоевания 1016 года на этническую ситуацию в Англии

Этническая ситуация в средневековой Англии представляет собой значительную проблему для исследования. На протяжении раннего Средневековья этнический состав населения Англии неоднократно претерпевал серьезные изменения. Изначально населенная кельтскими племенами Британия испытала некоторую романизацию, которая в основном была утрачена с уходом римских легионов. Вскоре после этого, в конце IV в., в Британию вторглись германские племена англов и саксов, которые расселились на территории будущей Англии, в основном вытеснив кельтов в Шотландию и Уэльс. Британские острова подвергались значительной скандинавской миграции в ходе так называемой «эпохи викингов», продолжавшейся в Северной Европе с VIII по XI в. Наконец, в 1066 г. английское королевство было завоевано Вильгельмом, герцогом французской Нормандии, и на его землях обосновались нормандские феодалы.

В центре внимания исследователей находится первое расселение скандинавов в Англии, произошедшее в IX в. В это время северо-восточные территории Англии подверглись крупномасштабной скандинавской миграции, а располагавшиеся там королевства англосаксов, Нортумбрия и Восточная Англия, были уничтожены. В течение первой половины X в. эти заселенные скандинавами территории были постепенно подчинены в ходе военной экспансии англосаксонского королевства Уэссекс, что привело к созданию единого английского государства. Однако сильное скандинавское влияние на население северо-восточной Англии сохранялось. На это указывают многочисленные топонимы скандинавского происхождения, а также скандинавские личные имена, распространенные на северо-востоке Англии еще в XII в. Заселенные скандинавами территории исторически получили совокупное обозначение «Область датского права» или Денло, поскольку на них действовала особая правовая система. Тем не менее представление об этой и других особенностях в социальной и экономической жизни региона как о прямых следствиях скандинавского расселения в настоящее время оспариваются. Также вызывают дискуссии численность скандинавских поселенцев и степень их смешения с англосаксами [1, 2, 3, 4].

На рубеже X–XI вв. на Англию обрушилась вторая волна скандинавских набегов, которые привели к полному покорению страны и восшествию на престол предводителя викингов, датского конунга Кнута. Это событие известно как Датское завоевание Англии, произошедшее в 1016 г. Кнут и его потомки правили Англией до 1042 г., после чего на трон вернулась прежняя англосаксонская династия. Датское правление продолжалось недолго, однако оно не было единственным результатом завоевания. Данное исследование имеет цель определить влияние, которое Датское завоевание оказало на этническую ситуацию в Англии.

Скандинавское войско, завоевавшее Англию, оставалось здесь недолго. Погодные записи того времени, известные как «Англосаксонская хроника», сообщают: в 1018 г. «часть войска отправилась в Данию, а сорок кораблей остались с королем Кнутом» [5]. Численность оставшихся скандинавских моряков оценивается в две-три тысячи человек. Они не расселились в Англии, а составили наемный флот, который продолжали содержать все последующие короли англосаксонской эпохи. Флот размещался в Лондоне, что признано причиной известного скандинавского влияния, которое этот город испытал в XI в. [6]. Другая скандинавская этническая группа, появившаяся в Англии после завоевания, известна как хускарлы. Само обозначение хускарлов (*huscarl*), а также их личные имена указывают на их скандинавское происхождение [7]. Принято считать, что хускарлы составляли королевскую дружину, привнесенную в Англию вместе с воцарением Кнута, численность которой достигала трех тысяч человек [8]. Существует тенденция рассматривать хускарлов как новую прослойку английской земельной аристократии [7, 9]. Однако это опровергают данные «Книги Страшного суда», составленной в 1086 г. и описавшей более раннее английское землевладение середины XI в. В ней упомянуто всего около трех десятков хускарлов, причем размер их владений был небольшим. Большинство владений хускарлов располагалось не в традиционных северо-восточных районах скандинавского расселения, а на юге Англии [8]. Предполагается, что такое размещение дружинников короля имело целью укрепить его власть в этом регионе [10]. Однако в основном хускарлы не осели на английских землях, оставаясь тесно связанными с королем личными отношениями [11].

Вопрос о скандинавском расселении после завоевания связан с оценкой объема свободных земель в Англии. Основную массу английских землевладельцев составляли тэны – мелкие аристократы, владевшие небольшими участками земли, в которых они несли военную службу. Именно на тэнов пришлось тяжелые военные потери английской стороны, засвидетельствованные Хроникой. Кроме того, описаны чистки местной аристократии, которые проводились Кнутом и после восшествия на престол [5]. Полагают, что многие английские землевла-

* Ривчак Кирилл Владимирович (Москва) – аспирант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, e-mail: rivchak@mail.ru.

дельцы так или иначе лишились своих владений в период завоевания [12, 13]. В то же время, исследователи не обнаруживают широкомасштабное замещение завоевателями уничтоженного слоя английских землевладельцев. О личном составе слоя английских тэнов позволяют судить издававшиеся королем хартии, которые они подписывали, оставляя свое имя [14]. Личный состав тэнов, подписывавших хартии Кнута, в целом значительно отличался от предшествовавшего, причем доля скандинавов среди них увеличилась. Однако среди тэнов Кнута также появилось много новых англосаксов, общее число которых превышало число скандинавов почти в два раза [10, 12, 15, 16].

В период после завоевания скандинавское присутствие обнаружено в регионах Англии, не затронутых предыдущими скандинавскими поселенцами. Одним из таких регионов стала западная Мерсия. Широко известно упоминание епископов Вустера о местных тэнах, «как англах, так и данах», в S 1394 и ряде других документов 1040–1050-х гг. [14]. Записи церкви Вустера также зафиксировали присвоение церковных земель, произведенное скандинавами после завоевания [17]. Предполагается, что плотное скандинавское расселение в западной Мерсии было осознанной королевской политикой и имело целью укрепление близкой границы с Уэльсом, угрожавшей набегами [15]. Как уже отмечалось, расселение скандинавов происходило также в южной Англии. Здесь, в Уэссексе, лежал основной массив королевских земель, которые после завоевания перешли к новому королю и использовались для наделения его сторонников. Сохранились несколько хартий короля Кнута – S 955, 961, 969, – которые содержат пожалования местных земель скандинавам [14]. Предполагается, что подобных пожалований было значительно больше [1, 15]. Наличие земельных владений скандинавов, описанных «Книгой Страшного суда» во всех частях Англии, позволяет исследователям опознать в них именно потомков соратников Кнута [1]. Однако доля скандинавских землевладельцев за пределами традиционных северо-восточных районов расселения признана незначительной, а размеры их владений небольшими.

Все же в царствование Кнута появилось несколько скандинавов, чьи земельные владения были обширны и располагались в различных частях Англии [15]. Среди них исследователи обычно выделяют Осгода Клапу и Тофи Гордого, наиболее известных благодаря истории, описанной в XII в. вустерским хронистом [18]. Характеристика, данная этим высокопоставленным и приближенным к королю скандинавам, подтверждается характером подписания ими хартий, начиная с S 962 [14]. Предполагается, что эти скандинавы являлись соратниками Кнута, чьи крупные земельные владения были образованы из бывших земель английской аристократии, опустевших в период завоевания [12, 15].

Лучше всего в источниках освещены этнические процессы, протекавшие в среде высшей аристократии Англии, благодаря тому, что она постоянно находилась в центре внимания хронистов и активно участвовала в издании документов как общегосударственного, так и местного уровней. Слой высшей англосаксонской аристократии составляли локальные правители, носившие титулы элдорменов. По свидетельству Хроники, практически все они погибли в ходе военных действий или были смещены Кнутом после восшествия на престол в 1016–1017 гг. [5]. Их места заняли скандинавские военные вожди, участвовавшие в завоевании на стороне Кнута. Произошла смена прежней правящей элиты Англии новой, резко отличавшейся по этническому составу. С данным явлением связывается закрепление скандинавского термина «эрл» (*eorl*), который вытеснил прежний англосаксонский аналог «элдормен» (*ealdorman*) [19].

Распределение между завоевателями властных позиций в Англии отражают хартии S 951-5 [14]. Регионы Англии с преобладающим скандинавским населением – Нортумбрию и Восточную Англию – возглавили эрлы Торкель и Эрик. В Мерсии продолжал действовать единственный из элдорменов предшествующего времени, англосакс Леовин, но в этом же регионе появилось сразу три других скандинавских эрла – Эглав, Раниг и Хакон [15, 16]. Их появление подтверждает значительное расселение скандинавов в этом регионе после завоевания [17]. Судя по хартии S 951, в Уэссексе также появилось по крайней мере два новых эрла, Этельвард и Годвин. В отличие от назначений в других регионах эти эрлы имели явно местное южноанглийское происхождение. Все же в первые годы после завоевания в слое высшей аристократии Англии наблюдалось явное преобладание скандинавов, причем не только по численности, но и по степени влияния и приближенности к королю. Сведения об этом предоставляет характер подписания эрлами королевских хартий. На хартиях S 951-5, изданных до 1020 г., подписи скандинавских эрлов в целом располагались выше, чем подписи англосаксов с тем же статусом. Первым среди их числа хартии всегда подписывал эрл Торкель.

Несмотря на свой значительный характер, преобладание скандинавов-завоевателей оказалось весьма кратковременным. Уже в 1020-е гг. произошел их уход из слоя высшей аристократии Англии, отраженный хартиями S 958-63 [14]. Некоторый свет на обстоятельства этого процесса проливает Хроника: его начало положило изгнание Торкеля, произведенное королем в 1021 г. Эрл Хакон погиб в 1030 г. за пределами Англии, которую, очевидно, покинул немногим ранее [5]. Обстоятельства исчезновения эрлов Эрика, Эглава и Ранига достоверно неизвестны, но последние подписанные ими хартии датируются серединой 1020-х гг. Замечено, что в это же время произошло исчезновение из хартий подписей многих других скандинавов ниже уровня эрлов [10]. Таким об-

разом, процесс ухода завоевателей охватил всю аристократию Англии. Его причины можно лишь предполагать. Король Кнут мог потерять интерес в присутствии в Англии своих бывших соратников по завоеванию [13]. Или же напротив, могла появиться потребность в их присутствии в Скандинавии, где Кнут начал расширять сферу своего влияния именно в 1020-х гг. [20].

В Англии режим Кнута начал все более опираться на местную аристократию. С 1023 г., спустя немного времени после изгнания Торкеля, на его место выдвинулся эрл Годвин. Хартия S 959, как и все последующие, подписана Годвином первым среди эрлов. С хартии S 964, датируемой 1032 г., второе место среди эрлов заняла подпись англосакса Леофрика, который получил эрлство Мерсию. Выдвижение Леофрика на ведущую властную позицию в Мерсии связывается с исчезновением из этого региона скандинавских эрлов [21]. Третью позицию на хартии S 968 1033 г. заняла подпись эрла Сиварда, возглавившего Нортумбрию. Скандинавское прозвище *digri* («сильный»), которое носил Сивард, считается указанием на его происхождение из числа скандинавов-завоевателей [22]. Однако пауза почти в два десятилетия между завоеванием и получением эрлства ставит это под сомнение. Скорее, Сивард происходил из местного скандинавского населения Нортумбрии. Эта первая тройка эрлов, сложившаяся в конце правления Кнута, накануне его смерти в 1035 г., неизменно находилась на вершине власти в течение двух следующих десятилетий. Таким образом, в группе эрлов установилось преобладание выходцев из английской аристократии, среди которых скандинавы представляли не более чем традиционный северо-восточный компонент.

Результаты Датского завоевания не всегда возможно выделить на фоне предшествовавшего скандинавского влияния, которому Англия подверглась в раннюю «эпоху викингов». Определенно, завоевание незначительно повлияло на этнический состав населения Англии в целом, хотя его влияние распространилось на регионы, прежде не затронутые скандинавским расселением. Однако результаты завоевания были заметны в среде английской аристократии, особенно в ее высшем слое. Здесь таким результатом стало появление скандинавской правящей элиты, правда, существовавшей весьма непродолжительный срок. Несмотря на это, представляется, что данный интересный феномен в истории Англии достоин серьезного исследования.

Источники и литература

1. Stenton F. Anglo-Saxon England. 2nd ed. Oxford, 1947. P. 495–518.
2. Davis R. East Anglia and the Danelaw // Transactions of the Royal Historical Society, 1955. Vol. 5. P. 23–39.
3. Со́йер П. Эпоха викингов. Пер. с англ. СПб., 2002. С. 217–40.
4. Hadley D. 'And they Proceeded to Plough and to Support Themselves': the Scandinavian Settlement of England // Anglo-Norman Studies. 1997. Vol. 19. P. 69–96.
5. Anglo-Saxon Chronicle, According to the Several Original Authorities / Ed. B. Thorpe. L., 1861. MSS (CDE).
6. Nightingale P. The Origin of the Court of Husting and Danish Influence on London's Development into a Capital City // English Historical Review. 1987. No. 404. P. 567–8.
7. Hooper N. The Housecarls in England in the 11th Century // Anglo-Norman warfare / Ed. M. Strickland. Woodbridge, 1992. P. 11–16.
8. Larson L. The King's Household in England before the Norman Conquest. Madison, 1904. P. 153–71.
9. Корьев А.А. Наемная гвардия хускарлов короля Кнута Великого // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. С. 24.
10. Bolton T. The empire of Cnut the Great: conquest and the consolidation of power in Northern Europe in the early 11th century. Leiden, 2009. P. 13–76.
11. Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI веке. СПб., 2007. С. 75–6.
12. Mack K. Changing Thegns: Cnut's Conquest and the English Aristocracy // Albion. 1984. No. 4. P. 384–5.
13. Fleming R. Kings and Lords in Conquest England. N.Y., 1991. P. 39–48.
14. Regesta Regum Anglorum. Devised by S. Miller. British Academy, Royal Historical Society, 2001. – URL: <http://www.trin.cam.ac.uk/chartwww/NewRegReg.html>.
15. Lawson M. Cnut: the Danes in England in the early 11th century. L.; NY., 1993. P. 163–89.
16. Keynes S. Cnut's earls // The Reign of Cnut: King of England, Denmark and Norway / Ed. A. Rumble. L., 1994. P. 78–87.
17. Williams A. 'Cockles amongst the Wheat': Danes and English in the Western Midlands in the First Half of the 11th Century // Midland History. 1986. Vol. XI. P. 1–15.
18. Florentii Wigorniensis Monachi Chronicon Ex Chronicis / Ed. B. Thorpe. 1849. Vol. I. L. S.a. 1042.
19. Loyn H. The governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. Stanford, 1984. P. 132.
20. Larson L.M. The political policies of Cnut as King of England // American Historical Review 15, 1910. P. 735.
21. Baxter S. The Earls of Mercia: Lordship and Power in Late Anglo-Saxon England. Oxford, 2007. P. 33.
22. Olrik A. Siward Digri of Northumberland // Saga-Book of the Viking Club. 1908–9. Vol. VI. P. 227–37.

Пермь вычегодская. Реальность и миф историографизма**

В настоящей работе авторы не ставят перед собой задачи проведения детального историко-демографического анализа процесса формирования населения Европейского Северо-Востока в XI–XVI вв. Достаточно детально существующие концепции этногенетических процессов на территории Европейского Северо-Востока содержатся в ряде обобщающих работ Э.А. Савельевой и И.Л. Жеребцова [1, с. 561–650, 651–691; 2, 3, 4; 5]. Авторам хотелось бы остановиться на рассмотрении лишь нескольких базовых положений.

Следует отметить, что к настоящему моменту возникла необходимость внести ряд уточнений в существующую концепцию формирования населения Европейского Северо-Востока и, в частности, в содержание термина «Пермь Вычегодская» и его соотношение с вымской археологической культурой (далее – АК) XI–XIV вв.

Пермь Вычегодская – термин, употребляемый в историографии для обозначения комиязычного населения, проживавшего на территории Европейского Северо-Востока в средневековье, непосредственных предков коми-зырян***. Существующая к настоящему времени концепция этнокультурной истории региона рассматривает ее как постепенное непрерывное развитие на протяжении всего железного века локальных археологических культур, приведшее в конечном итоге к формированию современных коми (зырян). При этом, в соответствии с лингвистической моделью развития и членения пермской языковой общности, население Коми края сначала, в рамках ананьинской культурной общности, входит в ряд общей прапермской, затем, в III в. до н.э. – IV(V) в. н.э., в рамках гляденовской КО – пракоми языковой общности, а в VI–X вв. (ванвиздинская АК) выделяется как предки коми (зырян). Термин «Пермь Вычегодская» отражает процесс окончательного размежевания пракоми языковой общности и дальнейший процесс формирования коми-зырян с XI в. Название это, согласно существующей концепции, содержится в документальных актах XV в.

Согласно сложившейся в российской медиевистике историографической традиции первое упоминание перми (как народа) содержится в географической преамбуле к ПВЛ, датируемой началом XII в. В дальнейшем «пермь» упоминается в дипломатической переписке Новгорода Великого в списке принадлежащих ему волостей, то есть как область без указания этнической принадлежности ее населения. Следует подчеркнуть, что новгородские источники XII–XIV вв. не содержат данных о географическом положении волости, ее границах, внутренней дифференциации населения. Неясно, состояла ли в даннической зависимости от Новгорода вся огромная территория Перми XV в., или это была только ее часть. И если да, то какая именно и в какой период. Неясно даже, входил ли Вычегодский край в эту волость или под Новгородской пермью следует понимать «станы пермские» на р. Пинеге [6]. Первые сведения, фиксирующие географическое положение Перми, относятся к концу XIV или началу XV в., содержатся в житии св. Стефана Пермского, составленном Епифанием Премудрым [7]****. Следует упомянуть, что этот источник трактует географию и этнографию региона, согласуясь с особенностями агиографического жанра и существующей литературной традицией. Географическое описание пермской земли, например, приведено по образцу ветхозаветного описания Эдема:

10 Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

11 Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

12 и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.

13 Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш.

14 Имя третьей реки Хиддекедь: она протекает пред Ассириею. Четвёртая река Евфрат (Бытие, 2:10–14).

Согласно тексту Жития, основные реки Перми разделяются на пограничные (обходящие землю) и собственно насельные («проходящая всю землю пермскую сквозь ню, исходяща из земли пермской, яко течет в другую страну перми»). Таким образом, согласно описанию Епифания, пограничной рекой на западе и севере Перми

* Багин Алексей Львович (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Кленов Михаил Викторович (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Статья публикуется при поддержке Программы ориентированных фундаментальных научных исследований УрО РАН «Арктика», проект № 12-6-9-008 «Освоение арктической зоны Припечорья в древности и средневековье».

*** В работах региональных исследователей термин «пермь вычегодская» часто заменяется другими – пермь, вымская археологическая культура, вымская культура перми вычегодской.

**** Необходимо отметить, что авторский оригинал Жития Стефана не известен – до нас дошли лишь списки, созданные гораздо позднее. Самые ранние списки Жития датируются концом XV в. Издание Жития 1897 г. наиболее известно, считается «классическим» и, как правило, именно к нему обращаются все исследователи текста. Оно основывается на списке ГИМ Синодальной библиотеки, датируемом первой половиной 70-х гг. XVI в. Однако и оно содержит много ошибок.

является Вымь, на юго-западе – Вятка или часть ее бассейна (с учетом области расселения удмуртов) [8, с. 196], на юго-востоке – часть долины Камы, после которой она поворачивает в югу (т.е. собственно Пермь Великая). Опровергает тезис о распространении Перми в этот период до устья Вычегды и то, что Вычегда названа исходящей из Перми и далее текущей по северной стране до впадения в Двину. При поездке в Пермь следовало подниматься Вычегдой до собственно начала этой страны. Впрочем, конкретные границы Перми в пределах нижнего течения Вычегды не указаны. Возможно, Усть-Вымь была практически пограничным пунктом, а распространение коми населения на нижнюю Вычегду произошло позднее.

О дифференциации внутри Перми можно судить исходя из списка земель, стран и мест, проживающих в Перми и около нее. Из контекста ясно, что «пермь» в понимании Епифания – не народ, а страна, историческая область, а пермяне – население этой области вне точного этнического определения. Важным для автора является лишь то, что все они язычники. В данном источнике приведены общие границы области Перми, нет данных о выделении вычегодского пермского населения в какую-либо отдельную, внутренне консолидированную группу.

Некоторая дифференциация (не этническая, а церковная и административная) Вычегодского и Камского бассейнов все же намечается в XV в. – Стефан учреждает Пермскую епархию «на вырост» и крестит пермян на крайнем северо-западе страны, в Северодвинском бассейне. После окончания миссионерской деятельности Стефана в 1396 г. дальнейшее расширение епархии приостановилось на 48 лет. Удора была крещена четвертым пермским епископом Питиримом в 1444 г., Пермь Великая – в 1455 г. [9, с. 87, 88], дополнительно крещена в 1462 г. пятым епископом Ионой. Только через 79 лет после учреждения кафедры епархия охватила всю Пермскую землю, до того ограничивалась вычегодскими, а затем вычегодско-мезенскими землями. В 1451 г. «прислал князь великий Василей Васильевич на пермскую землю наместника от роду вереиских князей Ермолая, да за ним за Ермолаем да за сыном ево Василием правити *пермской землей вычегоцкою*, а старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил *на Великия Пермь на Чердыню*. А ведати им *волости вычегоцкие* по грамоте наказной по уставной» [9, с. 88]. Из документа очевидно, что разделение пермских земель по бассейнам носит административный характер, епархия к 1455 или 1462 г. объединяет всю область. «Перми вычегодской» как этнической единицы в источнике нет – есть *вычегодская земля* Перми как единица административного управления. То же самое положение характерно и для жалованных грамот Ивана III 1485 и 1490 гг. В жалованной грамоте 1485 г. «волостные люди пермяки *Перми Вычегодские земли и места* вычегжане, удорены, сысолены» [9, с. 73], в 1490 г. – «пожаловал... землями по Вычегде, и во всей *вычегодской земле*» [9, с. 78]. «Пермь вычегодская» появляется только в названии грамоты 1485 г., однако этот заголовок документу дан опубликовавшим его П.Г. Дорониным условно, в оригинале он отсутствовал.

Некоторая этническая консолидация вычегодско-удорско-печорского коми населения намечается только в конце XVII–XVIII вв., с появлением этнонима «зыряне». Сам этноним древнее – в документах XV в. он передан как сирьяне (Житие Стефана Пермского), крещеные сирьяне ужговские (Жалованная 1485 г.), однако это наименование относится лишь к группе в составе вычегодского населения – жителям ужговской волости верховий Сысолы и Камы. В период XVI–XVII вв. употреблялся в основном этноним «пермь», «пермяне». Этноним же зыряне возникает вновь только у Избранта Идеса в записках о русском посольстве в Китай 1692–1695 гг. и также касается жителей волости Ужга [9, с. 119]. В дальнейшем, в XVIII–XIX вв. этот этноним распространился на все вычегодско-удорско-печорское комиязычное население [10]. Однако этот этноним внешний, распространяется среди русского, удмуртского, мансийского и ненецкого населения, соседствующего с коми. Коми-пермяки и коми-зыряне до настоящего времени имеют общее самоназвание и самосознание, этнографические, лингвистические, фольклорные различия двух народов невелики.

Таким образом, можно говорить, что этноним «пермь вычегодская» в исторических документах отсутствует, создан искусственно, стилизован под документальность и активно используется региональными исследователями. Назначение этого этнонима в рамках существующей концепции непрерывного на протяжении железного века генезиса коми-зырян одновременно и дифференцирующее и консолидирующее: он призван выделить северо-двинских и удорских коми из общего массива пермских народов и объединить отдельные группы этого населения в единый этнос.

Далее происходит распространение этого этнонима в глубь веков (по крайней мере, до XI в.) на носителей вымской археологической культуры. Отдельной аргументации для распространения названия на более раннее время не приводится, поскольку население, согласно существующей концепции, генетически преемственное, на него можно распространить и этноним*. Не вдаваясь в этническое и культурное содержание вымской АК, попытаемся рассмотреть вопрос о ее преемственности с позднейшим коми населением.

Как отмечает ведущий исследователь культуры Э.А. Савельева, погребения наиболее хронологически поздней выделяемой ею группы (XIII–XIV вв.) **представлены, в основном, на Кокпомъягском могильнике. Отдельные вещи, время бытования которых доходит до данного периода, встречаются, по мнению Э.А. Савельевой, на**

* Всего на территории Коми края известно примерно 2450 погребений первой пол. II тыс. н.э.

Бджыдзьельском, Вадьягском и Жигановском могильниках [1, с. 607; 11, с. 164]. Эти памятники расположены компактной группой на участке долины р. Вымь протяженностью около 42 км, центром которой является Пожегское городище (памятник имеющий древнерусское происхождение, датируется XII–XIV вв.). Как отмечает Э.А.Савельева, в большинстве случаев из-за широких датировок погребального инвентаря невозможно разделить в этой группе комплексы XIII и XIV вв. [11, с. 163], т.е. **следует считать, что количество погребений собственно XIV в. в этой группе крайне невелико.** В поселенческих материалах этого периода предметы и объекты XIV в. также единичны. Очевидно, можно говорить о том, что данный период характеризуется резким сокращением ареала вымской культуры, численности населения региона (погребения, относимые к этой группе, очень немногочисленны, более поздним временем ни один комплекс датировать нельзя) [12, с. 39–40].

По мнению И.Л. Жеребцова и К.С. Королева [13, с. 11], численность населения Коми края в 1485 г. составляла 7–10 тыс. чел. (количество ясачных луков 1707, каждый из которых принимается за семью из 4–6 человек). При естественном приросте стабильного населения (около 1% в оптимуме, без периодов голода, эпидемий, войн и т.д.) население края могло удвоиться за 100 лет [14, 15, 16]. Т. е. к концу XIV в. население должно было составлять 3,5–5 тыс. чел., в конце XIII в. – 1,75–2,5 тыс. чел. При уровне смертности 3,5–4,5% количество умерших на заключительном этапе существования вымской культуры, т.е. в 1285–1385 гг., должно было составить от 5125 (смертность 3,5% от 1750 чел.) до 11125 (смертность 4,5% от 2,5 тыс. чел.) человек. Эти цифры отражают **не столько реальную численность населения** и, соответственно, умерших и захороненных, **сколько гранично возможные, наиболее оптимальные для концепции непрерывности показатели.** Даже и в этом случае, названные цифры в десятки и сотни раз превосходят количество погребений на действующих в это время могильниках вымской культуры*. Общее количество погребенных за весь период существования культуры (XI–XIV вв., около 350–400 лет), на всех известных исследователям памятниках, составляет около 2100**.

Следует отметить, что к концу XV в. ареал расселения значительно расширяется и включает в себя Удору и нижнюю Вычегду выше Сольвычегодска и устья р. Вилядь, долину рек Сысола и Вишера. Заселенная территория включает районы, в которых памятники вымской культуры XI–XIV вв. неизвестны.

Таким образом, даже исходя из самых оптимальных для концепции непрерывности демографических подсчетов становится ясно, что в Коми крае в конце XIV–XV вв. происходит значительный приток населения извне. Доля наследников вымской культуры в этом новом населении очень невелика.

Прекращение вымской культуры связывается исследователями с христианизацией края, проведенной Стефаном Пермским в 1380–1396 гг. и сменой культурно-хозяйственного типа, приведшей к смене системы расселения. В то же время вместе с прекращением вымской культуры отмечается и прекращение существования русских поселенческих памятников (Пожегское городище, Карыбйивское, Гуль-Чунь, Бджыдзьельское поселения), что сложно увязать с процессом христианизации. Изменения в культурно-хозяйственном типе мало влияют на расположение кладбищ – до сих пор деревенские кладбища в Коми крае располагаются в большинстве своем в тех же топографических условиях, что и средневековые. Для вымской культуры исследователи реконструируют комплексное хозяйство с животноводством, подсечно-огневым земледелием и перелогом [1, с. 609]. Принципиального изменения такого типа хозяйства не происходит и позднее [17, с. 81]. Сравнить систему расселения этнографических коми и вымской археологической культуры невозможно, поскольку до сих пор известно всего два поселения, определяемые как собственно вымские – Жигановское и Леваты. Христианизация коми, как уже указывалось, являлась длительным процессом и началась лишь в конце XIV в. По археологическим же материалам, демографический кризис в регионе начался гораздо раньше и к моменту «Стефанова крещения» вымская культура либо уже практически не существовала, либо находилась на грани этого состояния. О причинах демографической катастрофы можно только догадываться. Возможно, это было отражением естественных процессов, реконструированных Н.А.Макаровым для более раннего времени, для района оз. Кубенское и Белозерья, выражавшихся в относительно кратковременной концентрации населения вокруг русских торгово-ремесленных центров, бурном развитии поселений в связи с интенсивной эксплуатацией промысловых ресурсов. В дальнейшем, по мере истощения ресурсов, процесс роста населения замедлялся, ликвидировались торговые и ремесленные центры, население рассеивалось [16]. Еще одним фактором, возможно, повлиявшим на резкое сокращение населения в Коми крае было похолодание XIV–XVI вв. [13, с. 11]. Возможно, действие и иных факторов. В ходе любого из десяти военных конфликтов 1316–1389 гг. великих князей (тверских, московских) с Новгородом русские поселения могли быть уничтожены одной из конфликтующих сторон или просто заброшены. Археологические исследования на наиболее крупном поселении этого времени, Пожегском городище, показали, что в XIV в. было начато строительство последней, самой мощной системы укреплений. Строительство, вероятно, было не завершено, деревянные конструкции сгорели, городище прекратило существование. Причины этого неизвестны. Поскольку русские поселения были системообразующими для вымской культуры [12, с. 38], их исчезновение

* Даже с максимальным расширением этой группы за счет недатированных погребений.

** Всего на территории Коми края известно примерно 2450 погребений первой половины II тыс.н.э.

не могло не привести к ее значительной трансформации. Немаловажным фактором могли быть и две эпидемии 1352 и 1363 гг., отмечавшиеся в соседнем Прикамье [18, с. 508]. Какие бы причины или совокупности причин ни вызвали прекращение существования памятников вымской культуры, ясно одно – происходила не культурная трансформация, а демографический коллапс. Таким образом, можно предполагать, что вымская культура не могла стать реальной (достаточной) основой дальнейшего формирования народа коми-зырян, распространение на вымскую культуру позднейших названий неоправдано.

Повторное заселение региона, видимо, связано с патронажной деятельностью пермских епископов (с 1380 г.) и удельных вымских князей (1451–1503 гг.). К концу XV в. жалованная грамота 1485 г., как отмечалось, фиксирует в вычегодской земле уже 1707 ясачных луков без учета жителей епархиальных селений.

Источники и литература

1. *Археология Республики Коми*. М.: Изд-во «ДиК», 1997. 758 с.
2. *Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С.* Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 299–349.
3. *Савельева Э.А.* Истоки народа коми // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. М.; Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 3. С. 3–32.
4. *Савельева Э.А.* Формирование этнической территории древних коми-зырян // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 18–25.
5. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы в Коми Крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005. 376 с.
6. *Давыдов В.Н.* Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1972. (Науч. докл. / Коми филиал АН СССР. Вып. 33).
7. *Святитель Стефан Пермский*. К 600-летию со дня преставления // Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях. СПб.: «Глаголь», 1995. 280 с.
8. *Низов В.В.* Епифаний Премудрый о Пермской земле // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996.
9. *Древние рукописи о Перми вычегодской*. Сыктывкар, 1997. 128 с.
10. *Цытанов Е.А.* Зыряне – загадочный этноним // Родники пармы–90. Сыктывкар, 1990.
11. *Савельева Э.А.* Вымские могильники. XI–XIV вв. Ленинград, 1987. 200 с.
12. *Кленов М.В.* Пермь вычегодская. К проблеме формирования населения Коми края в эпоху средневековья // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. М.; Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 2. С. 33–42.
13. *Жеребцов И.Л., Королев К.С.* Влияние климатического фактора на историко-демографическое развитие коми // Историческая демография. М. – Сыктывкар, 2007. С. 10–17.
14. *Макаров Н.А.* Население русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.
15. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. 386 с.
16. *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е.* Сельские поселения на Кубенском озере в XII–XIII вв. – от расцвета к запустению // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций. Тезисы докладов. М., 2000. С. 65–72.
17. *Очерки по истории Коми АССР*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Т. 1.
18. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск // Археология Пермского края. Свод исторических источников. Пермь, 2008. Вып. 1. 603 с.

Переселения коми в Сибирь и на Дальний Восток в конце XVI – XVII в.**

Изучение истории переселений жителей Коми края в Сибирь и на Дальний Восток имеет давнюю историю. Еще в XVIII в. появились первые научные работы, в которых наряду с другими вопросами затрагивались некоторые аспекты демографического развития коми, и в первую очередь миграций жителей Коми края. В связи с изучением истории Приуралья, Сибири и сибирских народов исследователи Г.Ф.Миллер [1], Г.Н.Новицкий [2], а позднее А.Шегрен [3], В.Т.Трапезников [4] и др. отметили факт переселения коми в указанные регионы (подробнее см.: [5–7]).

Но специально эти сюжеты стали исследоваться только во второй половине XX в. Особенно активизировалось изучение историко-демографических и, в частности, миграционных процессов, происходивших в регионе в различные эпохи, в 1990-е гг. В ряде монографий и других публикаций А.А. Преображенского [8, 9], П.А. Колесникова [10], Л.Н. Жеребцова [11], Н.Д. Конакова [12], И.Л. Жеребцова [13–16 и др.] отражены факторы, влиявшие на движение населения Коми края. Рассмотрен ряд аспектов переселения жителей за пределы Коми края. Одним из первых специально исследовал участие коми в освоении Сибири и Дальнего Востока Л.Н. Жеребцов [17–19 и др.]. Переселения коми за Урал по писцовым и переписным книгам нескольких сибирских уездов рассмотрены Э.Д. Красильниковой [20]. Данные о миграциях коми за Урал содержатся в серии публикаций И.Л. Жеребцова [21–23 и др.] и других авторов (см. подробнее: [24, 25]). Проведенные исследования позволяют обобщить в публикуемой статье данные о переселениях жителей Коми края за Урал – в Сибирь и на Дальний Восток, происходивших в конце XVI–XVII вв.

После вхождения в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств во II половине XVI в. появилась возможность для широкого освоения Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки русскими колонистами. Разгром Сибирского ханства и установление власти Московских государей в Западной Сибири в конце XVI в. сделали возможным переселение в Приуралье и за Урал, на более богатые и плодородные по сравнению с Европейским Северо-Востоком земли.

Исследователями отмечена немаловажная роль населения Европейского Северо-Востока и, в частности, Коми края в освоении Сибири и Дальнего Востока [26, 27, 28 и др.]. **Переселения в Сибирь приобрели значительный размах только с конца XVI – начала XVII в., после присоединения к России Зауралья.** Предположение Л.Н. Жеребцова, что «уже с XVI в. значительные группы коми начали оседать в Западной Сибири» [29], следует, очевидно, принимать, имея в виду именно конец XVI в. Высказывавшиеся некоторыми авторами (В.Н. Латкин [30], Г.Н. Новицкий [31]) мнения о массовых миграциях коми за Урал в предшествовавшее время (в частности, в период их христианизации, т.е. в конце XIV в.) и о том, что ханты и манси – потомки этих переселенцев – не имеют достаточных оснований.

Вместе с тем коми и русские обитатели Европейского Северо-Востока (охотники и торговцы), конечно, бывали в Зауралье и до его присоединения к России, хорошо знали ведущие туда пути. Об этом писал еще в XVIII в. историк Г.Ф. Миллер: «Большой горный хребет, отделяющий Сибирь от России, никогда не препятствовал общению народов, живших по обеим сторонам его... В этом отношении особенно отличались зыряне, жившие по берегам Вычегды и Выми» [32]. Кроме того, жители Европейского Северо-Востока принимали участие в ряде военных походов в «Югру», предпринятых во второй половине XV – XVI в. [33, 34, 35], и в **сборе дани с местного населения.** Так, в грамоте Ивана Грозного 1556–1557 гг. в Югорскую землю говорится: «Послал есми к вам по свою дань... Нечайка Иванова сына Вычегжанина» [36], т.е. выходца с Вычегды.

После включения Зауралья в состав Российского государства для северных крестьян открылась возможность переселяться на обширные и малозаселенные пространства Сибири, расположенной в непосредственном соседстве с Европейским Северо-Востоком. Этой возможностью они не преминули воспользоваться. В дозорной книге Яренского уезда 1608 г. названы, например, Карп Ортемьев из Жешартской волости, который «збежал в Сибирь во 109-м году», Иван Марков, ушедший в Сибирь в 1602 г. из Глотовой слободки, Лева Трофимов, переселившийся туда же из Усть-Сысольской волости. Однако на первых порах, в конце XVI в., большую часть выходцев из Европейского Северо-Востока, колонизировавших Сибирь, составляли не те, кто уходил по своей

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru. **Исупов Владимир Анатольевич** (Новосибирск) – доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, vladimir_2004@mail.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

воле, а мобилизованные на военную службу в сибирские города. Так, согласно дозорной книге Яренского уезда 1608 г., в 1586–1608 гг. в Сибирь переселился 61 человек, из них добровольно – 12; остальные 49 (80,3%) – в принудительном порядке, из них 45 – жители Вымской земли [37]. Сообщения о наборах ратных людей имеются и в Вычегодско-Вымской летописи. Так, в 1608 г. «повеле государь Василей собрати с уезду Еренского и с Великие Перми людей ратных семидесяти и итти им к Москве, а опосля повеле им в сибирские места на югорцев и вогуличей, по тому Анна Игичея с детьми измену норовила супротив русаков и пермяков» [38].

Освоение Сибири происходило достаточно быстро. Начало ему было положено походом Ермака в Сибирское ханство в начале 1580-х гг. [см.: 39, 40] (между прочим, проводниками в его отряде были 40 человек коми: «И вожи ему были зыряне» [41]). К концу XVI в. выходцы из европейской части страны освоили Среднюю и Нижнюю Обь, нижнее течение Иртыша с Тавдой и Турой. На р.Таз был основан Мангазейский острог. В начале XVII в. возникли населенные пункты на притоках Оби (в ее верхнем течении), Кети (Кетский острог) и Томи (Томска, позднее Кузнецк), а затем и на Енисее – Туруханск, Енисейск и др. [42]. Практически во всех городах и острогах, возникших в этот период, среди первопоселенцев были выходцы из Европейского Северо-Востока.

Раньше других (1586 г.) на р.Туре был основан г. Тюмень. «С его постройки и началось прочное освоение Сибири» [43]. Данных, относящихся к концу XVI в., у нас нет, но в дозорной книге 1623 г. указано, что в Тюмени у посадского человека Дмитрия Васильева зырянина (сысолятина) на подворье жили зыряне Василий Дмитриев и Василий Ларионов. В Тюмени жили посадские люди Семен Федоров Зырянин с сыном Петром и Родион Павлов Вымитин, пеший казак Субботка Михайлов Вычегжанин, крестьяне Дмитрий и Прохор Елистратовы Вымичи, Семен Никитин Ошкоков с сыном Пронькой, Шумилко Никифоров Вычегжанин, братья Амос, Иван, Семен и Томил Ивановы Сысолины [44]. (Учитывая неполноту прямых сообщений писцовых и переписных книг о миграционных процессах, авторы при изучении переселений использовали данные антропониимии. Фамилии выходцев с Европейского Северо-Востока, образованные от названий географических объектов (Вычегжанин – от р. Вычегда) и от названий народов (Зырянин – от названия народа коми-зырян), непосредственно указывают на место их прежнего жительства и этническую принадлежность. О последней свидетельствуют также фамилии, образованные от коми слов с различной семантикой, распространенные в Коми крае (Ошкоков, Дозморов, Кочев, Шешуков и иные). В писцовой книге Тюменского уезда 1624 г. среди жителей города зафиксированы 11 человек, чьи фамилии и прозвища указывают на происхождение их с Европейского Северо-Востока: стрелец Семен Зырян, посадские люди Федосей Иванов Вычегжанин, Костя Максимов Шешуков, Кирил Матеев Вычегжанин, Осип и Яков Сысоличи, бобьль Первушка Шешуков, пашенные крестьяне, имевшие свои дворы в остроге, Семен Шешуков и Василий Иванов Зырянин, ямщики, которые «живут в городе», Карп Шешуков и Иван Печера. Выходцем с Европейского Северо-Востока был также Дмитрий Артамонов Мезенцев. Возле Тюмени располагались две деревни, названия которых указывают на то, что их основатели переселились сюда с Европейского Северо-Востока (и, в частности, из Коми края): Шешукова на р. Туре и Зырянская на р. Пышме [45].

В 1587 г. на Иртыше, напротив устья Тобола, был основан Тобольск, ставший военно-административным центром Сибири [46]. Вычегодско-Вымская летопись сообщает, что в 1587 г. «князь великий Феодор повелел взяти в новый город Тоболск из вычегодские и вымские пермяки в служилые казаки пять десять и с жоны и с детьми...» [47]. В наказе князю Петру Горчакову (1592 г.) сказано, что «земские ратные люди: пермичи, и вятчяны и вымичи, и усольцы пойдут по росписи в Сибирь, в Тобольский город» [48]. Дозорная книга Яренского уезда 1608 г. сообщает, что в погосте Кошки (Вымская земля) был «двор пуст Сеньки Яковлева да сына ево Дениска, убили в Тобольске в 113-м (1605) году». Еще один Сенька Яковлев, из волости Тьдор (Вычегодская земля), также погиб в Тобольске в 1598 г. [49]. Дозорная книга 1624 г. сообщает, что одна из улиц Тобольска носила название «Зырянская». На этой улице располагались дворы конного казака Ивана Вычегжанина, пеших казаков Томила Вычегжанина и Ивана Жилина, пашенных крестьян Ивана Прошева и Онтропа Юдина. Среди жителей Тобольска перечислены также казаки Иван Данилов Куимов и Семен Кутов и гулящий человек Василий Куимов [50].

Вслед за Тюменью и Тобольском, строительство которых имело целью закрепиться в наиболее важных центрах присоединенного к России региона, были предприняты меры для обеспечения сообщения с Сибирью «чрезкаменным» путем. Для этого в 1590-х гг. были основаны города Лозьвинский, Пелым, Березов и Обдорск (Носовой городок). Лозьвинский городок, построенный в 1590 г. близ впадения р. Ивдель в Лозьву, и Пелым, возникший в 1593 г. у впадения р. Пелым в Тавду, закрепили путь в Сибирь по Вишере, Лозьве и Тавде. С основанием в 1593 г. Березова на р.Северной Сосьве за Россией был укреплен путь с притоков Печоры (Щугора и Ильча) на Северную Сосьву и Обь, а с постройкой в 1595 г. в низовьях Оби г.Обдорска – путь с Усы на Собь и Обь [51, 52].

В числе первых жителей этих населенных пунктов были выходцы с Европейского Северо-Востока. Вычегодско-Вымская летопись сообщает о посылке «на Лозьву городок» шести «судоделавцов» [53]. О наличии коми среди основателей Обдорска свидетельствует тот факт, что само название этого городка (как и р. Оби) имеет коми происхождение [54]. Жители Европейского Северо-Востока участвовали в строительстве Пельма и

Березова. Г.Ф. Миллер высказал даже предположение, что «еще до построения города Березова там был основан небольшой острог с малым числом ратных людей с реки Выми» [55].

В наказе князю П. Горчакову, посланному строить г. Пелым, в частности, говорилось: «...вскинуть на рать на всю на служилые казаки по пяти бревен на человека, и на пермичь, и на вымичь, и на усольцев по пятнадцати бревен или по шестнадцати, как будет пригоже...» [56]. В Вычегодско-Вымской летописи сообщается, что в 1593 г. «повеле князь великий Феодор посылати пермяки вычегжаны и вымичь на Пельнь и на Березов городки строити. Того же лета введено отпустить от Вымского уезду в Сибирь 60 ратных в казаки». Через год, в 1594 г., поступил новый приказ: «Взяти от вымичей и вычегжаны 10 человек лучших людей с жоны и с детьми в Сибирь на Березов город и тамо жити» [57]. Вымич Василий Тарабукин был проводником в отряде Ф.Дьякова, который в 1598 г. направлялся из Тобольска в Березов, а оттуда на реки Пур и Таз. В этой экспедиции участвовали и другие «вымичи и зыряне» [58, 59].

В дозорной книге Яренского уезда 1608 г. отмечено, что в посаде Турья имелись два пустых двора, обитатели которых были взяты в Березов: двор «Екунка Иванова, взят на Березов в казаки во 110-м (1602) году», и двор «Нечайка Петрова, взят на Березов в казаки во 108-м (1600) году». Тот же документ указал, что Митька Алексеев из погоста Кони «збежал на Березов во 109-м (1601) году». Андрей Енгирев из выемского погоста Шошки «взят на Березов в казаки во 101-м (1593) году». Сеньку Федорова из погоста Ляли «убили на Березове во 105-м (1597) году». Захар Спиринов из погоста Вездынь «умер на Березове во 115-м (1607) году» [60]. В 1626 г. в числе березовских казаков был Василий Пустозерц [61]. В 1612 г., когда «вогуличи пельинские ... промышляли измену супротив русские земли, пермские места пограбити», против них было послано войско, в составе которого были и ратники из Коми края: «И шедшу на Пельнь люди ратные вычегжаны, чердынцы с воеводою верхотурским, вогульских зачинных смутьянов переимали и перевешали» [62]. В дозорной книге Пельмского уезда 1624–1625 гг. упомянут «крестьянин Оська Лукьянов Еренского городка в новой слободке на р. Сосье на горях» [63].

В конце XVI в. (1597 г.) была открыта новая, более удобная, дорога в Сибирь. Она вела от Соли Камской на верховье р. Туры. На том месте, где эта дорога выходила к Туре, в 1598 г. построили г. Верхотурье. Заселение Верхотурского уезда шло довольно быстро. Среди оседавших здесь переселенцев из Поморья преобладали сольвычегодцы, выходцы с Лузы, Двины, Пинеги и из Устюжского уезда [64]. В документах первой четверти XVII в. упомянуто немало живших в Верхотурском уезде коми и русских – переселенцев с Европейского Северо-Востока. Из грамоты Бориса Годунова 1601 г., адресованной в Верхотурье: «Били челом нового острогу ямские охотники Ондрушка Мокеев сын Зырянов и в товарищей своих место... им-де в остроге теснота великая, и огородов развести негде» [65]. В 1623 г. в Верхотурском уезде жил Лука Лузянин [66]. Дозорная книга Верхотурского уезда 1624 г. назвала три крестьянских двора, хозяева которых носили прозвища «зырян», три двора ямских охотников, носивших прозвище «вычегжанин» [67], деревню «вверх на реке на Пнее... Васьки Зыряна» и деревню «вверх на Туре» Максимка Вычегжанина [68]. В расходной книге Верхотурского уезда 1624–1625 гг. упомянуты «тагилец Зырян» и «вычегжанин Мартемьянов» [69].

Вслед за закреплением на ведущих в Сибирь путях началось продвижение переселенцев в глубь Сибири. В 1594 г. для защиты российских владений в Сибири от набегов татар был построен город Тара – самое южное укрепление на Иртыше [70, 71]. В дозорной книге Тарского уезда 1623–1624 гг. упомянуты «пеший казак Петрушка Васильев Зырян» и «конный казак Спиридон Зырян» [72]. Продвижение вверх по Оби от устья Иртыша началось со строительства в 1594 г. г. Сургута. Через два года (1596 г.) основан Нарымский острог, примерно в 1602 г. – Кетский острог на р. Кеть, в 1604 г. – Томск [73]. Дозорная книга Яренского уезда 1608 г. упоминает в погосте Вездынь «двор пуст Нефедка Савельева, убили в Сургуте» [74]. Выходцы с Европейского Северо-Востока упоминаются среди жителей Кетского острога в 1609 г. [75]. В отписке кетского воеводы 1612 г. говорится: «Я со служивыми людьми и зыряны хоромы перенес» [76]. В Нарыме в 1620-х гг. жили два вымича и один сыsoleц [77].

Коми были и среди первых жителей Томска. Направляя отряд служилых людей во главе с Г. Писемским и В. Тырковым для строительства Томска, Борис Годунов приказал: «В новом Томском городе... пашню устроити... а пашенные люди приобрати из зырян новоприборных служилых людей, сколько человек пригоже» [78]. Этот приказ не был выполнен – Писемский и Тырков сумели «прибрать» в 1604 г. только пятерых зырян вместо требовавшихся пятидесяти [79]. В 1606 г. последовал новый приказ: «Людей призвати ис Перми и с Вятки и с Солей Вычегодских на льготу» [80].

В начале XVII в. началось продвижение переселенцев в Енисейский край. Первым этапом этого продвижения по Северному морскому пути стало основание в 1600 г. на р. Таз, впадающей в Мангазейское море (восточное разветвление Обской губы), города Мангазеи, быстро ставшего крупным торговым центром [81, 82]. Мангазея построена «служилыми людьми... и зыряны и пустозерцы» [83, 84]. Название города имеет коми происхождение [85, 86]. Руководили основанием Мангазеи воеводы М.Шаховский и Д.Хрипунов [87]. Вычегодско-Вымская летопись сообщает об этом: «Пославшу государь Борис Феодорович князя Мирона Шеховского с русаками, устюжаны, вымичи на Мангазею остроги строити и города крепити» [88]. Несмотря на поражение, которое

отряд потерпел по пути близ устья р.Пур, впадающей в Мангазейское море, от ненцев («...самоюдь мангазейская заратися на Мирона и посекали Мирона и ево люди вси...», – рассказывает об этом с некоторым преувеличением Вычегодско-Вымская летопись), город был построен [89, 90]. О гибели жителей Европейского Северо-Востока в Мангазее (возможно, именно во время похода М. Шаховского) сообщает дозорная книга Яренского уезда 1608 г. Согласно этому документу, в погосте Кони имелись «двор пуст Ондрюшки да Некраска Петровых, а Ондрюшку да Некраска убили в Монгазеи во 109-м (1601) году» и «двор пуст Ивашки Васильева, убит в Монгазеи во 110-м (1602) году» [91].

Наличие жителей Коми края среди основателей Мангазеи не было случайностью. Коми считались лучшими знатоками путей, ведущих в этот район; они бывали здесь еще до основания города. В грамоте царя Федора Ивановича воеводе В.П. Головину 1597 г. говорится: «А которым нашим ратным людеа итти в Мунгазею и под тех бы есте наших ратных людеа велели зделати три кочи, распрося вымич ратных людеа Васки Тарабукина с товарищи, которым итти в Мунгазею, каковы кочи будет им надобя для морсково ходу» [92]. В наказе мангазейским воеводам 1601 г. говорится: «...взять на Березове... в вожи зырян торговых людеа и вымич на все суда, сколько человек пригоже, которые б Мангазейский и Енисейский ход знали и толмачить умели, ...и итти в Мангазею и в Енисею...» [93].

Из Мангазеи путь шел вверх по р. Таз на р. Турухан и по ней на Енисей. Б.О. Долгих пишет: «Отсюда по реке Таз русские и зырянские промышленные и торговые люди продвигались дальше на восток» [94]. О «зырянском городке» на р. Таз, существовавшем в 1602 г., упоминает в своей монографии В.А. Александров. По его мнению, этот городок представлял собой зимовье, основанное промышленниками-зырянами, которые, как сообщают документы, приезжали в Мангазею: «Приходили в Мангазею и в Енисею с Руси многие торговые люди, пермичи, и вятчаня, и вымичи, и пустозерцы..., и торговали по всей Мангазее и Енисее, езда по городкам и по волостям и по портам и по зимовьям» [95].

Несколько позднее появился второй (южный) путь в Енисейский край – по р. Кеть (притоку Оби). С постройкой в 1619 г. Енисейска этот путь стал основным [96, 97]. Вероятно, среди первых жителей Енисейска и Енисейского уезда были и выходцы с Европейского Северо-Востока. К сожалению, у нас нет данных о составе населения Енисейского края в начале 1620-х гг. Но в 1629–1630 гг. среди 360 промышленных и гулящих «людей» Енисейского уезда было 249 (т.е. 69,2%) выходцев из Коми края (три удоретина, пять плотовцев, три лузянина, девять яренчан, 50 вычегжан, 76 сысоличей и 103 вымича) [98].

Отметим, что если изначально движение жителей региона за Урал начиналось как принудительная миграция (правительственная мобилизация на строительство и заселение городов, на военную службу), то на исходе XVI столетия и особенно в начале XVII в. резко активизировались добровольные переселения. Конечно, «добровольными» их можно назвать лишь условно, поскольку желание людей уйти с насиженных мест было вызвано чередой неурожаев и вызванного ими страшного голода. Вологодская летопись сообщает: в 1601 г. «в ыюле месяце погибло мразом всякий хлеб, и бысть глад велик... по три лета врьд»; в 1602 г. «тоже мраз был зело велик и хлеб тоже побило; и от глада же того изомроша много множество людеа, инии же тогда ядуще псину и мертвечину и ино скаредне скверное» [99].

Сходные сообщения имеются в вятском Временнике («В лето 7109 порази морозом... всякой хлеб, и был глад 3 годы, ели скверные мяса и человечину») и вятском «Летописце старых лет» [100]. Стремясь избежать голодной смерти, жители Коми края покидали свои селения и уходили в районы с более благоприятными для жизни условиями. По словам Вычегодско-Вымской летописи, в 1602 г. «много людеа государевых померло потому в Руси голод великий был два лета. Пермьяки (коми. – Авт.) многие в голод тот разбрелись вятским и сибирским городом, а инии померли с неядения» [101].

Если сопоставить сведения о датах ухода и датах смертей, сообщаемые дозорной книгой Яренского уезда 1608 г., то выяснится, что наибольший уход из уезда в целом и из всех районов по отдельности (кроме Вымской земли) приходился на 1602 г. На этот же год пришлась и наибольшая смертность жителей как по уезду, так и по районам (кроме Вымской земли). В Вымской земле 1602 г. находится на втором месте по числу умерших и по количеству ушедших из Коми края. (По мнению М.А. Мацука, «неурожаем 1601 и 1602 гг. незначительно сказался на Выми» [102].) Значительный уход из Коми края в 1601 и 1604 гг. также сопровождался высокой смертностью среди населения. Очевидно, что это было связано с воздействием неурожаев 1601–1603 гг. Кроме того, сильный неурожай был, вероятно, в 1597 г., так как в этом году значительный уход за пределы Коми края также сопровождался высокой смертностью среди населения [103]. Подтверждают это и подсчеты М.А. Мацука, согласно которым в 1597 г. в Яренском уезде запустело 24 двора, в следующем, 1598 г. (когда, вероятно, продолжали сказываться последствия неурожая), – 17, в то время как в предшествовавшие 1594 и 1595 гг. запустело соответственно восемь и два двора, в 1599 г. – семь [104], т.е. значительно меньше, чем в 1597–1598 гг.

О бедственном положении населения Сысольской земли, страдавшего от неурожаев, говорится в грамоте царя Михаила Федоровича 1615 г.: «Да у них же де по многие лета хлеб не родится и они де от тех хлебных не-

дорогов в конец погibli и охудали и многие де люди от них... розно разбрелись в Сибирские городаы и в Пермь Великую и к Вятке и в... слободы на Каме на житье с женами и детьми» [105].

Во второй четверти XVII в. число переселенцев, ушедших с Европейского Северо-Востока, резко возросло под воздействием неурожаяв 1630–1640 гг. Постоянные неурожайи вызвали сильный голод, в результате чего умерло много людей. В Пустозерском уезде в 1638 г. «крестьянишка помирают голодной смертью, а питаются рябиновым листом и ... травую» [106]. Сходная ситуация была в Яренском уезде и Лузской Пермце, население которых также страдало от «хлебной скудости» и «хлебного недороду». (Эти явления отмечены, в частности, в 1640–1642 и 1644 гг. [107]).

В 1644 г. «канун Ильина дня во всем Пермском уезде снеги выпали великие, и хлеб позяб без остатку и от того хлебного непомерного голоду во 153-м году многие посадские люди и уездные крестьяне разбежались в иные городаы в хлебородные места, и многие погосты и деревни запустели». Сходное положение, по мнению Н.В. Устюгова, было и в соседнем с Пермским Яренском уезде [108]. В переписной книге Пустозерского уезда 1679 г. упомянуты «месты дворовые пустозерцев же посацких людей старые пустоты, которые померли в голодное время во 154-м (1646) году», «место пустое Данилки Павлова сына Убитого, а он умре голодной смертью з женою и з детьми во 153-м (1645) году» [109]. Если сопоставить интенсивность уходов из Яренского уезда с уровнем смертности по годам, то выявится, что неурожайной была и вся половина 1630-х гг.: в 1635–1639 гг. (особенно в 1637–1639) количество смертей и уходов было существенно выше, чем в предшествовавшие годы [110].

Единственное спасение от нищеты и голодной смерти люди видели в бегстве в более хлебородные районы. Так, многие «жилицкие люди» из Пустозерского уезда «от хлебные скудости... и от всяких проезжих служилых людей от обид и от всякого насильства разбрелись кормитца в русские и сибирские городаы» [111]. Та же картина наблюдалась в других частях края. Например, крестьяне Ляльской волости в 1631 г. жаловались, что они «великими долги и многие людишки с Выми Ляльской трети крестьяна розно разбрелись в Сибирские городаы» [112].

Основная масса переселенцев ушла в Сибирь. В писцовых и переписных книгах отмечено, что в этом направлении только с территории Яренского и Пустозерского уездов и Лузской Пермцы Сольвычегодского уезда переселилось 833 человека. В таможенной книге Обдорской заставы, находившейся на одном из путей в Сибирь, сказано, что только с 21 июня по 14 августа 1637 г. через заставу прошло 12 человек («гулящих людей») с Европейского Северо-Востока: шесть вычегжан и по три сысолича и яренчанина. Это составляло 14,8% всех «гулящих» людей, прошедших через заставу в названный срок, а если учесть только тех, у кого указаны места выхода, то этот процент будет еще выше (примерно 20,4) [113].

В это время жители Европейского Северо-Востока продолжали селиться в Западной Сибири и Енисейском крае. В Верхотурском уезде в 1635–1636 гг., по подсчетам А.А. Преображенского, документы зафиксировали среди «гулящих людей» 242 выходца из Коми края (20,6% всех «гулящих людей» этого уезда). Среди них было 135 вычегжан, 41 вымич, 35 сысоличей, 27 яренчан и четыре лузянина [114].

В Мангазейском уезде среди промышленных и «гулящих» людей в 1631 г. насчитывалось 59 выходцев с Европейского Северо-Востока: 13 пустозерцев, четыре усть-цилема, два человека из Лузской Пермцы, десять вычегжан, десять сысольцев и 20 вымичей, что составляли примерно 12,4% всех «гулящих» и промышленных людей уезда [115]. В 1642 г. здесь находилось 223 промышленных человека – выходца с Европейского Северо-Востока (в документах они именовались по-разному: сольвычегодцы, мезенцы, пустозерцы, яренчане, вымичи, сысольцы, удоряне, ващане, т.е. жители р.Вашки, вычегжане, зыряне), в 1648 г. – 178. В 1642 г. они составляли почти четверть, а в 1648 г. – треть промышленных людей [116]. Выходцы с Европейского Северо-Востока имелись и в числе посадских людей Мангазеи: например, в 1640–1660 гг. там жил «портной швец» Ганька Зырян, в 1605 г. – Никита Онуфриев Зырян. В Туруханском зимовье в 1646 г. жили Петр Петров Вычегжанин и Михаил Исаков Усть-Цылимец [117].

В Енисейском уезде в 1603–1631 гг. среди промышленных и «гулящих» людей было 265 выходцев с Европейского Северо-Востока: восемь удорятинов, один глотовец, 13 лузских пермяков, 75 вычегжан, 71 сысолич и 97 вымичей. Они составляли примерно 62,1% «гулящих» и промышленных людей Енисейского уезда [118]. В 1640 г. в этом уезде насчитывалось 37 промышленных людей – выходцев из коми волостей Европейского Северо-Востока, что составляло 53,6% промышленных людей уезда; в 1642 г. – восемь человек (42%), в 1647 г. – 95 (34,8%). Кроме того, среди промышленных людей Енисейского уезда были сольвычегодцы и мезенцы [119]. Например, в 1630 г. в Енисейском уезде находились промышленные люди – сысольцы Семен и Иван Колеговы, а в 1647 г. – Иван, Андрей, Родион и Михаил Колеговы [120]. В 1632 г. в Енисейске документами отмечен лузянин, ходивший на соболиный промысел. В 1644–1645 гг. в Енисейске жил посадский человек Савва Зырянин [121]. В 1646 г. в деревне, принадлежавшей ему, жили четыре «наемщика» – Иван Зырян «с товарищи» [122]. Выходцем с Европейского Северо-Востока был енисейский посадский Василий Данилов, который в 1646 г. «вывез из Яренского городка свою жену с шестью детьми и невестку с тремя детьми» [123]. «Корнил Трофимов Пустозерец был поверстан в Енисейский посад в 1648 г.» Переселенцы с Европейского Северо-Востока имелись и среди

торговых людей Енисейска. Так, в 1645–1646 гг. в числе последних было восемь вычегжан, пять сысоличей, четыре вымича, один яренчанин, а также один мезенец и 14 сольвычегодцев [124]. Выходцы с Европейского Северо-Востока селились в Енисейском уезде в качестве пашенных крестьян. Например, пустозерец Иван Сафонов в конце 1640 – начале 1641 гг. подал в Сибирский приказ челобитную о разрешении ехать на поселение в Енисейский уезд в качестве пашенного крестьянина. При этом он ссылался на то, что его сын уже живет там – «в Мангазейской уkraine под Енисеем рекою на Дубчюсе» [125].

В начале 1630-х гг. началось освоение бассейна р. Лены. В 1632 г. был построен Ленский острог (Якутск), ставший опорным пунктом для продвижения переселенцев на северо-восток Азии [126]. «После основания Якутска отряды тобольских, енисейских, мангазейских и томских служилых людей двинулись на Лену» [127]. Не вызывает сомнения, что среди этих служилых людей были выходцы из Коми края. В частности, среди енисейских казаков был Иван Лукьянов Пермь, который вместе с несколькими другими служилыми людьми писал в челобитной: «...взяли нас... из Енисейского острогу на службу на великую реку Лену» [128]. Из числа тобольских и енисейских служилых людей был Иван Иванов Пермь, также переведенный на службу в район бассейна Лены [129]. На Енисее начинали свою службу и ставшие известными землепроходцами Дмитрий Зырян (Ярило) («енисейский служилый человек» – сказано о нем в одном из документов) и Федор Алексеев Чукичев (назван в числе «енисейских казаков»). Все они пришли в Сибирь из Коми края. Документами 1630–1640 гг. названы служившие на Лене Василий Луза (вероятно, из Лузской Пермцы), Вижемцев (надо полагать, с Ижмы), Гордей Сергеев Устьцелемец (из Усть-Цильмы), Иван Лукьянов Пермь [130, 131].

В середине 1630-х гг. были открыты устья Яны и Индигирки [132]. Требовалось создание здесь постоянных зимовий – **острогов для последовательного освоения этого района и дальнейшего продвижения на восток.** Активнейшее участие в этом принимали коми. В 1638 г. на Яну отправился **Посник Иванов Губарь с отрядом казаков**, чтобы местных «князцов и их людей на Янге реке... привести под цареву руку». В составе отряда находился Федор Чукичев (вероятно, выходец из погоста Шежам Вычегодской земли). На Яне было поставлено первое на этой реке Верхоянское зимовье. В 1639 г. тот же отряд перешел на Индигирку, где казаки основали Подшиверское зимовье. В 1639–1641 гг. местное население было обложено ясаком [133].

В 1641 г. индигирских казаков возглавил Дмитрий Зырян. Под его руководством в 1642 г. была открыта р. Алазея, где также построили зимовье с острогом. В этой экспедиции участвовал и Ф.А. Чукичев. (Впоследствии он в течение длительного времени руководил освоением бассейна Алазеи, затем возглавлял служилых людей на Омолоне, построил первое зимовье на Пенжине). В 1643 г. Д.М. Зырян предпринял успешный поход на Колыму. В 1643–1646 гг. он руководил освоением Колымы, построил там три зимовья. На Колыме Д.М. Зырян и погиб [134, 135, 136, 137].

Среди служилых и промышленных людей, осваивавших Яну, Индигирку, Алазею и Колыму, было немало других переселенцев из разных районов Коми края. Так, Богдан Евдокимов Зырянов в 1644–1648 гг. служил целовальником на Индигирке. В 1646 г. на Колыме упомянуты в документах промышленные люди Семен Алексеев Пустозерец и Афанасий Якимов Вычегжанин. Там же в 1647 г. находился промышленный человек Иван Иванов Черепанов Пустозерец. **Торговый человек Иван Гаврилов Белый Вычегжанин во второй половине 1640-х гг. побывал на Колыме и Индигирке.** Промышленник Иван Ожега неоднократно плывал морем на Индигирку, погиб на Колыме. Алексей Маслов Вычегжанин был в группе торговых и промышленных людей, отпущенных в 1646 г. из Якутии «вниз по Лене реке и морем на Яну и на Индигирскую реку и на Колыму и в иные сторонние реки и на соболиный промысел и для торгу». Евдоким Курсов Вычегжанин, покинувший родные места в середине 1630-х гг., побывал на Индигирке и Колыме [138, 139].

С берегов Колымы шло дальнейшее освоение крайнего северо-востока Азии. В 1648 г. **экспедиция под руководством Ф.А. Попова и С.И. Дежнева** обогнула Чукотку, пройдя через пролив, разделяющий Азию и Америку. С.И. Дежнев с небольшим отрядом в 1649 г. первым достиг р. Анадырь и построил там острог [140, 141]. В этом выдающемся походе также принимали участие выходцы из Коми края. Сколько всего их насчитывалось в экспедиции – неизвестно. Но среди оставшихся в живых двенадцати человек, пришедших с Дежневым на Анадырь, было, по крайней мере, двое коми: Фома Семенов Пермь с Верхней Мезени и Иван Зырянин. Перед началом экспедиции они находились на Колыме, после прихода на Анадырь долгое время служили там, затем И. Зырянов вернулся на Колыму, потом в Якутск. На Анадыре служили также Тит Семенов Вычегжанин (позднее погиб на Колыме) и Кузьма Иванов Вычегжанин. Оба они в 1640-х гг. служили на Колыме и, возможно, пришли на Анадырь с Дежневым или с отрядами С. Моторы и М. Стадухина, добравшимися в этот район по суше [142, 143, 144]. **В 1640-х гг. было предпринято несколько попыток пройти в Приамурье. В одном из таких походов, возглавлявшихся Ерофеем Хабаровым (1649 г.), участвовали Тренька Зырянин и Калинка Зырянин [145].**

Стабилизация хозяйственного положения на Европейском Северо-Востоке в 1650-х гг. привела к временному уменьшению оттока населения в Сибирь, однако уже в 60-е гг. ситуация вновь изменилась к худшему. В 1661–1662 гг. был «хлеб дорог» на Вологодчине [146]. В 1663–1664 гг. «хлеб позяб и начал быть дорог на

Двине и в Поморьях» [147]. Жители Ижемской и Усть-Цилемской слободок жаловались в 1661 г.: «У нас, сирот твоих, хлеб не родитца, и погибнем хлебною нужею» [148]. **Н.В. Устюгов пишет, что в 1660–1661 гг. «неурожаем были захвачены почти все уезды Восточного Поморья».** «Население побежало в «хлебородные места» и туда, где можно было получить работу» [149]. Помощи «от разброду и хлебного голоду» просили пустозерцы в 1667 г. [150]. Неурожайны были, надо полагать, и 1669–1670 гг. В Яренском уезде по количеству запустевших в данный год дворов (вследствие смерти или бегства владельцев) выделяется 1669 г. Очевидно, это – последствия неурожая [151]. В 1670 г. из Ижевской и Усть-Цилемской слобод около 20 семей «съехали в Сибирские города от великие хлебные скудости» [152]. **Население Пустозерского уезда в довершение всего пострадало от нападений ненцев 1662–1663, 1667, 1668 и 1670 гг.** «А мы бедные людишки бедны и безхлебные, и безоленные, что было оленешек остальных от прежних самоядцах грабежов, и тех достальных всех самоядь отгонила», – писали пустозерцы в 1667 г. **В 1668 г. ненцы и остяки «русских людей нагнали на озере на рыбной ловле и пограбили»** [153, 154].

Во второй половине 70-х – начале 80-х гг. XVII в. **неурожай и голод также следовали один за другим.** В переписной книге Яренского уезда говорится о «хлебном недороде» в 1675–1677 гг. [155]. **О неурожае в 1677 г. сообщает вятский Временник** [156]. Писцовая книга Сольвычегодского уезда 1682 г. сообщает о «хлебном недороде» в 1680 г. [157]. В Вологодской летописи отмечено, что в 1680 г., зимой «снеги великие шли по все дни, а внешняя вода зело велика и долго стояла, и хлебы озимовые в полях от того снегу выперли и изгибли» [158]. Это стимулировало новое усиление миграций за Урал. В Лузской Пермце, согласно писцовой книге 1682 г., на 1679–1680 гг. приходилось 66% переселений с указанной датой ухода (в Ношульском приходе на этот период пришлось 100% таких переселений). Правда, абсолютное большинство лужан мигрировало «безвестно», но можно предположить, что многие из них переселились в Сибирь. О.И. Кашик сообщает, что в Иркутский уезд в 1680-х гг. пришло значительное количество крестьян из Сольвычегодского уезда (в состав которого входила Лузская Пермца), причем причиной ухода переселенцы называли голод, неурожай («...от скудости съехал в Сибирь») [159].

В Яренском уезде, согласно переписной книге 1678 г., **наиболее интенсивное запустение дворов из-за бегства дворохозяев происходило в 1676–1678 гг.** В переписной книге Пустозерского уезда 1679 г. указаны даты запустения 24 дворов, 13 из них (56%) запустели в 1675–1679 гг. А.А. Преображенский, обратив внимание на возрастание в начале 1680-х гг. удельного веса выходцев с Европейского Северо-Востока (в частности, из Яренского уезда) среди «гулящих» людей Верхотурского уезда, отметил: «Поскольку мы в дальнейшем не встречаемся с первенствующей ролью выходцев из Яренского уезда, то приходится предполагать, что на этой территории в начале 80-х гг. XVII столетия произошли какие-то особые события, заставившие большую группу людей искать стороннего заработка за Уралом» [160]. Как представляется, такими событиями можно считать череду неурожайных лет конца 1670 – начала 1680-х гг., **которая полностью расстроила хозяйство северного крестьянина.** Усиление внешних миграций было столь значительно, что привело к сокращению численности населения в некоторых районах. Так, в Лузской Пермце за четыре года (1678–1682) **количество жителей уменьшилось примерно с 2400 до 2260 чел.** Большая часть переселенцев, покинувших Европейский Северо-Восток во второй половине XVII в., ушла в Сибирь – 145 чел. (54%), причем это только те, направления ухода которых указаны в писцовых и переписных книгах. Реально же в Сибирь ушло, конечно, больше людей. Только в 1669 г. через Верхотурье прошли в Сибирь 119 «гулящих» людей – выходцев с Европейского Северо-Востока (37 яренчан, 33 сольвычегодца, 31 сыsoleц, **18 вычегжан**) – **около трети всех «гулящих» людей.** В 1678 г. **выходцы с Европейского Северо-Востока составили примерно треть “гулящих” людей Верхотурья; всего насчитывался 71 чел., из них 24 яренчанина, 20 сольвычегодцев, 12 сыsoleятинов, 11 мезенцев, три вычегжанина и один вымитин.** В 1679 г. жители Яренского уезда составляли наиболее многочисленную группу «гулящих» людей Верхотурья, по сравнению с выходцами из других уездов; в 1682–1683 гг. они составляли 48% «гулящих» людей (78 чел., из них 61 яренчанин, 15 вычегжан, два сыsoleятина) [161].

О значительном притоке крестьян в Верхотурский уезд в начале 1680-х гг. сообщали местные власти: «Да в прошлом во 188 (1680) и во 190 (1682) году и в нынешнем 191 (1683) году ис поморских городов идет крестьянин многое число» [162]. Вполне вероятно, что среди них были и выходцы с Европейского Северо-Востока, тем более что они оседали здесь и ранее. В 1662–1669 гг. в Верхотурский уезд пришло более 50 чел. коми [163]. В 1671 г. в Уткинской слободе Верхотурского уезда поселились 10 крестьянских семей с Мезени [164]. В переписной книге этого уезда 1672/73 г. **перечислено 36 семей крестьян и ямских охотников, пришедших сюда из 18 волостей Яренского уезда и Лузской Пермцы Сольвычегодского уезда** [165].

Жители Европейского Северо-Востока переселялись и в другие районы Сибири. Так, дети пустозерца Г.М. Хабарова «сошли в Сибирские города на Березов» [166]. В Тобольске в 1655 г. упомянут пятидесятник Васька Зырян и служилые люди Марк Зырян, Семейка Юркин, Савка Зырян. В крестоприводной книге Тобольска 1682 г. назван Ивашко Вычегжанин. В окладных книгах Тобольска второй половины XVII в. перечислены пять

Иванов Зыряновых, Микифор Куимов, Константин Куимов, Григорий Зырянов, Яковко Вычегжанин, Василий Пуртов, Тимофей Лузенин, Федор Сысолетин, Василий Выметин, Федор Чупров, Ларион Пуртов [167].

В именной книге служилых людей г. Томска 1680 г. названы 83 чел., которые (или родители которых) пришли в Томск с Европейского Северо-Востока. Среди них 27 вычегжан, 16 вымичей, 13 сысолыцев, три лузынина. Об остальных сказано, что они «зыряне» или «родом Еренского присуду». Кроме того, в той же книге перечислено несколько сольвычегодцев [168].

В 1655–1657 гг. среди промышленных и «гулящих» людей Мангазейского уезда насчитывалось 120 выходцев с Европейского Северо-Востока (61 чел. с Вычегды, 33 – с Сысолы, 16 – с Выми, пять – из Лузской Пермцы, по два – из Пустозерска, Ижмы и Усть-Цильмы). Они составляли 17,3% промышленных и «гулящих» людей уезда. В 1664 г. в Мангазейском уезде находились 36 промышленных людей, пришедших туда с Европейского Северо-Востока – около трети всех промышленных людей уезда [169, 170].

В Хантайском зимовье на Енисее в 1650-х гг. жил Михаил Семенович Зырян [171]. С 1667 по 1673 г. в Енисейске жил сысолятин Родион Фотиев Зонко. В 1669 г. здесь же упомянуты Онцыфор и Родион Кондратьевы Усьцелемцевы (выходцы из Усть-Цильмы) [172]. Всего в Енисейском уезде в 1666–1667 гг. среди промышленных и «гулящих» людей насчитывалось не менее 167 выходцев с Европейского Северо-Востока (104 чел. с Вычегды, 43 – с Сысолы, 11 – с Выми, пять – из Лузской Пермцы, три – с Удоры, один – с Ижмы). Они составляли 21,6% промышленных и «гулящих» людей уезда [173]. В 1667 г. среди промышленных людей Енисейского уезда было 44 человека, пришедших сюда из различных районов Европейского Северо-Востока (зыряне, пустозерцы, яренчане, вымичи, сысолыцы, удоряне, вычегжане, мезенцы, сольвычегодцы, ващане – жители Вашки) – примерно две трети всех промышленных людей уезда [174]. Среди монастырских крестьян и работников Енисейского уезда в 1679 г. было два человека из Лузской Пермцы, 20 чел. – с Вычегды, восемь сысоличей, три вымича, один удорятин, всего 34 чел. (30,3% монастырских людей уезда) [175].

Немало выходцев из Коми края названы в разных документах на северо-востоке Азии. Промышленный человек Федор Аникиев Худяков Усьцелемец упомянут в документах в 1650 г. на Индигирке. Томил Елфимов Сысолетин, тоже промышленный человек, в 1650-х гг. находился на Анадыре, в 1659 г. ушел из Анадырского острога с Семеном Дежневым, в 1661 г. был на Колыме, оттуда вернулся в Якутск. В 1662 г. послан в качестве целовальника сопровождать «государеву казну», отправленную из Якутска в Москву. Промышленный человек Кирилло Микитин Сысолетин отправился в 1651 г. «по кость рыба зубу» на Яну и другие реки из Якутска. Терешка Нестеров Вымитянин, Васька Тарасов Пермьяк и Матюшка Ларионов Репа Мезенец названы среди торговых и промышленных людей Колымы в 1660 г. Казак Андрей Пермьяков служил в Якутске (упомянут там документами в 1659, 1663 и 1670 гг.), участвовал в походе 1662 г. на Колыму для приведения в русское подданство юкагиров и коряков. Казак Яков Пермьяков в 1678 г. был послан из Якутска на Колыму, в последующие годы служил там, стал известным мореходом, участвовал в открытии Новосибирских островов. Служилый человек Иван Иванов Пермьяк служил на Колыме в 1650-х гг. Возможно, выходцами из Коми края были торговый человек Игнатий Ефремов Мезенец, упомянутый в 1653 г. на Колыме, и казак Третьяк Алаев Мезенец, в 1672 г. отправившийся из Якутска вниз по Лене [176, 177].

Очередной пик миграций в Сибирь пришелся на конец XVII столетия. Огромное воздействие на рост подвижности населения оказали неурожаи 1690-х гг., о которых сообщает Вологодская летопись: «А поморские страны... хлебы не сыспели и великими мразы побило. И жители тех стран, людие мужеска полу и женньска и с малыми детьми, пошли все на расходы в поволские грады и в уезды, где бы кому пропитаться» [178]. О голоде, вызвавшем в 1690-х гг. усиление бегства крестьян из Поморья, говорится и в приводимом А.А. Преображенским тексте грамоты 1699 г.: «С 200 (1692) году к после того как учинилось в Поморских и иных русских многих городах и уездах хлебу недород, и из тех городов и уездов многие крестьяне, оставя свои жеребы и тягла, с женами и детьми сошли в сибирские города...» [179].

О том, в какие именно районы Сибири переселялись жители Коми края, конкретных данных почти нет. Но известно, что в ряде сибирских уездов в конце XV – начале XVIII в. наблюдался значительный рост населения. «Наиболее сильное увеличение населения произошло в Тобольском и Илимско-Ленском-Ангарском районах». Так, в Тобольском уезде количество жителей возросло более чем втрое, в Верхотурском – вдвое, в Илимском – втрое, в Иркутском – почти вдвое, в Нерчинском – в 11 раз [180]. «Значительный рост населения, особенно крестьянского», в конце XVII – начале XVIII в. в Среднем Притоболье (т.е. в Тобольском районе) отметил А.А. Кондрашенков. Называя районы, из которых приходили на Тобол переселенцы, исследователь на первом месте назвал Поморье [181]. О.И. Кашик, рассматривая заселения Иркутского уезда, пишет, что «приток беглых крестьян в Сибирь заметно усиливается... в первые годы XVIII в., когда на крестьян северно-русских уездов легли многочисленные тяготы войны, рекрутских наборов, податей» [182].

Среди переселявшихся в указанные районы Сибири крестьян были, очевидно, и выходцы с Европейского Северо-Востока (русские и коми). В писцовой книге Иркутского острога 1696 г. названо 14 выходцев из Коми

края: вычегжане Е. Артемьев, М. Лукьянов, А. Зотеев, Д. Никитин, Е. Алексеев, И.В. Кочуров, А. Григорьев, С. Максимов, яренчане К.Р. Помаскин и А. Инотереев, устьцилемец А. Чупров, С. Кирилов из Усть-Выми, О.А. Коренной из Пустынской волости и мезенец В. Исаков. В переписной книге 1698 г. среди жителей Иркутска значились Е. Зырян и Ф. Кычин [183]. Переселенцы с Европейского Северо-Востока были и среди жителей самых южных острогов, основанных в Сибири – **Нерчинском и Селегинском**. В **Нерчинске в конце XVII в.** находились С. Чукмасов, В.И. и Н. Чупровы, И.Г. Пермьяк, в Селегинске – С. Сысолятин и П. Зырян. Всего, согласно материалам имеющихся писцовых и переписных книг Яренска, Пустозерского и Сольвычегодского уездов, в конце XVI – начале XVIII в. край покинули более 2,7 тыс. чел., свыше 70% из них ушли в Сибирь. Приведенные выше данные наглядно проказывают активную роль коми и русских обитателей Европейского Северо-Востока России в освоении Сибири и Дальнего Востока.

Источники и литература

1. Миллер Г.М. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. 607 с.
2. Новицкий Г.Н. Краткое описание о народе остячком // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1884. Вып. 21. 116 с.
3. Sjögren A. Gesammelte Schriften. SPb., 1861. Bd. 1. P. 231–459.
4. Трапезников В. Очерк истории Приуралья и Прикамья в эпоху закрепощения (XV–XVII вв.) // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. 1911. № 12–15, 17, 20–24.
5. Жеребцов И.Л. Проблемы движения населения Коми края феодального и капиталистического периодов в дореволюционной и советской историографии // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 119–135.
6. Жеребцов И.Л., Забоева Н.К. А.Шегрен и исследование демографических процессов в Коми крае // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации (история и современность). Сыктывкар, 1994. С. 5–6.
7. Жеребцов И.Л. Общество изучения Коми края и становление историко-демографических исследований на территории Коми АССР // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987. С. 67–72.
8. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII века. М., 1956. 302 с.
9. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М., 1972. 392 с.
10. Колесников П.А. Северная деревня в XV – середине XIX в. Вологда, 1976. 414 с.
11. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. 224 с.
12. Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX века. М., 1983. 248 с.
13. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII в. // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 153–159.
14. Жеребцов И.Л., Королев К.С. Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар, 2000. 20 с.
15. Жеребцов И.Л. Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // Природа. 2000. № 7. С. 71–75.
16. Жеребцов И.Л. Объективные и субъективные факторы в историко-демографическом развитии Коми // Человек XXI века: индивидуальные и социальные аспекты. Сыктывкар, 2000. С. 74–82.
17. Жеребцов Л.Н. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX в.). Сыктывкар, 1975. С. 3–16.
18. Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974. 44 с.
19. Жеребцов Л.Н. В Сибирь в поисках хлебных земель // Войвыв кодзув. 1970. № 2. С. 54–56. (На коми яз.).
20. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI–XVII вв. // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX вв.). Сыктывкар, 1975. С. 17–36.
21. Жеребцов И.Л. Коми – сподвижники Ермака Тимофеевича и Семена Дежнева // Невтон. М., 2001. № 1. С. 55–60.
22. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 258 с.
23. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998. 174 с.
24. Жеребцов И.Л. Историография историко-демографических исследований в Республике Коми // Историография Коми. Сыктывкар, 1999. С. 4–13. (Мат-лы по истории Коми, вып. 2).
25. Жеребцов И.Л. Развитие историко-демографических исследований в Республике Коми // Историческая демография. М.; Сыктывкар, 2007. С. 193–201.
26. Жеребцов Л.Н. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока... С. 3–16.
27. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми... 224 с.
28. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 17–36.
29. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми... С. 102.
30. Латкин В.Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1845 годах // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1853. Т. VII. 154 с.
31. Новицкий Г.Н. Краткое описание о народе остячком... С. 26.
32. Миллер Г.М. История Сибири. Т. 1. С. 202.
33. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 262–264.

34. Полное собрание русских летописей (Далее – ПСРЛ). Л., 1977. Т. 33. С. 124.
35. ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 45, 51, 91, 95, 98, 115, 134, 136, 157.
36. Миллер Г.М. История Сибири. Т. I. С. 331.
37. Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 267–354.
38. Документы по истории коми. С. 268–269.
39. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. С. 15–55.
40. Скрябников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. 290 с.
41. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми... С. 101.
42. Очерки истории СССР (XVII в.). М., 1955. С. 848, 849, 852.
43. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 41.
44. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 30, 31.
45. Тюмень в XVII столетии. М., 1903. С. 24, 26–29, 35, 45–52.
46. Бейкер Д. История географических открытий и исследований. М., 1950. С. 231.
47. Документы по истории коми... С. 267.
48. Миллер Г.М. История Сибири. Т. I. С. 349.
49. Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 290, 318.
50. Тобольск. Материалы по истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С. 6–8, 10.
51. Очерки истории СССР (конец XV – начало XVII в.). С. 696.
52. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. С. 20, 28, 64.
53. Документы по истории коми. С. 267.
54. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми... С. 101, 102.
55. Миллер Г.М. История Сибири. Т. I. С. 270.
56. Там же. С. 347.
57. Документы по истории коми. С. 267.
58. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми... С. 101.
59. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Л., 1980. Ч. 1. С. 35.
60. Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 289, 311, 312, 314, 317, 320.
61. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. М., 1961. С. 68.
62. Документы по истории коми. С. 68.
63. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 32.
64. Оборин В.А. Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в XVII в. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 32.
65. Миллер Г.М. История Сибири. Т. I. С. 392.
66. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала... С. 296.
67. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 31–32.
68. Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1891. Вып. 3. С. 165, 167.
69. Там же. С. 185.
70. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. С. 49.
71. Очерки истории СССР (конец XV – начало XVII в.). С. 697.
72. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 32.
73. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. С. 78, 87, 91, 94.
74. Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 289.
75. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 22.
76. Миллер Г.М. История Сибири. Т. I. С. 440.
77. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. С. 60.
78. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в XVII веке. Томск, 1950. С. 122.
79. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (Общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск, 1898. С. 1, 3.
80. Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в XVII веке. С. 122.
81. Очерки истории СССР (XVII в.). С. 848–849.
82. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. С. 119.
83. Очерки истории СССР (конец XV – начало XVII в.). С. 645.
84. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 1. С. 36.
85. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми... С. 102.
86. Белов М.И. Путь через Ледовитый океан. М., 1963. С. 22.
87. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. С. 119.
88. Документы по истории коми. С. 119.
89. Там же. С. 268.
90. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. С. 119.
91. Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 17.
92. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в. М., 1982. С. 17.
93. Миллер Г.М. История Сибири. Т. I. С. 396.

94. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. С. 119.
95. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964. С. 16.
96. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. С. 183.
97. Очерки истории СССР (XVII в.). С. 849.
98. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 146–147.
99. ПСРЛ. Т. 37. С. 174.
100. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года. Вятка, 1905. Вып. 2, отдел 2. С. 46; Вып. 4, отдел 2. С. 13.
101. Документы по истории коми. С. 268.
102. Мацук М.А. Причины изменения социально-демографической ситуации в Яренском уезде в XVII в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.). Сыктывкар, 1985. С. 42.
103. Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 267–354–
104. Мацук М.А. Причины изменения социально-демографической ситуации... С. 43.
105. Лащук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С. 198.
106. Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей. М., 1917. С. 437.
107. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Д. 15058. Л. 180, 180 об., 181, 182.
108. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 117.
109. РГАДА. Ф. 1209. Д. 366. Л. 10 об., 11, 13–13 об.
110. РГАДА. Ф. 1209. Д. 452. Л. 113–185.
111. Яковлев А.И. Приказ сбора ратных людей. М., 1917. С. 437.
112. Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. С. 198.
113. Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала... С. 107.
114. Там же. С. 112.
115. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 146–147.
116. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 21.
117. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 1. С. 89. Ч. 2. С. 7.
118. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 146–147.
119. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 21.
120. Павлов П.Н. Характер продвижения русских промышленников в Сибири во время развитого Соболиного промысла (20–80-е годы XVII в.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 106.
121. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII веке. Новосибирск, 1965. С. 182.
122. Красильникова Э.Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 34.
123. Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 125.
124. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII веке. С. 150–151, 244.
125. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946. С. 121.
126. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Ч. 2. С. 93.
127. Очерки истории СССР (XVII в.). С. 850.
128. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... С. 218 .
129. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.; Л., 1952. С. 225.
130. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... С. 129, 132, 171, 199, 200, 218, 219, 224–226, 482–483.
131. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 40.
132. Очерки истории СССР (XVII в.). С. 850.
133. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... С. 129–132, 142, 143.
134. Там же. С. 128, 133–135, 143, 144, 279–319.
135. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 20, 45, 74, 77, 177, 189, 208, 219–221, 266, 292, 293, 325.
136. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 47, 50, 51.
137. Белов М.И. Путь через Ледовитый океан. С. 17.
138. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 42, 43, 62, 110, 176–178, 223.
139. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... С. 34, 41, 176, 209, 210, 292, 293, 493.
140. Ломанович Н. Дежнев и Попов... Попов и Дежнев // Знание – сила. 1984. № 4. С. 41–43.
141. Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. М., 1973. С. 84–124.
142. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... С. 177, 209, 315, 337, 352, 356, 357, 372, 405, 497, 532, 534, 570.
143. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 108, 123, 125, 131, 165, 253, 269, 272.
144. Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. С. 124–125.
145. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми... С. 102.
146. ПСРЛ. Т. 37. С. 179, 199.
147. ПСРЛ. Т. 33. С. 176.
148. Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. С. 106.
149. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957. С. 190 .
150. Лащук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. С. 80.
151. Мацук М.А. Причины изменения социально-демографической ситуации... С. 47.
152. Лащук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. С. 81.

153. *Бахрушин С.В.* Самоеды в XVII в. // Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 5–12.
154. *Лащук Л.П.* Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. С. 81.
155. *Документы по истории народа коми.* Сыктывкар, 1985. С. 304, 306.
156. *Труды Вятской ученой архивной комиссии 1905 года.* Вып. 2, отдел 2. С. 59.
157. *РГАДА.* Ф. 1209, л. 504, л. 309—511 об.
158. *ПСРЛ.* Т. 37. С. 184.
159. *Кашик О.И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв. // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. Благовещенск, 1958. Вып. XVI. С. 242.
160. *Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала... С. 114.
161. Там же. С. 113–115.
162. *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. С. 46.
163. *Очерки по истории Коми АССР.* Т. 1. С. 73.
164. *Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала... С. 144.
165. *Красильникова Э.Д.* Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 23.
166. *РГАДА.* Ф. 1209, л. 366, л. 9 об.
167. *Тобольск.* Материалы по истории города XVII и XVIII столетий. С. 39, 41, 44–62, 65.
168. *Томск в XVII веке.* СПб., 1912. С. 54–135.
169. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 146–147.
170. *Красильникова Э.Д.* Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 21.
171. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 62.
172. *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII веке. С. 55, 182.
173. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 146–147.
174. *Красильникова Э.Д.* Участие населения Коми края в освоении Сибири... С. 21.
175. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 153–154.
176. *Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах.* С. 123, 135, 140–142, 153, 188, 225, 230, 283, 299, 311, 315, 338, 339.
177. *Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов...* С. 262, 295, 303, 310, 315, 318–319, 327, 329, 336–338, 357, 459, 534.
178. *ПСРЛ.* Т. 37. С. 186–190.
179. *Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала... С. 73.
180. *Водарский Я.Е.* Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 210–211.
181. *Кондрашенков А.А.* Крестьянская колонизация Среднего Притоболья во второй половине XVII – начале XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 297–298.
182. *Кашик О.И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII – начале XVIII вв. // Ученые записки Иркутского государственного педагогического института. Благовещенск, 1958. Вып. XVI. С. 248.
183. *Иркутск.* Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 6, 8–3, 15.

Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Восточной и Южной Сибири в XVII–XIX вв.

Как было признано в последние десятилетия сибирскими историками, проблемы демографического развития инородческих народов Сибири нуждаются в специальном изучении [1]. Имеющийся опыт историографии показывает, что если в дореволюционный период главным вопросом был вопрос о вымирании инородцев, на который не было получено однозначного ответа [2], то в советское время проблема решалась в основном в историко-этнографическом плане в аспекте расселения и выяснения родо-племенного состава или в общем контексте формирования населения Сибири и России в целом [3]. Среди народов Сибири до революции 1917 г. называвшихся «кочевыми», наиболее изученными являются историко-демографические процессы у бурят [4]. Акцент сделан на динамике численности и ассимиляционные процессы.

В последние годы повышение интереса к данной проблематике вызвано вновь вопросом о динамике этих процессов в составе Российской империи. Затронут вопрос об основных факторах, влиявших на них. В числе их войны, эпидемии, политика государства и другие факторы [5].

Вместе с тем резонно рассматривать проблему с учетом образа жизни, хозяйственного типа, особенностей социальной организации. У скотоводческих народов: бурят, хакасов, якутов демографические процессы происходили отлично от народов, имевших присваивающее хозяйство. Природная зона обитания и особенности кочевого или полукочевого (полуоседлого) образа жизни также влияли на народонаселение. В силу этих причин названные народы ранее других народов сразу оказались втянутыми в процессы цивилизационного характера.

Еще Г.С. Батеньков, один из авторов сибирской реформы 1822 г., работая, по всей видимости, с данными VII ревизии, разделил коренные народы Сибири, исходя из их занятий, на три зоны. Якуты попали в Северную вместе с тунгусами, чуванцами, юкагирами, ламутами, остяками, самоедами и другими малочисленными народами Севера, а хакаские этнотерриториальные группы и буряты – в Южную. В этой последней были объединены также татары, калмыки, тунгусы. При этом было замечено, что у них земледелием на тот момент было занято 31,8% населения, земледелием и скотоводством – 23,4%, а скотоводством и звероловством – 12,1%. Население Северной зоны на 76,7% было отнесено к категории занятых скотоводством и звероловством. Обращает внимание, что группы хакасов, проживавших в Красноярском уезде, в большинстве своем (5533 мужчин из 7694) также отнесены к категории скотоводов и звероловов [6].

Буряты, хакасы, якуты занимали по численности населения лидирующее место среди других инородческих народов Восточной и Южной Сибири.

Народы Сибири в начале XVIII в. насчитывали в уездах, где проживали изучаемые народы: Красноярском – 12,7 тыс. чел., Иркутском – 38,1 тыс., Якутском – 39,9 тыс., Нерчинском – 9,2 тыс. чел. [7]. К этому нужно добавить предков хакасов, причисленных к Томскому и Кузнецкому уездам, где в 1745 г. всего проживало около 18 тыс. ясачных [8]. Таким образом, из почти 200-тысячного иноверческого населения Сибири [9] более половины составляли народы, выбранные нами в качестве объекта изучения.

Велика была их роль и в политическом плане, особенно в начальный период, когда Российское государство утвердилось в этом обширном регионе.

Отличалась и политика Российского государства, по-особому управлявшая так называемыми «кочевыми инородцами». Им была предоставлена внутренняя территориальная автономия в форме инородческого степного самоуправления. Высшие структуры его – инородные управы и степные думы – были наделены функциями учета населения. Потому сведения по демографии этих народов наиболее полны по сравнению с другими народами рассматриваемого региона. Данные 1828 г., поступившие в Сибирский комитет «кочевых» инородцев Восточной Сибири, указаны в табл. 1.

По мнению С.К. Патканова, якуты показывали положительный прирост за исключением северных групп, хакасы – «хорошее естественное приращение», буряты – также положительный прирост, но некоторые их группы в Иркутской губернии уменьшались в числе. Буряты, хакасы, якуты классифицировались как ведущие «кочевое хозяйство скотоводов» и имели положительный «хотя, судя по якутам, абаканцам и бурятам-казакам, и не очень значительный» прирост [11]. Таким образом, видно, что в историографии уже отметили схожесть демографических процессов изучаемых народов. Вопрос заключается в том, какие факторы воздействовали на них

* Борисов Андриан Афанасьевич (Якутск) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, a_a_borisov@mail.ru.

в разные периоды истории на протяжении XVII–XIX вв. Не последнюю роль играли государство и политика, проводимая им.

Таблица 1

Численность «кочевых инородцев», у которых были учреждены степные думы [10]

«Кочевые инородцы»	Главные ведомства	Род	Души обою пола
I. Буряты	15	137	164 990
II. Тунгусы	6	37	111 22
III. Якуты	17	195	154 159
IV. Енисейские инородцы	4	41	22 106
Всего	42	410	352 377

В настоящем исследовании рассмотрим такой аспект, как динамика численности бурят, хакасов, якутов в условиях российской административной системы и внутренней политики.

Буряты

Самый многочисленный народ Сибири к приходу русских испытал сложные перипетии в своей демографической истории. Особенности расселения (буряты занимали обширные районы Прибайкалья и Забайкалья по площади, в несколько раз превышающие современную территорию расселения на границе трех государств) повлияли на начальные этапы их демографической истории. Присоединение Бурятии к России затянулось на столетие между 1620-ми и 1727 гг.

Нестабильность границ XVII–XVIII вв. позволяла переселяться в Монголию и Китай и обратно. Например, общеизвестен факт бегства многих западных бурят от произвола приказчика Балаганского острога И. Похабова в Монголию в 1658 г. Заметную роль сыграли и переселения восьми селенгинских родов между двумя государствами. Определенное влияние на демографические процессы сыграл и уход в Монголию бурят-табангутов в 1690-х гг.

В первые столетия прихода русских динамика их численности выглядит следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности бурят в XVII–XVIII вв., тыс. чел. [12]

Начало XIII в.	Вторая половина XVII в.	Конец XVII – начало XVIII в.	1735 г.	1767 г.	1783 г.	1795 г.
50–60	20–30	40–60	60–75	84	108,3	116

Впечатляющий рост во второй половине XVIII в. на 39,8% был обусловлен, как считают современные специалисты, завершением присоединения Прибайкалья к России, переходом к земледельческо-скотоводческому типу хозяйства, изменением демографического (репродуктивного) поведения населения [13]. Далее последовательный прирост продолжился (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности бурят-инородцев без учета казаков, душ мужского пола [14]

1816/17 гг.	1831 г.	1839 г.	1852 г.	1859 г.	1897 г.
53 730	72 000–76 000	83 018	95 000	Ок. 120 000	133 973

По данным С.К. Патканова, прирост в 1817–1839 гг. составил 24,8%, в 1839–1897 гг. – 10,6%. Он считал эти показатели завышенными по причине неполноты данных до 1839 г. [15].

Рассмотрим процесс по двум основным группам бурят: иркутской (предбайкальской) и забайкальской. В Иркутской губернии бурят в 1839 г. было 99 035 чел., 1859 г. – 106 296 чел., в 1897 г. – 110 273 чел. Прирост в 1839–1859 гг. – 3,27%, в 1859–1897 гг. – 1,3% [16]. Видно замедление темпов прироста. Например, буряты Балаганского ведомства до рубежа 1860–1870-х гг. последовательно увеличивали свою численность, затем наступила стагнация и даже наблюдалось некоторое сокращение численности. Такая тенденция была связана с этноассимиляционными процессами, охватившими всех предбайкальских бурят [17]. По некоторым данным, только во второй половине XIX в. они недосчитались 70 тыс. чел. Подобная тенденция вызвана ассимиляционными процессами, особенно вследствие христианизации [18]. Например, в 1858 г. их было 108 тыс. чел, в 1876 г. – 110 099, а в 1897 г. – 110 745 чел. [19].

У забайкальских бурят наблюдалась противоположная картина. У них ассимиляция в связи с распространением буддизма носила замедленный характер. Также свою роль сыграли успехи западной и буддийской медицины [20].

С.К. Патканов по причине отрывочности данных и смешивания с тунгусами рассматривал демографию забайкальских бурят совокупно с ними. В 1816/17 г. – 82 228 чел., в 1839 г. – 104 325 чел., 1859 г. – 131 тыс. чел., 1869 г. – 140 568, в 1897 г. – 184 987 чел. Прирост в 1816/17–1839 гг. составил 13,2%, а в 1839–1897 гг. – 12,6% [21]. В результате удельный вес численности забайкальских бурят по отношению к предбайкальским к 1897 г. составил 62%, тогда как в 1859 г. он составлял 51% [22]. Всего же бурят в 1859 г. было 220–240 тыс. чел., а в 1897 г. стало 288,4 тыс. чел. [23]. Эта цифра сложилась в результате учета всех категорий бурятского населения.

Неблагоприятные демографические показатели у иркутских бурят не могут быть объяснены экономическими причинами, так как из всех других кочевых инородцев, а также русских они лучше обеспечены землей и среди них высок процент перешедших на оседлость [24]. По-видимому, большую роль оказало административное разделение Иркутской губернии в середине XIX в. в связи с выделением Забайкальской области. Обособление двух групп бурят не могло не сказаться на их демографическом развитии.

Почти с первых лет присоединения Бурятии появляются «бурятские казаки». Так, по III ревизии их было 4 328 чел., по IV – 5 167 чел. [25]. По данным С.К. Патканова, в 1783 г. их было 5 273 чел., в 1852 г. – 11 531, в 1897 г. – 13 700 чел. [26]. Кроме того, появляются оседлые буряты, статус которых был закреплен «Уставом» 1822 г. Так, по сравнению с 1831 г. их численность к 1887–1889 гг. выросла в 2,72 раза и достигла 11 464 чел. [27]. Поэтому разноречивы в некоторые периоды цифры, показывающие численность бурят. И это наряду с сужением их этнической территории [28].

Хакасы

Хакасы в отличие от бурят и якутов не столь многочисленный народ, хотя есть мнение, что к приходу русских численность предков хакасов была сопоставима с названными народами. В.Я.Бутанаев оценивает их численность в тот период в 15 тыс. чел. Они занимали довольно обширную территорию от среднего течения р.Чулыма и района Красноярского острога на севере до верховьев рр.Оби и Енисея на юге. В этом прямоугольнике они жили смешанно с другими народами, но выступая лидирующим этно-политическим объединением.

Хакасы в демографическом плане испытали, пожалуй, наиболее ощутимые последствия событий присоединения Южной Сибири к Русскому государству. Достаточно сказать, что процесс присоединения их земель прошел в несколько этапов. Вначале на рубеже XVI–XVII вв. в орбиту русской государственности попали предки хакасов, жившие в районе Ачинска. В середине XVII в. были присоединены земли абаканских хакасов. Наконец, в первой четверти XVIII в. оказались присоединенными сагайцы и их соседи. Исход военного противостояния между Русским и Джунгарским государствами в Южной Сибири решился переселением значительной части предков хакасов на юг в 1703 г. Было угнано 3 тыс. «дымов», а осталось только 600 «луков». В 1707 г. вернулось не более 1,5 тыс. чел. Ушедшие оказались разбросанными в Синьцзяне, среди киргизов Тянь-Шаня, на Алтае, в Казахстане и даже среди калмыков, ушедших на р. Волгу [29]. Хотя к середине столетия вернулись еще около 7 тыс. чел., демографическое развитие хакасов было нарушено. По всей видимости, при ином мирном исходе конфликта современная численность хакасов (более 80 тыс. чел.) могла быть достигнута на столетие раньше.

В дальнейшем демографические процессы происходили в условиях консолидации оставшихся разрозненных этнических групп. Отсюда проистекает причина слабой степени консолидированности хакасских территориальных групп и сеоков. Динамика численности хакасов видна из табл. 4.

Таблица 4

Хакасы в XVIII – начале XIX в. [30]

Группы	Первая четверть XVIII в.	1730-е гг.	1760-е гг.	1797 г.	1820-е гг.
	п.я.	п.я	М.д.	М.д.	м.д.
Качинцы	126	256	–	2244	3125
Аринцы	48	44	–	346	443
Яринцы	74	65	–	233	304
Койбалы	182	173	371	528	542
Верхнеабаканские роды	283	–	1316	2883	Ок.3780
Кызыльцы	–	297	1369	1954	2397
Итого:	713	835	3056	8188	10591

Сложность ситуации была усугублена нестабильностью внутренних административных границ. До начала XVIII в. предки хакасов были разделены между Томским, Кузнецким и Красноярским уездами. В 1736 г. была выделена Енисейская провинция, куда входили названные уезды. В 1756 г. из Джунгарии вернулось до 7 тыс. чел. Они были расселены на прежних местах. В 1782 г. провинция была упразднена и приписана к Томской области. В свою очередь, в 1796 г. эта область также была ликвидирована. Часть бывшей провинции отошла к вновь образованной Колыванской области, а другая – к Иркутской губернии. В 1804 г. Томская область была восстановлена, и Енисейский уезд вновь отошел к Томску. В 1823 г. была учреждена самостоятельная Енисейская губерния, в составе которой хакасы проживали в Ачинском и Минусинском округах. В 1851 г. в первом ясачных было 6439, а во втором – 29 890 [31]. Далее численность хакасов изменялась следующим образом (табл. 5).

Таблица 5
Динамика численности хакасов в XIX в. [32]

Названия групп тюрков	1830 г.	1859 г.	1897 г.
Кизыльцы	4 362	5 665	7 960
Абаканцы	8 808	10 868	11 976
Сагайцы (включая койбалов)	9 036	14 722	19 776
Итого	17 844	25 590	31 752

Ежегодный прирост в 1859–1897 гг. составлял 6,6%, тогда как в 1830–1859 гг. у некоторых групп, например, у сагайцев равнялся 25,1%. Хотя С.К. Патканов сделал оптимистичные выводы о жизнеспособности енисейских тюрков, налицо снижение темпов прироста [33].

По другим данным, динамика численности хакасов выглядит следующим образом (табл. 6).

Таблица 6
Динамика численности хакасов во второй половине XIX в. (по Моховой) [34]

1850 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.	1890 г.
25 727	33 580	32 346	34 151	32 194

Следует согласиться с С.К. Паткановым, что Н.М. Ядринцев пришел к выводу о вымирании хакасов, не критически используя источники. Он писал, что если в 1851 г. хакасов было 40 470 чел., то в 1868 г. осталось 37 153 чел. [35], по-видимому, включая в их число другие этнические группы.

По данным В.Я. Бутанаева, к 1890 г. площадь территории, которую занимали хакасы составляла 35 105 км² с населением 30 057 чел. Она имела вытянутую форму с севера на юг на 425 км и в самом широком месте равнялась 210 км [36]. Таким образом, хакасы к концу изучаемого периода удвоили свою численность по сравнению с началом XVIII в., хотя территория расселения заметно уменьшилась. Демографические процессы у хакасов протекали в условиях ранней ассимиляции с русскими. Так, уже к середине XIX в. красноярские качинцы и аринцы обрусели [37]. По этой причине данные по исторической демографии хакасов в разные периоды выглядят противоречиво.

Якуты

Второй по численности народ Сибири – якуты – в отличие от бурят и хакасов уже в 1630-х гг. определили свои отношения с Русским государством, с этого времени считая себя подданными царя. В это время они в основном занимали район среднего течения р. Лены, имея незначительные анклав в устье рек Олекмы, Вилюя (возможно, и в среднем течении этой реки), а также в бассейне р. Яны. «Все якуты, как кочевники Якутской области, так и бродячие Туруханского края (включая долган), являются вполне жизнеспособным племенем, которое, насколько у нас хватают данные, постоянно имело положительный прирост, в последние 4 десятилетия до переписи, однако, довольно слабый», – констатировал С.К. Патканов на рубеже XIX–XX вв. [38].

Рассмотрим, как происходило изменение численности якутов в изучаемый период (табл. 7).

Таблица 7
Динамика численности якутов в XVII–XIX вв. [39]

Период \ Регион	Центральная Якутия	Вилюй, Олёкма	Ниж. Лена, Яна, Индигирка, Колыма, Алдан, Мая	Итого
Середина XVII в.	25 210	Более 800	Около 1 400	Более 27 000
Начало XVIII в.	28 260	7 000	3 200	38 460
1767 г.	Более 44 400	Более 17 700	Около 7 000	Более 69 100
1783 г.	54 000	22 000	9 000	86 000
1795 г.	Около 60 000	Около 30 000	Более 9 000	Более 100 000
1812 г.	75 084	36 608	10 088	121 780
1839 г.	105 456	46 255	11 742	163 453
1859 г.	124 171	59 155	13 269	196 595
1879 г.	129 170	68 157	14 610	211 907
1897 г.	127 182	74 910	14 085	216 177

В первой половине XIX в. С.К. Патканов определил ежегодный прирост якутов в 5,9%, а для второй половины XIX в. – 3% [40]. Ученый объяснял такой коэффициент недоучетом и эмиграцией якутов в другие области – 3110 чел. в 1897 г. [41]. На наш взгляд, эти доводы неубедительны. Неслучайно он оставил вопрос открытым о причинах вымирания некоторых улусов Якутского округа [42].

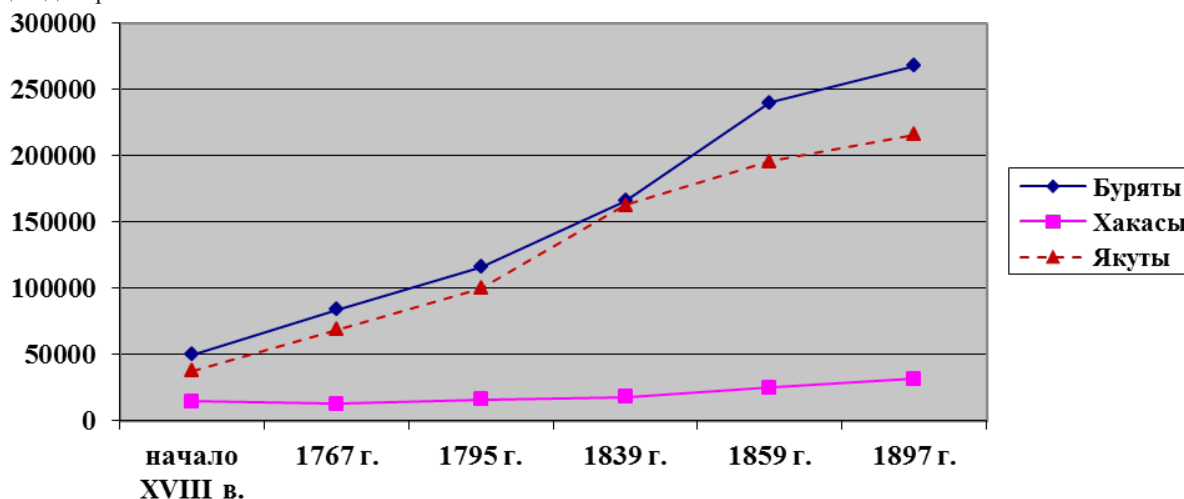
С.Г. Скобелев подсчитал, что прирост якутов между 1795–1858 гг. привел к удвоению их численности, тогда как за последующие 70 лет он составил всего 15% и был самым низким в Сибири [43].

По данным табл. 7 видно, что численность якутов с середины XVII в. до конца XIX в. увеличилась в восемь раз. За этот период, кроме основного массива якутского населения, образовались другие группы: вилюйско-олекминская и северная.

Данные исторической демографии якутов XVII–XIX вв. показывают, что наиболее благоприятным периодом было время между 1764–1839 гг. К этому времени закончился этап адаптации к государственной политике России, были урегулированы взаимные отношения. Якутские депутаты добились определенных прав для местного самоуправления, был облегчен ясачный режим. Наступила хозяйственная стабильность. Происходит интенсивная якутская колонизация, особенно бассейна Вилюя. Это заложило основу для ассимиляционных процессов с малочисленными народами Севера в бассейне р. Вилюя и на других окраинах. Так, 787 тунгусов, живших в Якутском округе с 1820-х гг., были перемещены из разряда «бродячих» в разряд «кочевых», что стало, несомненно, шагом на пути к их смешению с якутами [44]. Ясачная и аграрная реформы дали толчок якутскому самоуправлению, высшей точкой которого стало образование Якутской степной думы (1827–1838 гг.). Укрепляется и развивается хозяйство. Возникают новые источники доходов (извоз, наем, торговля). Якуты сосредотачивают известную долю торговли в своих руках. Этому способствовали и сибирские реформы 1812, 1822 гг.

Общие выводы

Попробуем соотнести демографические процессы у трех рассмотренных народов, представив их в нижеприведенной диаграмме.

Динамика численности кочевых инородцев Восточной и Южной Сибири в XVIII–XIX вв.

Анализ диаграммы показывает, что положительная динамика численности изучаемых народов за два столетия имела наилучший темп прироста между V и X ревизиями, между 1795 и 1859 гг. При этом у бурят и якутов особенно интенсивным он был в 1795–1839 гг. Якуты сравнялись по численности с ясачными бурятами, но в этот период многие буряты оказались в числе оседлых инородцев. Кроме того, нужно иметь в виду служилых бурят. Во второй половине XIX в. наблюдается замедление темпов прироста, особенно у якутов, демографический прирост которых приобрел форму стагнации. У иркутских бурят и хакасов наблюдались сходные тенденции, но если их связывают не в последнюю очередь с процессами ассимиляции, то у якутов реальные причины такой негативной динамики остаются не исследованными.

С.К. Патканов считал экономические главными причинами разницы между темпами прироста населения. Другие, по его мнению, имели местное значение: эпидемические болезни, антигигиеничные условия жизни, алкоголизм, недостаток женщин (у бродячих инородцев) [45]. На наш взгляд, к числу главных причин следует прибавить политику государства. С.Г. Скобелев обоснованно выделил ее составляющие: ясак, стремление к территориальному расширению и увеличению народонаселения из фискальных соображений, контроль над соблю-

дением законности, признание экстерриториальности мест проживания инородцев, запрет «холопить» их, налаживание системы запасных магазинов, признание внутренней автономии инородцев [46]. Неслучайно именно на один из благоприятных периодов в демографической истории изучаемых народов приходится образование степных дум, в руки которых был передан, кроме вопросов местного самоуправления, также и учет народонаселения.

Влияние эпидемий и голодовок, на наш взгляд, могло быть ощутимым в отдельные периоды истории. По нашим данным, для якутов последствия эпидемий кори и оспы сыграли одну из главных причин замедления темпов прироста. Так, в 1875 г. в результате эпидемии оспы только в одном улусе при населении в 14 тыс. чел. умерло 1 266 чел. [47].

В изучаемый период «кочевые» инородцы в демографическом плане оказались в большей степени подвержены изменениям государственной политики Российской империи в разные периоды истории. Безусловно, в ранний период, примерно до середины XVIII столетия, в силу неустойчивости внешнеполитической ситуации и в условиях поиска оптимальной формы управления многие мероприятия правительства негативно сказались на демографических процессах изучаемых народов. Начиная со второй половины XVIII в. и до середины XIX в. имели место позитивные тенденции во внутренней политике в отношении инородческого населения. Это и ясачные и административные реформы. Думается, что они сыграли важную роль в дальнейшей демографической динамике.

Источники и литература

1. Дамешек Л.М. Динамика и национальный состав коренного населения Сибири в период капитализма (1861–1917 гг.) // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск, 1989. Вып.1.: Палеодемография и демографические процессы в Сибири в эпоху феодализма и капитализма. С. 98–99; Скобелев С.Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв.: колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.
2. Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960; Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963; Он же. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990; Кабузан В.М. Народы России во второй половине XIX – начале XX в.: численность и этнический состав (1859–1917 гг.). М., 1992; Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975 и др.
4. Асалханов И.А. Народонаселение Бурятии в XIX в. // Социально-экономическое развитие Бурятии XVII – начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 91–114; Нимаев Д.Д. Этнодемографические процессы в Бурятии в XIX – начале XX в. // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 69–84; Ханхараев В.С. Буряты в XVII–XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. Улан-Удэ, 2000; Ханхараев В.С. Демографические процессы у бурят Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Мир Центральной Азии. Улан-Удэ, 2002. Т. 1. С. 205–211; Ханхараев В.С. Некоторые аспекты демографических процессов у бурят Забайкалья во второй половине XIX в. // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. В 3-х т. Улан-Удэ, 2006. Т. 3. С. 21–26.
5. Скобелев С.Г. Причины колебаний численности коренных сибирских народов в XVII–XIX вв. // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 73–83; Скобелев С.Г. Демография коренных народов...
6. Карцов В.Г. Декабрист Г.С. Батеньков. М., 1968. С. 98–99.
7. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 35.
8. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1858). М., 1972. Вып. III. С. 361.
9. Там же. С.364.
10. РГИА. Ф.1261. Оп.1. Д.366. Л.112.
11. Патканов С.К. Указ. соч. С. 166, 168, 172.
12. Ханхараев В.С. Буряты в XVII–XVIII вв.... С. 146.
13. Ханхараев В.С. Материалы ревизий... С. 77–78.
14. Патканов С.К. Указ соч. С. 76.
15. Там же. С. 76.
16. Там же. С. 76–77.
17. Ханхараев В.С. Буряты Балаганского округа в XIX в.: социально-экономическое развитие и демографические процессы // Чингис-хан и судьба народов Евразии. Улан-Удэ, 2007. С. 276.
18. Ханхараев В.С. Демографические процессы у бурят ... С. 206–207, 210.
19. Там же. С. 208.
20. Ханхараев В.С. Некоторые аспекты демографических процессов у бурят Забайкалья во второй половине XIX в. (на материалах Хоринской степной думы) // Буряты в контексте современных этнокультурных и этносоциальных процессов. Традиционная культура, народное искусство и национальные виды спорта бурят в условиях полиэтничности. В 3-х т. Улан-Удэ, 2006. Т. 3. С. 24–25.
21. Патканов С.К. Указ. соч. С. 83–84.
22. Ханхараев В.С. Указ. соч. С. 22.

23. Ханхараев В.С. Демографические процессы у бурят Селенгинской степной думы во второй половине XIX в. // Д.Б. Улымжиевийн нэрэмжит уншлага-2 «Орос бы Монгол XX зуунд. Туршлага ба асуудлууд». Улаанбаатар хот, 2006. С. 54.
24. Патканов С.К. Указ. соч. С. 81.
25. Ханхараев В.С. Материалы ревизий ... С. 69, 72.
26. Патканов С.К. Указ. соч. С. 84–85.
27. Асалханов И.А. Указ. соч. С. 102–103.
28. Нимаев Д.Д. Указ. соч. С. 74.
29. Бутанаев В.Я. Проблема угона енисейских кыргызов в Джунгарию и её значение для этнодемографического развития хакасов // Историческая демография Сибири. Новосибирск. 1992. С. 65, 67, 70–71.
30. Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан, 1970. С. 37–39.
31. Карцов В.Г. Указ. соч. С. 121; История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 263.
32. Патканов С.К. Указ. соч. С.71.
33. Там же. С. 71–72.
34. Мохова Г.А. Социально-экономический очерк истории Хакасии в эпоху капитализма в России (вторая половина XIX века). Абакан, 1958. С. 23.
35. История Хакасии ... С. 302.
36. Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала. Абакан, 1987. С. 12, 122.
37. История Хакасии ... С. 144–149.
38. Патканов С.К. Указ. соч. С. 59.
39. Таблица составлена автором на основе цифр, содержащихся в следующих работах: Памятная книжка Якутской области за 1863 год. СПб., 1864. С. 61–72; Патканов С.К. Указ. соч. С. 49, 51, 54–58; Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 359, 393, 491; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во 2-й половине XVIII в. // Советская этнография. 1966. № 3. С. 32–35; Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск, 1971. С. 69, 80; Гоголев А.И. Демографическое обозрение дореволюционной Якутии // Гоголев А.И. Лекции по исторической этнографии якутов. Якутск, 1978. С. 72 и др.
40. Патканов С.К. Указ. соч. С. 53.
41. Там же. С. 51–53.
42. Там же. С. 54–55.
43. Скобелев С.Г. О некоторых причинах замедления естественного прироста якутов в XIX – начале XX вв. (рукопись любезно предоставленная автором).
44. РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 366. Л. 111об.
45. Патканов С.К. Указ. соч. С. 173–175.
46. Скобелев С.Г. Демография коренных народов...
47. НА РС (Я). Ф. 15-и. Оп. 1. Д. 2370. Л. 55–56.

Воздействие культуры питания и пищевых новаций начала XX века на здоровье населения Вологодской губернии**

Состояние здоровья населения на любой территории определяется множеством факторов, среди которых выделяются экзогенные и эндогенные. К эндогенным относятся наследственные особенности и предрасположенности, а также благоприобретенные иммунные возможности организма и хронические заболевания. К экзогенным (которые в дополнение ко всему могут отчасти влиять и способствовать появлению некоторых эндогенных) относятся факторы внешней среды. Практически все составляющие окружающей человека среды сказываются на его здоровье, но их влияние неравнозначно.

Одним из важнейших эндогенных факторов, влияющих на здоровье, является питание. Воздействие веществ, усваиваемых с пищей, сказывается даже на поведении человека. В отношении состояния здоровья большое значение имеет полноценное обеспечение человеческого организма всеми необходимыми питательными веществами. К тому же потребности в них будут довольно значительно различаться в зависимости от природно-климатических условий и интенсивности физических и психологических нагрузок. В условиях низких отрицательных температур и тяжелых физических и психологических нагрузок потребности организма человека в витаминах и калориях значительно возрастают. Этим объясняются предпочтения определенных видов пищи, которые люди инстинктивно выбирают в разные сезоны года. Таким образом, пища не только поддерживает человеческую жизнедеятельность, но и служит средством адаптации к условиям окружающей среды.

На территории Вологодской губернии, в связи с ее географическим положением, климатические условия довольно неблагоприятны для жизни людей. Помимо прямого воздействия на человеческий организм севернорусские агроклиматические условия требовали больших затрат труда при существующей системе трехполья. Таким образом, физиологические потребности человеческих организмов в условиях местной природной среды и существовавшего хозяйственно-культурного уклада были выше нормальных.

Оценить соответствие традиционной кухни потребностям человеческих организмов можно двумя путями:

- 1) проанализировать рацион питания и рассчитать количество полезных веществ, поступающих с пищей;
- 2) выявить наличие и частоту заболеваний авитаминозами в изучаемом обществе.

Оба эти способа в равной мере самодостаточны, но могут быть использованы и вместе. В отношении изучения ситуации, существовавшей в Вологодской губернии в XIX – начале XX в., предпочтительней применить оба способа во взаимном дополнении. Исторические источники о системе питания и заболеваемости населения, отражающие данные конца XIX – начала XX в., при всей своей сравнительной изобильности не дают полной уверенности в объективной оценке ситуации. Применение комплексного подхода, сочетающего оба способа изучения проблемы, позволяет компенсировать возможные погрешности источников.

* * *

Набор пищевых продуктов в традиционной севернорусской кухне сравнительно невелик. Хотя определенные отличия пищевых традиций и культуры питания в отдельных местностях на Русском Севере существовали, но общая схема пищевого рациона была сходной. В крайнем случае, в связи с особенностями хозяйственной деятельности, традиций или агроклиматических условий одни пищевые продукты могли заменять другие или возникала вариативность в их количественном соотношении.

В структуре питания населения Вологодской губернии преобладали злаки, дополняемые отдельными видами овощей (репа, картофель). Основными пищевыми полуфабрикатами являлись мучные и крупяные продукты (мука ржаная, овсяная, ячменная, пшеничная, толокно, заспа, солод, разнообразные крупы), изготавливаемые из выращиваемых в собственных хозяйствах злаков. Объем потребления злаковых культур варьировался в разных уездах западной половины Вологодской губернии от 13,7 до 15,5 пудов в год на душу населения [1].

Среди злаковых наибольшую долю в питании имела рожь. Например, в структуре питания населения Вельского уезда, по данным обследования 1900 г., в год на душу приходилось: ржи – 7,5 пудов, овса – 3,0, ячменя – 2,3 и пшеницы – 0,5 пуда [2].

Другим важным продуктом растительного происхождения являлся картофель, потеснивший репу в последние десятилетия XIX в. Объемы его потребления к началу XX в. на душу населения составляли в вологодских

* Желтов Андрей Александрович (Вологда) – кандидат исторических наук, доцент Вологодского института права и экономики ФСИН России, ztv73@mail.ru.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-01-00371а, «Культура питания и здоровье населения Вологодской земли в конце XIX – начале XX в.»).

землях от 5 до 6 пудов в год. Корнеплодов (преимущественно репы и чуть меньше брюквы) на каждого едока в год приходилось около одного пуда.

При анализе экономики крестьянских дворов в разных уездах Вологодской губернии, проведенном в начале XX в. губернским статистическим комитетом, выявились общие для разных мест закономерности в питании населения. Показательным является описание расходов на питание, данное статистиками для Кадниковского уезда: «Растительные продукты в числе продуктов питания занимают преобладающее место и поглощают до 3/5 всего расхода на пищу (в частности, хлебные продукты берут до 1/2 всех расходов). Животная пища занимает второе место, причем в составе ее главная роль принадлежит молочным продуктам (15% расх.), подчиненная мясу (6% расх.) и рыбе (3% расхода). Напитки и наркотики также имеют немаловажное значение, и расход на них составляет 17% общего расхода на пищу; в составе последнего расхода чай и сахар поглощают до 4,51 руб. расхода на душу, табак 0,35 руб. и вино – 2,0 руб.» [3].

Помимо продуктов, производимых в собственном хозяйстве на Русском Севере, важной составляющей в структуре питания были дикоросы. Такие дикоросы, как травы и ягоды восполняли потребность в отдельных витаминах, в частности? в витамине С. К тому же дикорастущие виды богаче витаминами, чем аналогичные культивируемые растения. В больших количествах собирались и запасались также грибами, служившими дополнительным источником протеинов. По данным «Материалов для оценки земель Вологодской губернии», в Тотемском уезде на душу населения в год потреблялось примерно 0,6 пуда грибов и 0,2 пуда ягод [4]. Результаты обзора рациона питания 15 семей (трех уровней зажиточности, по пять семей каждого) на севере Кадниковского уезда, произведенного земским врачом Е.П. Поповым, показывают потребление грибов на каждого члена семьи от 0,9 до 3 пудов в год, а ягод – от 0,15 до одного пуда [5].

Дополняли структуру питания продукты животного происхождения, среди которых количественно преобладали молоко и молочные продукты. Потребление молока в Вельском и Кадниковском уездах на душу населения (на одного едока) в год достигало 102,4 кг, а масла – 2,24 кг [6]. Мяса и сала население использовало в пищу гораздо меньше, в год на одного едока в Тотемском уезде приходилось – 1 пуд (16 кг), в Вельском – 0,56 пуда (9 кг), в Кадниковском – 0,9 пуда (14,4 кг). Рыбы потреблялось еще меньше: в Тотемском уезде – 0,28 пуда (4,5 кг), а в Вельском – 0,25 пуда (4 кг).

Обеспечение потребности в важнейших витаминах в традиционной культуре питания населения Вологодской губернии осуществлялось за счет следующих основных продуктов питания и в соответствующих количествах (табл. 1.).

Таблица 1

Соответствие физиологическим потребностям набора продуктов питания и их объема в годовом пищевом рационе населения Вологодской губернии

Витамины	Обеспечивающие потребность продукты питания
А	Молоко (20–700*), масло (3–30*), зеленый лук (3), лесной щавель (1)
В₁	Рожь (130), картофель (25)
В₂	Рожь (75), молоко (25), картофель (10)
В₆	Рожь (120)
В₁₂	Молоко и молочные продукты, мясо
С	Зеленый лук (30–40), лесной щавель (10), ягоды (3), репа и брюква (10), капуста (5), картофель (2–3)
Е	Льняное масло (300)

Примечание: в скобках указано, на сколько процентов обеспечивалась минимальная потребность человеческого организма в витаминах.
* При расчете по разным данным содержания.

С учетом сопоставления материала представленного в табл. 1, заметно два критических участка в системе питания населения вологодских земель:

- 1) по обеспеченности витамином А;
- 2) по витамину С.

Впрочем, данные по содержанию ретинола в молоке в разных источниках сильно расходятся, что даже нельзя объяснить вариативностью наличия витамина в молоке в зависимости от питания коров. В целом, обзор пищевой ценности рациона питания подтверждается и данными по авитаминозам. В Вологодской губернии еще в XIX в. отмечались (но не в массовом порядке, а в виде отдельных случаев заболевания) цинга (гиповитаминоз С), куриная слепота (гиповитаминоз А) и у детей – рахит (гиповитаминоз D).

Как уже было отмечено, наиболее объективным параметром, отражающим соответствие традиционной кухни физиологическим потребностям человеческого организма в плане обеспечения витаминами и питательными веществами, следует признать показатели заболеваемости авитаминозами.

Зафиксированная официальной земской медицинской статистикой в Вологодской губернии в начале XX века частота заболевания авитаминозами была сравнительно невысокой. Максимальные показатели заболеваемости авитаминозами по уездам достигали лишь 0,2 % (т.е. авитаминоз фиксировался лишь у 1 из 500 человек) (см. табл. 2 и 3).

Таблица 2

Показатели заболеваемости авитаминозами в уездах Вологодской губернии в 1905 г.

Уезды	Численность населения на 1901 г.*	Численность населения на 1903 г.	Заболевшие**			
			куриной слепотой		цингой	
			число	процент	число	процент
Вологодский	149 129	152 636	299	0,2	82	0,055
Грязовецкий	116 557	106 604	–		–	
Кадниковский	186 994	197 264	80	0,04	6	0,003
Тотемский	139 068	152 845	177	0,13	10	0,007
Вельский	–	109 068	59	0,05	8	0,007
Никольский	237 538	246 846	177	0,07	62	0,026
В.-Устюгский	–	143 728	162	0,11	14	0,01
Сольвычегодский	125 001	125 482	83	0,07	10	0,008
Яренский	47 147	49 427	52	0,11	1	0,002
Устьсысольский	93 982	96 426	37	0,04	4	0,004

* Число крестьянского населения обоего пола по уездам // Адрес календарь лиц, состоящих на службе в Вологодской губернии на 1901 год. С. 142, 145, 149, 157, 159, 161, 163, 165; Справочные сведения // Адрес-календарь Вологодской губернии на 1904–1905 годы. Вологда, 1904. С. 176–177.

** Материалы заболеваемости населения Вологодской губернии за 1905 год. По данным карточной регистрации. Год первый. Вологда, б.г. 89 с.

Таблица 3

Показатели заболеваемости авитаминозами в уездах Вологодской губернии в 1910 г.

Уезды	Численность населения на 1911 г.*	Заболевшие**			
		куриной слепотой		цингой	
		число	процент	число	процент
г. Вологда	44922	53	0,12	9	0,017
Вологодский уезд	165347	300	0,18	14	0,008
Грязовецкий	117997	191	0,16	3	0,002
Кадниковский	212287	695	0,33	27	0,013
Вельский	119871	136	0,11	20	0,017
Тотемский	171657	210	0,12	51	0,03
Никольский	283411	242	0,08	41	0,014
Устюгский	156421	197	0,12	35	0,022
Сольвычегодский	146825	192	0,13	1	
Яренский	58637	38	0,06	1	
Устьсысольский	112510	48	0,04	16	0,014
ВСЕГО		2302		218	

* Справочные сведения // Памятная книжка Вологодской губернии на 1912 год. Вологда, 1912. С. 111, 113.

** Распространение эпидемических заболеваний за 1910 г. // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. 1911. Вып. 2. С. 22.

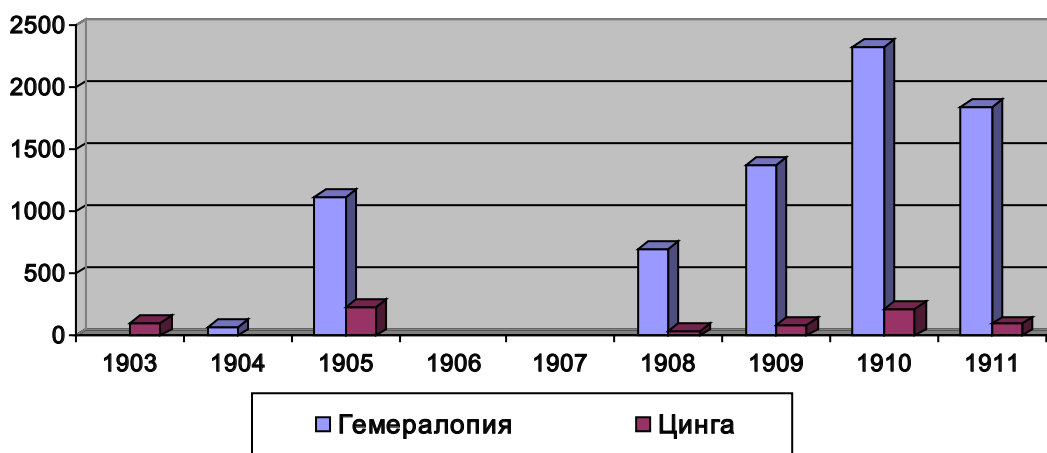
Конечно, по сравнению с другими видами заболеваний показатели заболеваемости менее 1% в год можно считать незначительными. Однако при этом следует помнить, что фиксируется в виде признаков заболевания лишь значительная (серьезная и ярко выраженная) витаминная недостаточность. При частичной витаминной

недостаточности гиповитаминозы протекают в скрытой (латентной) форме с невыраженными симптомами, проявляясь лишь в ухудшении работоспособности и снижении самочувствия. К тому же определенные сомнения вызывает достоверность фиксации большинства случаев проявления авитаминозов. Медицина начала XX в. была сориентирована на выявление опасных инфекционных заболеваний, тогда как авитаминозы выпадали из внимания медицинской статистики.

В отношении заболеваемости цингой нужно отметить неравномерность ее появления в разные годы и распространения по различным территориям губернии. Вспышки цинги отмечались в неурожайные годы и затрагивали беднейшие слои населения, активно постящихся старообрядцев и семьи, живущие ремеслом вместо сельского хозяйства. Впрочем, менее благоприятна обстановка по цинге была в городах Вельске и Тотьме. Если в целом по уездам заболеваемость колебалась в сотых и тысячных долях процента, то с учетом численности населения в городах: на 1 января 1911 г. в Тотьме насчитывалось 5 295, а в Вельске – 2 741 чел. (обоих пола) [7], в 1909 г. в Вельске цингой заболело 0,6% от всей численности населения города [8].

В отношении заболеваемости куриной слепотой (гемералопией) на протяжении начала XX в. наблюдается постоянный рост числа отмеченных официальной статистикой случаев заболеваний (см. диаграмму).

Количество заболеваний авитаминозами в Вологодской губернии

Источники: за 1903, 1904, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910, 1911 гг. – по данным статистических обзоров из Врачебно-санитарных обзоров Вологодской губернии. 1903–1912 гг.; за 1905 г. – Материалы заболеваемости населения Вологодской губернии за 1905 год. По данным карточной регистрации. Год первый. Вологда, б.г. 89 с.

Конечно, в вологодских статистических медицинских источниках сведения по авитаминозам отражены не в полной мере, а в отдельные годы и преднамеренно не учитывались, но общая тенденция роста числа авитаминозов А весьма очевидна. Одно из объяснений резкого увеличения отмечаемых случаев куриной слепоты (которая в XIX в. практически не упоминается) можно видеть в распространении в вологодских землях промышленного маслоделия.

В местах активного промышленного маслоделия в начале XX в. (а местами и в конце XIX в.) изменилась структура питания, и вместо молока крестьяне употребляли только «обрат» (обезжиренное молоко, прошедшее через сепаратор). Без молока оставляли даже детей. Особенно много сообщений о подобном качественном изменении народного питания имеется из Вологодского уезда. В частности, в отношении селения Залесье Архангельской волости отмечали следующее: «Мяса едят очень мало, лишь осенью молодых ягнят, рыбы тоже, молоко отправляют в сыроварни и сами пьют лишь обрат, как дети, так и взрослые; лишь в редких селениях детей до 2-х летнего возраста поят цельным молоком». То же самое отмечалось по деревне Рыково-Барское: «Молоко сбывается в маслодельню, обрат пьют сами» [9]. Изменения структуры пищевого рациона населения вологодских земель в первые годы XX в. наглядно видны на примере северных волостей Кадниковского уезда из описания земского врача Е.П. Попов: «Больше всего потребляется местным населением растительной пищи: хлеб, картофель, грибы, овощи и ягоды. Такими важными и питательными продуктами сельского хозяйства, как молоко и яйца, здешние крестьяне почти не пользуются, так как молоко сдают на маслодельные заводы, а яйца продают» [10]. Подобные особенности мы можем найти в описании питания населения Марьинской волости Вологодского уезда в начале XX в.: «Пища крайне грубая: мясо едят только осенью и то не все. Молоко носят на маслодельню все богатые и бедные. Маслоделен там масса, в каждой деревне работает сепаратор. Для себя оставляют немногие

молоко. Едят *обрат*. Потом в пищу идут – овощи, грибы, варят каши: овсяную, пшеничную, а также *завару* из ржаных отрубей, едят ее с окисшим обратом. Главная же пища – картофель, который варят с приправой, жарят и едят просто варенный. При такой грубой пище большинство страдают желудочно-кишечными болями» [11].

В тех местах, где маслоделие не получило распространение, в начале XX в. сохранялось традиционное потребление молока и молочных продуктов. Примером тому может служить питание населения юго-востока Никольского уезда: «Пища обычно далеко не достаточная. Даже в зажиточных семьях свежее мясо употребляют редко: обычную пищу составляют овощи, хлеб, соленая и сушеная рыба, солонина. Молоко употребляют сами. Яйца продают, но нередко едят и сами. Посты всюду соблюдают строго» [12].

Впрочем, в местах с развитым масло-сыроделием, как, например, в той же Марьинской волости Вологодского уезда, были селения, где от молочных продуктов не отказались: «Пища обычно далеко не достаточная. Даже в зажиточных семьях свежее мясо едят редко; обычную пищу составляют солонина, овощи, хлеб, соленая и сушеная рыба. Молоко оставляется в скоромное время для себя, молока достаточно, в пост отдается в сыроварни, да и то лишь теми, у кого его много. Яйца продают, но довольно часто едят и сами. Хлеб в общем хороший, без примесей и хорошо пропеченный» [13].

Наряду с нарушениями в традиционной структуре питания, вызвавшими авитаминозы, в начале XX в. выкристаллизовалась еще одна проблема в местной культуре питания – это проблема употребления алкогольных напитков. Она также начинает в это время оказывать серьезное влияние на общественное здоровье. Традиционным для Русского Севера алкогольным напитком было приготавливаемое крестьянами пиво. Пиво варили все и в достаточно больших количествах. Для этого использовался преимущественно ржаной солод. Сама по себе технология приготовления солода, включавшая проращивание зерна и его «горение», обогащала конечный продукт некоторыми витаминами и легко усвояемыми веществами. Однако встречавшееся нередко чрезмерное употребление пива также неблагоприятно отражалось на здоровье населения. Как отмечал в своем описании северных волостей Кадниковского уезда Е.П. Попов, «некоторые крестьяне пропускают через себя такое громадное количество пива, что их почки уже отказываются справляться с ним и в результате получается общий отек. Нам приходилось видеть таких “опухших” с пива субъектов» [14].

Еще более серьезно повлияло на здоровье населения проникновение в деревенскую среду водки. Развитие традиции употребления водки хорошо показано в описании, посвященном западу Сычевской волости: «Что же касается казенного вина (под названием *вино* здесь понимается водка. – А.Ж.), то оно потребляется в громадном количестве при свадьбах, во время больших и храмовых праздников. Тогда вино закупается целыми ведрами, выпивается большими порциями натошак, без всякой закуски, так что оглушающее действие алкоголя наступает быстро. Хозяева всегда стараются угостить приехавших гостей до полного отравления, и только когда гость совершенно пьяный свалится под стол, его перестают угощать. При этом повсюду распространена крайне некультурная привычка приставать к гостям с неотступными и настойчивыми просьбами выпить. При отказе гостей от водки хозяева считают своим неотъемлемым правом обижаться так же, как и гость считает нужным некоторое время отказываться от рюмки. Пьют нередко целыми стаканами. Несмотря на большое потребление вина, привычных пьяниц или страдающих запоем встречается мало. В пору усиленных полевых работ крестьяне почти не пьют водки. Наибольшее потребление ее падает на декабрь и январь, когда в деревнях справляют свадьбы и связанные с ними семейные торжества. Водку дают даже маленьким детям. Подростки начинают пить вино и напиваются допьяна лет с 13–14, это одно из самых печальных явлений современной деревни» [15]. Е.П. Попов в отношении уже севера Кадниковского уезда отмечал: «Если пивные праздники относятся к разряду старинных переживаний, то широкое распространение водки есть явление новейшего времени». И далее: «водку пьют не только мужчины, но женщины и дети-подростки, а пиво пить не запрещают малым детям и даже грудным дают его “отведать”. На основе анализа все возраставших в первые годы XX века объемов потребления водки он делает вполне резонный вывод: «водка крайне обессиливает население не только материально, но физически и морально, медленно, но верно подтачивая общественный организм трудового народа» [16].

* * *

Обобщая все выше отмеченное, в заключение можно отметить следующие выделенные тенденции:

1) Социально-экономические и культурные изменения начала XX в. в целом весьма неблагоприятно отразились на культуре питания и здоровье населения.

2) Эти изменения возникли под влиянием: а) развития бизнеса и связанных с ним культурно-хозяйственных инноваций (появление и широкое распространение промышленного маслоделия), б) снижения спроса на мировом рынке на традиционные товары, производившиеся вологжанами на экспорт.

3) Религия (православная и старообрядческая) также внесла свою лепту в негативное преобразование культуры питания населения Вологодского края и ухудшение здоровья людей.

4) Роль государства в развитии ситуации (экономической, социальной, эпидемиологической), констатируемой в начале XX в., двоякая – как в плане усугубления ситуации, так и в плане ее смягчения. Однако большая часть позитивного участия происходила со стороны земских учреждений, которые скорее были не государственными, а общественными структурами.

Источники и литература

1. *Материалы* для оценки земель Вологодской губернии. Т. V. **Кадниковский уезд. Вып. 2. Вологда, 1912. С. 206; Материалы** для оценки земель Вологодской губернии. Т. III. Тотемский уезд. Вып. 2. Вологда, 1909. С. 211.
2. *Материалы* для оценки земель Вологодской губернии. Вельский уезд. Т. 4. Вып. 2. Вологда, 1912. С. 171.
3. *Материалы* для оценки земель Вологодской губернии. Т. V. Кадниковский уезд. Вып. 2. Вологда, 1912. С. 205.
4. *Материалы* для оценки земель Вологодской губернии. Т. III. Тотемский уезд. Вып. 2. Вологда, 1909. С. 212.
5. *Север* Кадниковского уезда, медико-топографический очерк шести волостей. Санитарно-эпидемического врача Е.П. Попова // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии (далее – ВСО ВГ). Вып. 2. Февраль 1909 г. С. 324-325.
6. *Материалы* для оценки земель Вологодской губернии. Т. IV. Вельский уезд. Вып. 2. Описания. Вологда, 1912. С. 171; *Материалы* для оценки земель Вологодской губернии. Т. V. Кадниковский уезд. Вып. 2. Описания. Вологда, 1912. С. 206.
7. *Краткий обзор* народного хозяйства Вологодской губ. за 1910 год // Ежегодник (календарь-справочник) Вологодской губернии на 1912 год (год второй). Вологда: Типография Товарищества «Знаменский и Цветов», 1911. С. 49.
8. *Распределение* заразных заболеваний по уездам и волостям Вологодской губернии за 1909 год // ВСО ВГ. Вып. 3. Март 1910 г. С. 242–251.
9. *Санитарный обзор* Архангельской вол. Вологодского уезда. Студента Воен.-Медиц. Академии А. Черновского // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. июль 1906 г. Вып. 7. (Сведения за июнь 1906 года) С. 486, 491.
10. *Север* Кадниковского уезда, медико-топографический очерк шести волостей. Санитарно-эпидемического врача Е.П. Попова // ВСО ВГ. Вып. 2. Февраль 1909 г. С. 301.
11. *Об эпидемии* брюшного тифа в Марьинской и Братковской волостях Вологодского уезда. Эпидемического фельдшера П. Лукачева // ВСО ВГ. Май 1907 г. Вып. 5. (Сведения за апрель 1907 года). С. 388.
12. *Чтецов А.* Краткий санитарный очерк Лузянской волости // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Август 1907 г. Вып. 8. (Сведения за июль 1907 года) С. 704.
13. *Санитарный обзор* Архангельской вол. Вологодского уезда. Студента Воен.-Медиц. Академии А. Черновского // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. июль 1906 г. Вып. 7. (Сведения за июнь 1906 года). С. 480.
14. *Север* Кадниковского уезда, медико-топографический очерк шести волостей. Санитарно-эпидемического врача Е.П. Попова // ВСО ВГ. Вып. 2. Февраль 1909 г. С. 304.
15. *Западная часть* Сычевской волости Вологодского уезда. (Медико-санитарный очерк эпидемич. врача Е.П. Попова) // ВСО ВГ. Июль 1907 г. Вып. 7. (Сведения за июнь 1907 года) С. 584.
16. *Север* Кадниковского уезда... С. 305.

Н.П. Безносова*

Возрастнополовая структура населения Коми автономной области (АССР) в 1920–1930-е годы**

Целью данного исследования было на основе вновь вводимых в научный оборот архивных источников детально рассмотреть трансформацию возрастной и половой структур населения в 1920–1930-е гг. как в целом по Коми, так и в различных типах поселений (город – село). Изучение этих изменений очень важно для оценки демографической ситуации, поскольку возрастнополовой состав оказывает влияние на все демографические показатели, в особенности на уровни рождаемости и смертности, определяет долю экономически активного населения и объемы людских и трудовых ресурсов.

При анализе структуры населения в 1920-е гг. первое, что бросается в глаза – это диспропорция в соотношении полов. Корни этого дисбаланса уходят в годы Первой мировой и Гражданской войн. Военные годы нарушили соотношение полов в пользу женщин. Перепись 1920 г. зафиксировала, что в Коми мужчин было на 24,9 тыс. чел. меньше, чем женщин. Их доля в составе населения равнялась 43,1, женщин – 56,9%. В сельской местности мужские потери были более заметными. Здесь мужчины составляли 43,0% населения, в городе – 46,2%. Женщины преобладали во всех уездах, но более других – в Усть-Куломском (57,7%). В целом по Коми в 1920 г. на 100 мужчин приходилось 132 женщины (в городе – 116, в селе – 132) (табл. 1).

Таблица 1

Возрастнополовой состав населения Коми АО в 1920 г. (пересчёт итогов переписи населения 1920 г. по уездам вновь образованной АО Коми (зырян))

Возраст, лет	Удельный вес, % к итогу			На 100 мужчин приходится женщин		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Все население	100,0	100,0	100,0	132	116	132
0–7	21,5	17,0	21,6	103	100	103
8–15	21,9	17,3	21,9	107	103	108
16–17	5,1	6,3	5,0	115	120	114
Трудоспособный возраст (мужчины 18–55, женщины 18–50)	38,9	47,7	38,8	162	109	163
Старше трудоспособного возраста	12,6	11,7	12,6	167	232	167

Составлено и рассчитано по: НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 1. Д. 311. Л. 19.

Женщины составляли большинство во всех возрастных группах, но если в детских и подростковых (0–15 лет) разница была не столь существенна, то в юношеских (16–17 лет) она становится более очевидной – 46,6% юношей и 53,4% девушек. Наибольший дисбаланс полов наблюдался среди взрослого населения. В составе группы трудоспособного населения (мужчины от 18 до 55 лет, женщины от 18 до 50 лет) удельный вес мужчин равнялся 38,2%, женщин – 61,8%, в возрасте старше трудоспособного (мужчины старше 55 лет, женщины старше 50 лет) – соответственно 37,3 и 62,7. В трудоспособном возрасте дисбаланс в пользу женщин в селе был более глубоким – в городе соотношение между мужчинами и женщинами этой возрастной категории составляло 47,9 к 52,2%, в селе – 38,0 к 62,0%. Вместе с тем в старшей возрастной группе (мужчины старше 55 лет, женщины старше 50 лет), напротив, разница в удельном весе мужского и женского населения в селе была меньше, чем в городе – соответственно 37,5 к 62,5% и 30,1 к 69,9%.

В 1920 г. в возрастной пирамиде очень высока была доля детей и юношества до 18 лет (43,4% населения), при этом в городе их удельный вес был ниже, чем в селе – 34,3% против 43,5%. Также ниже в городской мест-

* Безносова Наталья Павловна (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Работа подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

ности была доля лиц пожилого возраста. Зато в городе существенно выше, чем в селе, был процент людей трудоспособного возраста – 47,7 против 38,8%.

Последовавшая после окончания Гражданской войны волна мобилизации увеличила долю мужского населения в городе и деревне. Проведённая в 1926 г. Всесоюзная перепись населения показала, что за шесть лет, прошедших с 1920 г., диспропорция полов незначительно, но сгладилась. В 1926 г. в Коми мужчин было на 19,7 тыс. чел. меньше, чем женщин. Их доля в составе населения равнялась 45,6%, женщин – 54,4%. Как и в 1920 г., процент мужчин в сельском обществе оставался ниже, чем в городском – соответственно 45,5 и 49,4%. Как прежде, женщины преобладали во всех районах, но более других – в Сысольском (58,7%) и Сторожевском (57,0%). В городских поселениях в 1926 г. проживала очень незначительная часть населения (3,3%), и здесь баланс между мужчинами и женщинами был близок к естественному – 49,4 к 50,6% (табл. 2). В целом по области в 1926 г. на 100 мужчин приходилось 119 женщин, в городе – 107, в селе – 120. Дисбаланс полов в Коми был выражен резче, чем в среднем по России, где в 1926 г. в городах на 100 мужчин приходилось 106 женщин, в сельской местности – 110 [1].

Таблица 2

Численность и распределение населения Коми АО по полу по административным районам в 1926 г. (в современных границах)

Административный район	Всё население, чел.	Мужчины, чел.	%	Женщины, чел.	%
Сыктывкар	5 068	2 510	49,5	2 558	50,5
Пос. Ньючим	716	345	48,2	377	51,8
Всего городского населения	5 784	2 855	49,4	2 929	50,6
Районы:					
Ижемский	22 542	10 381	46,1	12 161	53,9
Летский	10 930	5 149	47,1	5 781	52,9
Прилузский	16 743	7 910	47,2	8 833	52,8
Сторожевский	16 062	6 905	43,0	9 157	57,0
Сыктывдинский	31 661	14 440	45,6	17 221	54,4
Сысольский	24 026	9 931	41,3	14 095	58,7
Троицко-Печорский	4 143	1 828	44,1	2 315	55,9
Удорский	13 367	6 102	45,6	7 265	54,4
Усть-Вымский	27 831	12 579	45,2	15 252	54,8
Усть-Куломский	27 417	12 984	47,4	14 433	52,6
Усть-Усинский	6 740	3 153	46,8	3 587	53,2
Усть-Цилемский	13 038	6 181	47,4	6 857	52,6
Кочпонский и Тентюковский сельсоветы г. Сыктывкара	4 645	2 201	47,4	2 929	52,6
Всего сельского населения	219 145	99 744	45,5	119 401	54,5
Всё население Коми АО	224 929	102 599	45,6	122 330	54,4

Составлено и рассчитано по: НАРК. Ф. Р.-642. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

Анализ по возрастным группам показывает, что мужчины имели незначительный численный перевес только в самой младшей возрастной группе – до одного года. Начиная с первого года жизни во всех возрастах численно преобладали женщины. Дисбаланс нарастает с 14-летнего возраста и достигает самых больших величин в возрастных когортах от 20 до 39 лет. Так, в группе 20–24-летних мужчины составляли 42,6, женщины – 57,4%; 25–29-летних – соответственно 41,3 и 58,7%; 30–39-летних – 41,6 и 58,4%. Численный перевес женщин был характерен и для старших возрастных групп, но после 40 лет разница между мужчинами и женщинами выравнивается, хотя и остается весьма существенной (табл. 3). Однако столь глубокая диспропорция в соотношении полов в пользу женщин была характерна только для сельской местности.

В городских поселениях, представленных в 1926 г. г. Усть-Сысольском (с 1930 г. – г. Сыктывкар) и фабрично-заводскими поселками Кажим и Ньючим, среди группы трудоспособного населения, большинство составляли мужчины, что объясняется приездом сюда на учёбу и работу жителей села, преимущественно мужского пола, так как промышленное производство и строительство в те годы требовали тяжёлого ручного физического труда. Так, в возрасте 20–24 года на 100 мужчин-горожан приходилось 92 женщины-ровесницы, в то время как в селе – 138, в возрасте 25–29 лет – соответственно 111 и 144, в возрасте 30–39 лет – 99 и 143, в возрасте 40–49 лет – 92 и 129 (табл. 4).

Таблица 3

**Соотношение мужчин и женщин по возрастным группам населения Коми АО в 1926 г.
(в современных границах)**

Возраст, лет	Год рождения	Всё население, чел.	Мужчины, чел.	% в составе данной возрастной группы	Женщины, чел.	% в составе данной возрастной группы
Все население		224 929	102 599	45,6	122 330	54,4
До 1 года	1925–1926	9 488	4 764	50,2	4 724	49,8
1–4	1922–1925	27 892	13 885	49,8	14 007	50,2
5–9	1918–1921	22 304	11 016	49,4	11 288	50,6
10–14	1913–1917	26 073	12 604	48,3	13 469	51,7
15–19	1908–1912	24 933	11 421	45,8	13 512	54,2
20–24	1903–1907	18 704	7 976	42,6	10 728	57,4
25–29	1898–1902	15 974	6 601	41,3	9 373	58,7
30–39	1888–1897	25 107	10 437	41,6	14 670	58,4
40–49	1878–1887	21 396	9 431	44,1	11 965	55,9
50–59	1868–1877	16 480	7 319	44,4	9 161	55,6
60 лет и старше	Ранее 1868 г.	16 393	7 049	43,0	9 344	57,0
Число лиц моложе 18 лет		101 545	49 518	48,8	52 027	51,2
Число лиц старше 18 лет		123 384	53 081	43,0	70 303	57,0

Составлено и рассчитано по: НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 2. Д. 991. Л. 100.

Таблица 4

Возрастной состав населения Коми АО в 1926 г. (в современных границах)

Возраст, лет	Количество человек	% к итогу	Число женщин на 100 мужчин		
			Всё население	Город	Село
Все население	224 929	100,0	119	107	120
До 1 года	9 488	4,2	99	95	99
1–4	27 892	12,4	101	101	101
5–9	22 304	9,9	102	106	103
10–14	26 073	11,6	106	119	106
15–19	24 933	11,1	118	120	118
20–24	18 704	8,3	135	92	138
25–29	15 974	7,1	142	111	144
30–39	25 107	11,2	141	99	143
40–49	21 396	9,5	127	92	129
50–59	16 480	7,3	125	118	125
60 лет и старше	16 393	7,3	133	144	132
Число лиц моложе 18 лет	101 545	45,1	105	109	105
Число лиц старше 18 лет	123 384	54,9	132	105	134
<i>Дети и молодёжь в возрасте до 30 лет</i>	<i>145368</i>	<i>64,6</i>			

Составлено и рассчитано по: НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 2. Д. 991. Л. 100.

Как показывают расчеты, возрастные структуры городского и сельского населения имели заметные отличия. Детей и подростков до 14 лет в селе было больше, чем в городе. Их удельный вес в возрастной пирамиде составлял в городе 32,9, в селе – 38,4%. Затем сельская молодёжь и люди наиболее активного трудоспособного возраста уезжали в город на учёбу и работу, поэтому удельный вес возрастных групп от 15 до 39 лет составлял в городе 46,9%, в селе – 37,3%. После 40 лет вновь доля лиц этой возрастной категории становится на селе больше, чем в городе [2]. Таким образом, в городской местности концентрировались молодёжь и наиболее активное

самодеятельное население, в то время как в сельской местности преобладали дети, подростки, молодежь до 18 лет и люди старшего поколения.

Высокая рождаемость обеспечивала чрезвычайную «молодость» населения Коми области. В 1926 г. удельный вес детей и юношества от 0 до 18 лет составлял 45,4%, а суммарно с молодежью до 30 лет – 64,6%. При этом в селе был выше, чем в городе удельный вес детей и подростков до 18 лет (45,4 против 39,7%), в то время как в городе было больше молодежи от 19 до 29 лет (21,2 против 15,2%). Вместе с тем очень незначителен был в возрастной пирамиде процент лиц пожилого возраста (60 лет и старше) – 7,3% (в городе – 5,9, в селе – 7,3). Интересно, что перепись 1926 г. зафиксировала в Коми 11 долгожителей в возрасте старше 100 лет (в Сысольском уезде – пять, Ижмо-Печорском – четыре, Усть-Куломском – два), из них три мужчины и восемь женщин [3].

Таблица 5
Возрастной состав населения РСФСР
и Коми АО в 1926 г., % к итогу

Возраст, лет	РСФСР	Коми
Все население	100,0	100,0
0–4	15,3	16,6
5–14	21,7	21,5
15–19	11,0	11,1
20–24	9,4	8,3
25–29	8,0	7,1
30–39	11,7	11,2
40–49	8,7	9,5
50–59	6,5	7,3
60 лет и старше	6,7	7,3
Число лиц моложе 14 лет	37,0	38,1
Дети и молодежь в возрасте до 30 лет	65,4	64,6

Сравнительный анализ возрастной структуры населения Коми в 1926 г. с аналогичными показателями по России не обнаруживает принципиальных отличий (табл. 5). Однако нельзя не заметить, что в Коми был ниже, чем в среднем по России, удельный вес людей молодого и среднего трудоспособного возраста (20–39 лет), и выше – детей и юношества до 20 лет и возрастной категории от 40 лет и старше.

Сложившийся в Коми в 1920-е гг. демографический дисбаланс между полами в пользу женщин в период между переписями 1926 и 1939 гг. сгладился как в городской, так и в сельской местности. За тринадцать лет при общем увеличении численности населения Коми на 141,8%, женское население выросло на 134,1%, мужское – на 150,9%. Опережающий рост мужского населения в 1930-е гг., ставший следствием резкого увеличения внешней миграции (спецпереселенцы, заключенные, трудовая миграция), привел к нормализации баланса полов в республике, а в ряде местностей – к преобладанию мужского населения. В 1939 г. численный перевес женщин в целом по Коми составил только 1,6 тыс. чел. против 19,7 тыс. в 1926 г. Как следует из табл. 6, мужчины составляли 48,6%, женщины – 51,4% населения.

Составлено и рассчитано по: *Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М., 2001. С. 154–155; НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 2. Д. 991. Л. 100.*

Таблица 6

Распределение населения Коми АССР по полу по административным районам в 1939 г.

Административные районы	Все население, чел.	Мужчины, чел.	% к населению	Женщины, чел.	% к населению
Сыктывкарский горсовет	29 715	14 072	47,4	15 643	52,6
г. Сыктывкар	25 285	12 158	48,1	13 127	51,9
Кочпонский сельсовет	1 568	756	48,2	812	51,8
Тентюковский сельсовет	2 862	1 158	40,5	1 704	59,5
Районы:					
Железнодорожный	15 277	8 277	54,2	7 000	45,8
Ижемский	24 235	11 624	48,0	12 611	52,0
Корткеросский	12 401	6 088	49,1	6 313	50,9
Летский	14 172	6 624	46,7	7 548	53,3
Прилузский	19 658	9 170	46,6	10 486	53,4
Сторожевский	17 475	8 103	46,4	9 372	53,6
Сыктывдинский	26 754	12 552	46,9	14 202	53,1
В т. ч. рабоч. пос. Ньючим	1 209	608	50,3	601	49,7
Сысольский	29 929	13 743	45,9	16 186	54,1
Троицко-Печорский	8 559	4 106	48,0	4 453	52,0
Удорский	15 060	6 765	44,9	8 295	55,1
Усть-Вымский	25 473	13 856	54,4	11 617	45,6
Усть-Куломский	33 646	15 449	45,9	18 200	54,1
Усть-Усинский	21 014	11 130	53,0	9 884	47,0

Административные районы	Все население, чел.	Мужчины, чел.	% к населению	Женщины, чел.	% к населению
Усть-Цилемский	16501	7823	47,4	8678	52,6
Ухтинский	8702	5094	58,5	3608	41,5
В т. ч. рабоч. пос. Чибью	2669	1731	64,9	938	35,1
Все население Коми АССР	318969	154873	48,6	164096	51,4
В т. ч. городское население	29163	14497	49,7	14666	50,3
сельское население	289806	140376	48,4	149430	51,6

Составлено по: НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 2. Д. 990. Л. 1; Ф. Р.-642. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

Женщины преобладали в большинстве административных районов, особенно в Удорском (55,1%), Сысольском и Усть-Куломском (по 54,1%), Тентюковском сельсовете г. Сыктывкара (59,5%). Однако в нескольких районах соотношение полов было нарушено уже в пользу мужчин. Так, в Ухтинском районе и расположенном там же рабочем посёлке Чибью мужчины составляли соответственно 58,5 и 64,9%. Мужское население преобладало также в Железнодорожном, Усть-Вымском и Усть-Усинском районах, т.е. в местах начавшегося нового транспортного и промышленного строительства и расположения исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа (табл. 6). Наибольшая диспропорция в пользу мужчин в этих районах фиксируется в трудоспособном возрасте, но если в Усть-Вымском районе мужчины преобладали во всех возрастных группах трудоспособного населения (18–54 года), то в Усть-Усинском районе только в возрасте от 18 до 39 лет. В Троицко-Печорском районе большинство составляли женщины, но в наиболее активном трудоспособном возрасте (25–39 лет) также доминировали мужчины [4].

Таблица 7

Возрастнополовая структура населения Коми АССР в 1939 г.

Возраст, лет	Год рождения	Всего, чел.	% к итогу	Число женщин на 100 мужчин		
				Всё население	Город	Село
Всё население		318996	100,0	106	101	106
0–4	1935–1939	41668	13,0	100	103	100
5–9	1930–1934	36672	11,5	104	106	104
10–14	1925–1929	38811	12,1	102	106	102
15–19	1920–1924	27355	8,6	105	101	106
20–24	1915–1919	25982	8,2	100	110	99
25–29	1910–1914	31138	9,8	87	82	87
30–34	1905–1909	23983	7,6	93	89	93
35–39	1900–1904	20962	6,6	102	100	102
40–44	1895–1899	14745	4,6	114	96	116
45–49	1890–1894	12932	4,0	121	88	124
50–54	1885–1889	10924	3,4	116	94	118
55–59	1880–1884	10822	3,4	157	134	159
60 лет и старше	1879 и раньше	22970	7,2	153	211	151

Составлено и рассчитано по: НАРК. Ф. Р.-140. Оп. 2. Д. 987. Л. 1–7.

Сравнительный анализ данных 1926 и 1939 гг. указывает на значительные изменения в возрастнополовой структуре населения республики, а также на видимые различия этих показателей по городскому и сельскому населению (табл. 7). В целом по Коми в 1939 г. на 100 мужчин приходилось 106 женщин (в городе – 101, в селе – 106), в то время как в 1926 г. – соответственно 119, 107, 120. Характерной особенностью конца 1930-х гг. стало доминирование мужчин в наиболее активных трудоспособных возрастных группах: среди 25–29-летних на 100 мужчин приходилось – 87 женщин-ровесниц (в городе – 82, в селе – 87), 30–34-летних – 93 (в городе – 89, в селе – 93). В городской местности численный перевес мужчин сохранялся также в возрастном диапазоне от 40 до 54 лет. Женщины составляли большинство в младших (до 20 лет) и старших возрастных группах. Особенно заметным дисбаланс становится после 55 лет, когда численность женщин начинает превышать численность мужчин более чем в 1,5 раза. Так, в возрастной когорте от 55 до 59 лет соотношение мужчин и женщин было 100:157 (в городе – 100:134, в селе – 100:159), от 60 лет и старше – 100:153 (в городе – 100:211, в селе – 100:151).

Несмотря на небольшое снижение в возрастной пирамиде удельного веса детей, подростков и молодёжи в возрасте до 29 лет с 64,6 в 1926 г. до 63,2% в 1939 г., население Коми АССР продолжало оставаться необычайно молодым. При этом в городских поселениях их доля была заметно выше, чем в сельских – 68,3% против 62,7%. Как и в 1926 г., детей и подростков до 14 лет в селе было больше, чем в городе. Однако удельный вес групп от 0 до 14 лет снизился в городе с 32,9% в 1926 г. до 27,0% в 1939 г., в селе – соответственно с 38,4 до 37,7%. Одновременно с этим в городе значительно вырос удельный вес молодёжи от 15 до 29 лет – с 32,8% в 1926 г. до 41,3% в 1939 г., при снижении этой возрастной группы в селе с 26,3 до 25,0%, что явилось следствием миграции сельской молодёжи в город. Вопросами занятости объясняется также ббльшая в городе нежели в селе доля населения среднего и старшего трудоспособного возраста. Так, лица в возрасте от 30 до 54 лет составляли в 1939 г. в городе 33,7, селе – 27,7% населения. В 1939 г. по сравнению с аналогичными показателями 1926 г. доля лиц старше 60 лет в структуре населения осталась относительно небольшой и практически неизменной – 7,2 против 7,3%. В 1939 г., как и прежде, удельный вес лиц старше 60 лет в селе был существенно выше, чем в городе – соответственно 7,6 и 3,2%.

Столь высокий удельный вес детей, подростков и молодежи и сравнительно небольшая доля лиц пожилого возраста свидетельствуют о том, что в 1920–1930-е гг. в Коми существовала структура населения, типичная для общества с преобладанием традиционного типа воспроизводства населения, для которого были характерны высокая рождаемость и высокая смертность. В эти годы территория Коми оставалась слабо урбанизированной. К окончанию 1930-х гг. в трех городских поселениях (г. Сыктывкаре и рабочих поселках Ньючим и Чибью (ныне – г. Ухта)) проживало менее 10% населения республики. Вместе с тем возрастнополовая структура городских поселений выгодно отличалась практически численным равенством полов и повышенной долей молодёжи и людей трудоспособного возраста, в то время как в сельской местности преобладали дети и подростки до 14 лет и люди старшего поколения, причем по сравнению с 1926 г. различия в возрастной пирамиде городского и сельского населения усилились.

Источники и литература

1. Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2001. Т. 1: 1900–1939. С. 193.
2. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. Р.-140. Оп. 2. Д. 991. Л. 100.
3. Там же. Д. 236. Л. 10–20.
4. Рассчитано по: НАРК. Ф. Р.-140. Оп.2. Д. 987. Л. 40–58.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ЭВАКУИРОВАННЫХ ГРАЖДАН И ЭВАКУИРОВАННЫХ ТРУДПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КОМИ РЕСПУБЛИКЕ В 1941–1945 ГОДАХ**

Учет численности населения, в том числе тылового, имеет большое стратегическое значение в ходе ведения государством каких-либо военных действий. Однако в период Великой Отечественной войны, как указывает исследователь В.А. Исупов, сведения о естественном и механическом движении населения Советского Союза фиксировались с большими погрешностями, несмотря на то, что государство было крайне заинтересовано в определении мобилизационных и трудовых ресурсов. По его мнению, за рамками статистического наблюдения остались заключенные, ссыльные, высланные, армия и контингент госпиталей. В 1942 г. эти группы населения составляли почти 25 млн., в 1945 г. – 16 млн. чел. [1].

Учет спецпереселенцев (репрессированные граждане, ограниченные в гражданских правах, выселенные в административном порядке с мест постоянного проживания в ходе массовых насильственных (принудительных) переселений в 1930–1950-е гг.) был осложнен многими обстоятельствами и отличался противоречивыми данными. Численность спецпереселенцев в годы Великой Отечественной войны на территории Коми АССР (ныне – Республика Коми) и по стране в целом постоянно менялась за счет мобилизаций, принудительных переселений различных категорий репрессированных граждан, депортаций, репатриации и других массовых мероприятий государства.

Следует отметить, что одни и те же группы спецпереселенцев в разные годы обозначались по-разному. В 1930-е гг. была выслана на спецпоселения одна категория – «бывшие кулаки», которые именовались как «спецпереселенцы». В 1940–1945 гг. «бывшие кулаки» входили в категорию «трудпоселенцы» («трудпереселенцы» или «трудссылка»). К спецпереселенцам в этот период относились польские граждане, депортированные и др. Отдельной категорией, учитывавшейся со спецпереселенцами, были ссыльнопоселенцы. К спецконтингенту (контингенту спецпоселков) относились также ссыльные (административно-ссыльные), выселенные не в административном порядке, а по приговору судебных органов. В 1950-е гг. было принято другое разделение: на выселенцев (выселенные с какой-либо территории) и спецпоселенцев («бывшие кулаки», «указники», обвиняемые в коллаборационизме и их родственники и др.).

В 1930–1950-е гг. в Коми АССР были высланы «бывшие кулаки», немцы, польские граждане, члены семей ОУНовцев, «власовцы» и др. Всего более 110 тыс. чел. В годы войны на территории республики размещались трудпереселенцы («бывшие кулаки»), польские граждане, члены семей ОУНовцев и др. (табл. 1).

Таблица 1

Спецпереселенцы в Коми АССР в 1941–1945 гг.

№ п/п	Спецпереселенцы	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
1.	Трудпереселенцы-«бывшие кулаки»	18399	25077*	20122	15869	14275
2.	Польские «осадники» и «беженцы»	12292	8104	8240	8525	–
3.	Высланные из Прибалтийских республик	818	733	1241	1431	2154
4.	Ссыльнопоселенцы из Прибалтийских республик, Молдавской ССР и западных областей УССР и БССР	–	3106	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
5.	Спецпереселенцы-немцы**	–	–	–	–	310
6.	Члены семей ОУНовцев	–	–	–	–	872
7.	Ссыльные	277	458	833	2124	Нет свед.
8.	Другие	62	57	54	53	Нет свед.

* С 1942 г. в том числе трудпереселенцы, эвакуированные из Карело-Финской ССР.

** Репатриированные граждане СССР немецкой национальности.

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 118. Л. 127; НАРК. Ф. П.–1. Оп. 3. Д. 1079. Л. 90; НАРК. Ф. Р.–605 Оп. 4. Д. 160; Д. 129. Л. 54; Архив МВД Республики Коми. Ф. 31. Оп. 1. Д. 66. Л. 19; Д. 57. Л. 23, 27; Д. 50. Л. 1-27; Д. 49. Л. 36.

* Игнатова Надежда Максимовна (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, руководитель группы исторической демографии и исторической географии, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ignatova11@rambler.ru.

** Работа подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

Миграции свободных граждан и насильственные переселения репрессированных (спецпереселенцы, ссыльные, ссыльнопоселенцы и др.) осуществлялись разными потоками. Но в начале войны в общем потоке эвакуированных были переселены трудпереселенцы и свободные граждане. Учет всех эвакуированных осуществлялся Советом Народных Комиссаров (СНК) Коми АССР, который по вопросам учета и устройства эвакуированных отчитывался перед отделом хозяйственного эвакуанселения СНК РСФСР. Несмотря на то, что учет велся одним ведомством, существуют разногласия в сводных данных.

В соответствии с распоряжением Совета по эвакуации от 27 августа 1941 г. за № 13682-СЭ на предприятиях Наркомлеса СССР предполагалось разместить 95 тыс. чел., в том числе в Коми АССР на предприятиях Ко-

Таблица 2

**Размещение эвакуированных по Коми АССР
на 25 декабря 1941 г.**

Районы	Эвакуированные		
	Вольные граждане*	Эвакуированные трудпереселенцы	
		Всего	В том числе немцы
г. Сыктывкар	1 478	180	5
Сыктывдинский	681	826	–
Сысольский	78	1 254	–
Прилузский	410	–	–
Летский	1 261	–	–
Корткеросский	23	1 103	386
Сторожевский	410	–	387
Усть-Куломский	500	755	755
Троицко-Печорский	–	832	832
Усть-Усинский	–	–	–
Усть-Цилемский	–	–	–
Кожвинский	391	1 349	855
Ижемский	–	–	–
Ухтинский	167	–	–
Железнодорожный	1 162	1 135	–
Усть-Вымский	1 586	976	29
Всего по Коми АССР	8 147	8 410	2 949

* Стиль документа.

Источники: НАРК. Ф. П.–1. Оп. 3. Д. 775. Л. 72; Ф. Р.–605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 38.

милеса, Вычегдалеса, Вычегдолесосплава, Лузтранслеса и Наркомлеса Коми АССР – 18 тыс. чел., вывезенных из Ленинграда и Ленинградской области [2]. На 1 октября 1941 г. в республику поступило 1411 чел. эвакуированных, в основном русские – 834 чел., финны – 221, коми – 180 и евреи – 106 чел., а также украинцы, белорусы, карелы и др. [3]. В конце 1941 г., 25 декабря, в Коми АССР было размещено 8147 эвакуированных граждан и 8410 эвакуированных трудпереселенцев (в том числе граждан СССР немецкой национальности – 2949). Кроме того, в республику с момента объявления войны прибыло 2540 спецэвакуированных, таким образом, всего прибыло в порядке эвакуации 19097 чел. [4] (табл. 2).

По данным СНК Коми АССР, после декабря 1941 г. наибольшее число эвакуированных прибыло в период с 7 по 22 января 1942 г. Основными регионами, из которых прибыли эвакуированные, были КФССР (60%) и Ленинградская область (22%). По национальному составу в этот период большинство составили русские, карелы, финны, немцы, коми и эстонцы (табл. 3, 4). Всего на 7 февраля 1942 г. прибыло 7681 чел. «с начала приема эвакуированных». Эти данные противоречат указанным выше данным, исходя из которых уже в декабре 1941 г. общее число эвакуированных составило более 19 тыс. чел.

Таблица 3

График прибытия эвакуированных в Коми АССР с декабря 1941 г. по февраль 1942 г.

№ п/п	Регионы эвакуации	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых
		С 22 декабря по 7 января	С 7 по 22 января	С 22 января по 7 февраля			
	Всего прибыло	1864	5377	2058	7435	246	7681
1	Московская обл.	10	337	24	361	3	364
2	Ленинградская обл.	6	1680	35	1715	5	1720
3	Мурманская область	2	283	10	293	–	293
4	Калининская область	14	127	4	131	3	134
5	КФССР	1822	2627	1720	4347	230	4577
6	Латвийская ССР		8	–	8	–	8
7	Эстонская ССР		20	–	20	3	23
8	Харьковская область		8	–	8	–	8
9	Ворошиловоградская		1	–	1	–	1

№ п/п	Регионы эвакуации	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых
		С 22 декабря по 7 января		С 7 по 22 января		С 22 января по 7 февраля	
10	УССР		39	2	41	–	41
11	Крымская АССР	1	17	–	17	–	17
12	БССР		32	–	32	–	32
13	Курская область	1	14	3	17	–	17
14	Приморский край		9	–	9	–	9
15	Смоленская область		4	1	5	–	5
16	Хабаровская область		8	–	8	–	8
17	Измайловская обл.		1	–	1	–	1
18	Тульская область	1	7	2	9	–	9
19	Черниговская		4	–	4	–	4
20	Ярославская область	1	16	6	22	1	23
21	Ростовская область		4	1	5	–	5
22	Винницкая область		5	–	5	–	5
23	Башкирская область			2	2	–	2
24	Донецкая область		16	–	16	–	16
25	Сталинская область		2	–	2	–	2
26	Ивановская область		1	–	1	–	1
27	Сталинградская		3	–	3	1	4
28	Одесская область		4	–	4	–	4
29	Киевская область		15	21	36	–	36
30	Минская область		2	–	2	–	2
31	Литовская ССР		9	–	9	–	9
32	Архангельская		3	–	3	–	3
33	Читинская область		7	–	7	–	7
34	Витебская область		3	8	11	–	11
35	Западная БССР		21	2	23	–	23
36	Бессарабия		1	–	1	–	1
37	Запорожье		1	–	1	–	1
38	Ровенская область		3	–	3	–	3
39	Сумская область	5	9	–	9	–	9
40	Молдавская ССР		2	–	2	–	2
41	Амурская область		2	–	2	–	2
42	Орловская область		6	–	6	–	6
43	Полтавская область		5	4	9	–	9
44	Челябинская область		3	–	3	–	3
45	Днепропетровская		6	2	8	–	8
47	Красногвардейская		1	–	1	–	1
48	Воронежская	1	1	1	2	–	2
	Неизвестно						210

Подсчитано по: НАРК. Ф.Р–605. Оп. 4. Д. 93. Л. 1–15.

Проблемы учета численности фиксировались как среди эвакуированных, так и среди спецпереселенцев. Например, контроллерами от СНК была проведена проверка в местах приема эвакуированных по трудоустройству и размещению эвакуированного населения в Усть-Вымском районе. В районе на 1 марта 1942 г. было учтено 1530 эвакуированных вольных граждан, из которых было устроено 819 чел., и 729 эвакуированных трудпереселенцев, из которых устроено 428 чел. По итогам проверки в СНК Коми АССР и Эваксовет была представлена докладная записка, в которой о численности эвакуированных отмечалось: «Надо сказать, что эти данные в силу ряда обстоятельств (временный характер работы многих эвакуированных, частые болезни детей и престарелых в

связи с длительными и тяжелыми переездами, смертность, многодетность семей при одном трудоспособном или отсутствия таковых, и целого ряда причин) чрезвычайно сильно меняются». По итогам проверки контроллерами в том числе был «проведен более полный учет эвакуированного населения в районе», так как «с учетом дело обстояло исключительно плохо» [5].

Таблица 3

**Национальный состав эвакуированных, прибывших в Коми АССР
с декабря 1941 г. по февраль 1942 г.**

№ п/п	Национальность	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых	Всего по области прибыло	Всего с начала приема эвакуируемых
		С 22 декабря по 7 января		С 7 по 22 января		С 22 января по 7 февраля	
1	Русские	393	2201	366	2567	49	2616
2	Украинцы	6	117	55	172	–	172
3	Белорусы	6	37	20	57	–	57
4	Евреи	10	166	7	173	–	173
5	Коми	8	277	10	287	3	290
6	Эстонцы	–	12	12	24	–	24
7	Грузины	–	1	–	1	–	1
8	Карелы	1422	1521	1262	2783	185	2968
9	Литовцы	–	2	–	2	–	2
10	Латыши	–	4	5	9	–	9
11	Норвежцы	–	–	10	10	–	10
12	Татары	4	4	1	5	–	5
13	Абхазцы	–	–	2	2	–	2
14	Чуваши	–	1	3	3	–	3
15	Поляки	3	12	–	12	–	12
16	Немцы	–	421	1	422	–	422
17	Финны	12	586	147	733	9	742
18	Армяне	–	6	–	6	–	6
19	Вепсы	–	8	–	8	–	8
20	Шведы	–	1	1	2	–	2
	Неизвестно						157
	Всего						7681

* В документе «карельцы».

Подсчитано по: НАРК. Ф.Р-605. Оп. 4. Д. 93. Л. 1–15.

Эвакуированные свободные граждане могли получить пропуска для выезда из республики, что так же приводило к проблемам своевременной фиксации их численности. Заместитель народного комиссара внутренних дел Коми АССР 3 ноября 1943 г. выпустил специальное распоряжение всем начальникам РО НКВД № 036/4148 об ужесточении правил выдачи пропусков: «Несмотря на наше директивное распоряжение от 1.06. 1943 г. № 035/2057, о порядке выдачи пропусков эвакуированным гражданам, установлены случаи, когда райотделения НКВД выдают пропуска эвакуированным гражданам для въезда в места прежнего до эвакуации жительства без предъявления справок от учреждений и организаций по месту их работы в настоящее время об освобождении их от работы, в результате многие из них, получив из РО НКВД пропуска, выезжают самовольно, бросив работу в учреждениях и организациях, а поэтому предлагается: Выдачу пропусков для проезда эвакуированным ограничить до минимума и пропуска выдавать в исключительных случаях, когда на это имеется исключительная необходимость. Пропуска эвакуированным выдавать при наличии разрешения на выезд от край, облисполкомов и совнаркомов союзных и автономных республик, куда данное лицо выезжает... требовать разрешение местного райсовета депутатов трудящихся и справку с места работы о том, что они не возражают против их выезда из Коми АССР. При отсутствии этих документов пропуска не выдавать» [6].

В спецпоселках, несмотря на множество инструкций, в целом учет жителей не был четким и налаженным. Вследствие этого в статистических данных было много неточностей и несоответствий. ОТСП НКВД Коми АССР

в феврале 1942 г. отмечал: «Учет трудпереселенцев не приведен в надлежащий порядок. Много трудпереселенцев, состоящих на учете в одном спецпоселке, работают в другом, что затрудняет личную проверку трудпоселковыми комендантами трудпоселенцев. Некоторые коменданты состоящих на учете трудпоселенцев не видели лично на протяжении ряда лет» [7].

Наибольшее число эвакуированных прибыло в Коми АССР из Карело-Финской ССР. Если на 7 февраля 1942 г. насчитывалось 4 577 эвакуированных, то на 1 апреля было учтено 13 389 эвакуированных, в том числе 7 930 трудпереселенцев (табл. 4).

Справка о количестве эвакуированного населения в Коми республику из Карело-Финской ССР по состоянию на 1 апреля 1942 г.

Эвакуированные	Количество эвакуированного населения, чел.
Всего эвакуировано	13 389
Трудоспособных мужчин	2 269
Трудоспособных женщин	2 568
Подростков от 12 до 16 лет.	1 692
Детей до 12 лет	3 356
Престарелых	2 504
Эвакуировано в порядке трудпереселения	
Всего	7 930
Трудоспособных мужчин	1 601
Трудоспособных женщин	1 689
Подростков от 12 до 16 лет.	1 152
Детей до 12 лет	1 554
Престарелых	1 934
Эвакуировано вольных граждан	
Всего	5 459
Трудоспособных мужчин	668
Трудоспособных женщин	1 879
Подростков от 12 до 16 лет.	540
Детей до 12 лет	1 802
Престарелых	570
В том числе семьи руководящего состава	
Всего	97
Трудоспособных мужчин	5
Трудоспособных женщин	38
Подростков от 12 до 16 лет.	6
Детей до 12 лет	40
Престарелых	8

Источники: НАРК. Ф.Р-605. Оп. 4. Д. 93. Л. 19.

тингентов велся особый учет категории «трудпоселенцы, в том числе немцы» (трудссылка, трудпоселенцы, трудпереселенцы), наибольшее число которых было учтено в 1942 г. – более 25 тыс. чел. (табл. 6).

Спецпереселенцы в 1930–1950-е гг. преимущественно, за исключением единичных поселков, заселялись в центральные и южные районы Коми АССР, север республики осваивался заключенными ИТЛ (лагерей) ГУЛАГа НКВД (МВД). Размещение и трудоустройство эвакуированных обеих категорий также производились в основном в центральных и южных районах республики. Расселение эвакуированных по районам не было равномерным как по численности, так и по соотношению эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев, а также по числу устроенных (проживание, работа, детские учреждения). В целом, среди эвакуированных женщин и детей было значительно больше, чем мужчин (табл. 7).

Таблица 4 Следует особо сказать об учете трудпереселенцев немецкой национальности (граждан СССР). Выселения советских немцев с мест постоянного проживания по национальному признаку (депортация) продолжались с 1941 по 1948 г. В 1941 г. происходят массовые принудительные переселения граждан СССР немецкой национальности в отдаленные районы страны, в том числе из прифронтовых районов. Как указывает исследователь Н.Ф. Бугай, по данным архива спецпоселений НКВД СССР, всего в 1941–1942 гг. было принудительно переселено 1 209 430 немцев [8].

По данным Отдела труд(спец)поселений МВД СССР в Коми АССР, в 1941 г. были эвакуированы находившиеся в Карело-Финской ССР трудпереселенцы, в числе которых было направлено в Коми АССР 2 507 чел. «бывших кулаков» немецкой национальности [9]. По данным СНК их было 2949 (табл. 2). По косвенным данным можно предположить, что трудпоселенцев-немцев было больше. В 1946 г. председатель Совета Министров Карело-Финской ССР Прокконен при обращении в Обком Коми АССР настаивал на возвращении «всего населения», высланного в 1941 г., – 7290 чел. [10]. Немцы не подлежали возврату, так как были определены к высылке «навечно». Прокконен указывал, что немцев среди высланных не было. По данным МВД Коми АССР, из 7290 чел. «без лиц немецкой национальности» насчитывалось 1398 чел. [11]. Следуя логике, остальные 4892 чел., вероятно, были немецкой национальности. В итоге можно предположить, что трудпереселенцев немецкой национальности было переселено больше, чем указывалось в документах ОТСП – ВД Коми АССР (2507 чел.) и документах СНК Коми АССР (2949 чел.).

В 1941–1944 гг. при учете всех спецкон-

Таблица 6

Количество трудпоселенцев, в том числе немцев в Коми АССР

Дата	Количество трудпереселенцев
1 января 1941 г.	17 492
1 января 1942 г.	25 077
1 июля 1942 г.	23 506
1 января 1943 г.	20 122
1 мая 1944 г.	15 179
1 января 1945 г.	14 275
1 января 1946 г.	12 323

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 106. Л. 42; Д. 74. Л. 207; Д. 62. Л. 116–117; Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 44. Л. 111; Д. 57. Л. 2, 11.

Таблица 7

Размещение эвакуированных в отдельных районах Коми АССР в 1942 г.

Пол/возраст	Размещение эвакуированных											
	Сысольский район 11.02.1942				Железнодорожный район 28.02.42				Усть-Вымский район 12.05.42			
	Свободные граждане		Трудпере- селенцы		Свободные граждане		Трудпере- селенцы		Свободные граждане		Трудпере- селенцы	
	При- было	Уст- роено	При- было	Уст- роено	При- было	Уст- роено	При- было	Уст- роено	При- было	Уст- роено	При- было	Уст- роено
Всего	217	119	932	553	1006	529	1221	739	1481	992	896	758
Мужчин трудоспособных	31	30	189	182	76	69	229	213	165	164	247	247
Мужчин нетрудо- способных	6	5	48	34	33	1	132	29	28	14	32	13
Мужчин всего	37	35	237	216	109	70	361	242	193	178	279	260
Женщин трудоспособных	68	56	237	171	295	193	337	253	498	478	264	264
Женщин нетрудо- способных	30	7	120	53	104	2	155	10	108	17	63	16
Женщин всего	98	63	357	224	399	195	492	263	607	495	327	280
Пенсионеров	4	–	8	–	23	1	–	–	27	4	–	–
Детей ясельного возраста	23	8	84	53	69	48	73	58	108	56	67	48
Детей дошколь- ного возраста	28	3	76	–	143	47	114	52	195	64	77	45
Детей 1-4 кл.	16	9	72	60	155	125	96	92	203	143	75	54
Детей 5-7 кл.	11	1	98	–	108	43	85	32	148	52	71	71
Детей всего	78	21	330	113	475	263	368	234	654	315	290	218

Составлено и подсчитано: НАРК. Ф.Р.–605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 4, 5, 21, 21об., 46.

Наибольшее число эвакуированных было трудоустроено на предприятиях лесной промышленности. По данным уполномоченного Эваксовета, на 10 марта 1942 г. трудоспособных из числа эвакуированных свободных граждан насчитывалось 4262 чел. Из них было трудоустроено 3503 чел., в том числе на предприятия лесной промышленности – 1099, сплава – 153, в колхозах – 646, торговле – 208, Пароходстве – 127, учреждениях Наркомпроса – 376, Наркомздрава – 78, Местпрома – 140, Промсоюза – 104, других – 572 чел. [12]. Эвакуированные размещались в разных населенных пунктах, трудпереселенцы в спецпоселках, а свободные граждане – в основном в селах и г. Сыктывкаре, но работали они иногда на одних предприятиях. На Чернойрской запани «Вычегдосплава» работало 267 эвакуированных трудпереселенцев и 41 эвакуированный «вольный гражданин». На остальных пяти сплавных участках (запани, рейды и т.д.) работали только эвакуированные свободные граждане [13]. Что касается других ведомств, то, в частности, Наркомат местной промышленности на 27 января 1942 г. разместил 308 эвакуированных на предприятиях в селах Серегово, Айкино, Жешарт и Слобода, в том числе 75 мужчин, 80 женщин, из них трудоспособных 69 мужчин и 33 женщины [14].

По данным на февраль 1942 г., на предприятиях треста «Вычегдосплав», осуществлявшего сплав леса, было трудоустроено (с членами семей) 267 трудпереселенцев и 443 эвакуированных граждан, на предприятиях Наркомлеса, основных «потребителей» принудительной силы в лице спецпереселенцев было размещено 2331 трудпереселенцев (табл. 8).

Таблица 8

*Трудоустройство эвакуированных с членами семей
на предприятиях Наркомлеса и треста «Вычегдосплав» (февраль 1942 г.)*

Пол/возраст	Трест «Вычегдосплав»		Наркомлес
	Вольные граждане	Трудпереселенцы	Трудпереселенцы
Всего человек	443	267	2331
Мужчин трудоспособных	49	55	600
Мужчин нетрудоспособных	14	10	71
Мужчин всего	63	65	671
Женщин трудоспособных	108	76	614
Женщин нетрудоспособных	56	22	134
Женщин всего	164	98	748
Пенсионеров	26	–	–
Детей ясельного возраста	30	17	172
Детей дошкольного возраста	79	27	144
Детей 1-4 кл.	56	24	443
Детей 5-7 кл.	25	36	153
Детей всего	190	104	912

Составлено и подсчитано по: НАРК. Ф.Р.–605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 12, 14.

В итоге следует сказать о том, что перемещение эвакуированных в Коми АССР было специфической миграцией, когда в общем потоке были переселены свободные граждане и граждане, ограниченные в правах, подвергшиеся насильственному переселению – трудпереселенцы. Учет эвакуированных был осложнен возможностью выезда эвакуированных (свободных граждан) из республики и переброской трудпереселенцев с одного места работы на другое, а также общими проблемами статистического учета того периода, когда местные органы власти были не в состоянии в силу ограниченности ресурсов систематически проводить учет всех массовых миграционных потоков.

Источники и литература

1. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX век: Историко-демографические очерки. Новосибирск. 2000. С. 140–141.
2. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф.Р.–144. Оп. 1. Д. 3244. Л. 69.
3. НАРК. Ф.Р.–605. Оп. 4. Д. 66. Л. 17.
4. НАРК. Ф.П.–1. Оп. 3. Д. 775. Л. 72.
5. НАРК. Ф.Р.–605. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1011. Л. 82, 85.
6. НАРК. Ф.Р.–605. Ф. 605. Оп. 4. д. 128. Л. 101.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 74. Л. 218.
8. Бугай Н.Ф. 40-е годы. Автономия немцев Поволжья ликвидировать // История СССР. 1991. № 2. С. 175.
9. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 265. Л. 52.
10. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1сч. Д. 265. Л. 73.
11. НАРК. Ф.П.–1. Оп. 4. Д. 6. Л. 31–33.
12. НАРК. Ф.Р.–605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 43
13. НАРК. Ф.Р.–605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 12.
14. НАРК. Ф.Р.–605. Оп. 1. Д. 1012. Л. 2.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

*Ю.В. Аргудяева**

Демографическая ситуация и демографическое поведение русских старообрядцев в Америке

В настоящее время старообрядчество продолжает существовать как самобытная, устойчивая к изменениям преимущественно русская культура, хорошо сохранившая народные и православные традиции не только на «материнской» территории – в России, но и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья, куда они мигрировали в разные исторические периоды после раскола Русской Православной Церкви в 60-е гг. XVII в.

В 2010 г. дальневосточные ученые провели исследования среди старообрядцев штатов Аляска и Орегон США с целью изучения степени сохранности традиционной русской культуры в иноэтническом окружении.

На американском континенте изучаемые нами группы старообрядцев появились в конце 1950-х – начале 1960-х гг., сначала в Южной, а затем и в Северной Америке, в частности, в США. Первоначально это были штаты Нью-Джерси, Нью-Йорк, затем Орегон, а уже оттуда старообрядцы расселились в штаты Аляска, Миннесота и др. Это были разные региональные группы русского этноса: турчане – потомки казаков-некрасовцев, ушедших в начале XVIII в. с Кубани в пределы турецких владений в Добруджу, а затем в азиатскую Турцию; синьцзянцы – крестьяне-старообрядцы, в прошлом «кержаки» и «поляки», бежавшие от коллективизации 1930-х гг. в Синьцзян с российского Алтая; харбинцы – самая многочисленная группа, эмигрировавшая, как и синьцзянцы, из-за репрессий, атеизации, налогов, коллективизации из южной части Дальнего Востока в Маньчжурию и поселившаяся старообрядческими деревнями недалеко от Харбина (более подробно см.: [2, с. 65–67]).

По религиозному составу в этих группах преобладали старообрядцы-беспоповцы [4, с. 45] часовенного согласия (переходное между поповцами и беспоповцами). Общины старообрядцев-поповцев [4, с. 337], составляющие четверть всего старообрядческого сообщества США, возникли уже на американском континенте в 1980-е гг. из числа беспоповцев.

Брачно-семейные отношения у старообрядцев строились на традициях русской культуры, хотя определенные новации в демографическом поведении в иноэтническом и инокультурном окружении на азиатском и южноамериканском континентах все же имели место. Связано это было не только с продолжительностью пребывания на определенной территории и демографической ситуацией в принимающих странах, но и с численностью эмигрантской группы, ее составом по половому и конфессиональному признакам, а также с бытующими установками и регламентом вступления в брак с представителями окружающего населения. Так, если у синьцзянцев и харбинцев в целом была приемлемая брачная ситуация, то у турчан уже в 1930-е гг. вступление в брак внутри общины было проблематичным, так как к тому времени почти все они состояли в кровных родственных отношениях. Эта проблема усугубилась после 1962 г., когда 999 турчан выехало в СССР. У оставшихся в Турции старообрядцев (примерно 240 чел.) возникла угроза кровосмешения с турками, с которыми традиционно не разрешалось вступать в брачные отношения. И только их отъезд в США, при содействии Толстовского фонда и главы департамента юстиции США Роберта Кеннеди, способствовал разрешению этой проблемы: турчане смогли наладить брачные контакты с харбинцами и синьцзянцами.

На демографическую ситуацию и демографическое поведение современных русских старообрядцев в Америке значительное влияние оказывают их религиозные воззрения, хотя адаптация к местным условиям и образу жизни, контакты с англоязычным населением, общие преобразования и технический прогресс в течение полувекового их пребывания на американском континенте в определенной степени смягчили жесткие религиозные позиции, изменили их поведение и семейные ценности. Влияние преобразований в большей степени заметно у старообрядцев-поповцев и в меньшей – у беспоповцев.

В 1960-е гг., когда в Южной, а затем и Северной Америке появился основной поток русских старообрядцев из Турции и Китая (в том числе из Синьцзяна и Маньчжурии), практически все члены старообрядческих общин, за исключением отдельных семей турчан, принадлежали к беспоповскому согласию. Прибытие крупной, еди-

* **Аргудяева Юлия Викторовна** (Владивосток) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, argudiaeva@mail.ru.

ной по конфессиональным установкам (практически все беспоповцы) группы разрешило крайне напряженную демографическую ситуацию турчан и увеличило диапазон брачных партнеров у харбинцев и синьцзянцев. На Аляске, где первые старообрядческие поселения были созданы исключительно харбинцами, преимущественно не родственными между собой, первоначально брачные отношения складывались в основном между молодыми людьми из числа этой региональной группы. Синьцзянки и турчанки попали на Аляску в качестве жен мужей-харбинцев. Потомки от этих смешанных браков вступают в брачные отношения с представителями всех трех региональных групп старообрядцев, прибывших в Северную Америку. Территориальные брачные связи в целом носят экзогамный характер, но в крупных населенных пунктах и их окрестностях, где сконцентрировалось много старообрядческих семей, брачные связи могут быть территориально эндогамными. В частности, в один день, 5 сентября 2010 г., в г. Вудбурн штата Орегон сыграли пять свадеб (у поповцев и беспоповцев). Берут невест в других населенных пунктах этого штата, а также в штатах Нью-Йорк, Миннесота, Аляска и др. Существуют также брачные связи с Южной Америкой (Боливией, Бразилией, Уругваем), Австралией, Новой Зеландией, реже – с Россией. Более позитивна брачная ситуация у старообрядцев-беспоповцев, которых в Северной и Южной Америке большинство. У старообрядцев-поповцев в этом плане дело обстоит сложнее: их меньше как в США, так и в других странах АТР.

По конфессиональной принадлежности, как уже говорилось, старообрядческий поток, попавший в Северную Америку в 1960-е гг., был практически однородным и состоял из старообрядцев-беспоповцев часовенного согласия. Принятие на Аляске (Николаевск) и в Орегоне (Вудбурн) группой беспоповцев священства, т.е. поповства, в 1980-е гг. вызвало взрыв негодования у остальных беспоповцев, воспринявших такие нововведения как возврат в никонианскую веру. В итоге в некогда единых общинах произошел разлад, под угрозой как у старообрядцев-поповцев, так и у беспоповцев оказалась традиция вступления в брак только с партнерами из своего согласия. Возникли коллизии не только между наставниками и священниками, но и многочисленной родней новобрачных [1, с. 39]. Но постепенно, хотя и редко, стали появляться экзогамные браки конфессиональной направленности, т.е. между поповцами и беспоповцами.

Еще одна направленность экзогамных браков – браки старообрядцев, преимущественно поповцев, с американцами. За американцев, как свидетельствуют сами староверы, стремились выйти замуж только «перестарки», т.е. девушки старше 20 лет [5, с. 302]. В таких брачных союзах некоторые американцы принимают старообрядчество и становятся полноправными членами старообрядческих общин. Случаев вступления в официальный брак мужчин-старообрядцев с американками мало.

Брачный возраст девушек и юношей, по сравнению с их родителями, повысился. Сегодня девушки выходят замуж преимущественно в 17–20 лет (хотя есть невесты и более старшего возраста), мужчины – в 18–25 и даже в 27–28 лет. Это объясняется стремлением молодежи получить среднее образование, завершить учебу в колледже, поступить в университет. В этом отражена и современная общемировая тенденция более позднего вступления молодежи в официальные брачные отношения. Повторные браки разрешаются вдовым мужчинам, если в доме остались малые дети. В преклонном возрасте, после 60 лет, по канонам старообрядческой общины браки запрещены.

Отошла в прошлое традиция вступления русских старообрядцев в брак только по воле родителей. В настоящее время молодые люди знакомятся с девушками самостоятельно. Происходит это на различных гуляньях в выходные дни, на девичниках, свадьбах, во время праздников – Пасхи, Рождества и др., когда девушки и юноши съезжаются из разных населенных пунктов и штатов.

Заключению браков мешают конфессиональные каноны. В старообрядческой среде четко придерживаются традиций вступления в брак лишь в случае наличия не менее восьми степеней кровного и духовного (крестные родители) родства. Вступивших в брак при наличии, к примеру, только шести степеней кровного родства у беспоповцев заставляют развестись. Некоторое послабление в подобных ситуациях есть у поповцев. Их могут и не развести, но отношение к ним не только родственников, но и членов общины негативное. Часть молодых людей, предприняв попытки оформить брачные отношения со старообрядками и выявив со стороны невесты, пусть и отдаленную, родню, вступает в гражданские отношения с американками или эмигрантками-мексиканками, что не приветствуется ни родителями, ни общиной.

Если раньше юноши и девушки договаривались между собой о предстоящем браке, а потом уже обращались к родителям с просьбой посчитать степени кровного и духовного родства, то в настоящее время, познакомившись, сразу просят родителей посчитать степень родства. Однако многодетность в старообрядческих семьях, особенно в старших возрастных группах, обуславливает довольно широкий родственный состав, что фактически уменьшает круг брачных партнеров.

Иным старообрядкам, которым сегодня 30–38 лет, так и не удалось создать свою семью и они остаются жить в родительском доме. Невозможность найти себе брачного партнера спровоцировала некоторых девушек к уходу в монастыри, расположенные на притоках р. Енисей в России. Иногда родители, сетуя на соблазны американской жизни, боясь противоправного поведения юношей, сами отправляют молодых людей в енисейские монастыри.

Принятие священства не только осложнило благоприятную прежде брачную ситуацию, но и принесло разлад во внутрисемейные отношения. В этом плане консервативней оказались женщины, не захотевшие перейти в поповство. Некоторые ушли от мужей вместе с детьми. Число разводов по этой причине возросло, хотя конфессиональная община старается не допустить распада семейных отношений. По религиозным канонам, если жена оставила мужа, ему разрешается вступить в брак вторично. Разведенной женщине на законных основаниях, т.е. через оформление повторного брака в молельне (церкви), не разрешается завести новую семью, считается, что муж ей дан пожизненно. Установки на пожизненный брак продолжают бытовать у старшего поколения. Супруги молодого и среднего возраста смотрят на эти проблемы иначе, и разводы не так уж редки. Во многих житейских ситуациях, связанных с распадом семьи, которые непременно рассматриваются руководителями общины, мужчина всегда имеет определенные послабления, женщина – практически никогда. Поэтому многие современные старообрядки, не желающие мириться с такой ситуацией, повторно вступают в гражданский брак, что также осуждается общиной.

У старообрядцев штатов Аляска и Орегон преобладают двухпоколенные семьи, состоящие из родителей и их детей. Трехпоколенные (старика-родители, женатый сын со своей семьей) встречаются довольно редко, так как повзрослевшие дети, создав семью, стремятся сразу отделиться.

Количество членов семьи иногда подсчитать довольно трудно. Легче это сделать в двухпоколенных семьях, когда дети еще не стали взрослыми и не создали свои собственные семьи. В таких случаях численность семьи зависит от количества детей, а их рожают все меньше. В настоящее время 10–14 детей имеют, как правило, семьи, в которых родителям перевалило за 60 лет [3, с. 263]. Они еще жили по принципу рожать столько, сколько «Бог дал». У родителей в возрасте 40–50 лет в семье не более 7–8 детей, и то не всегда. У 25-летних супругов детей не более 3–4, и некоторые не собираются больше рожать. Нам представляется, что рожать стали меньше по целому ряду причин: повышение возраста вступления в брак, а следовательно, и уменьшение фертильного периода женщины; возросшая грамотность у молодых супругов, использующих современные методы контрацепции; следование общемировой тенденции снижения количества детей в семье, связанной со стремлением родителей дать детям более высокий уровень образования, и др. И хотя религия против вмешательства в процессы рождаемости, современные старообрядки тайно широко используют контрацепцию, систему подсчета благоприятных и неблагоприятных для зачатия дней и т.д. Абортов стараются избегать, в том числе и оттого, что опасаются огласки. Об аборте всегда узнают в семье, так как на дом приходит немалый счет. Во многих штатах США аборт вообще запрещены. Внебрачная рождаемость случается, но редко.

На численный состав семей влияет и отъезд ее членов в старообрядческие монастыри России, расположенные на притоках р. Енисей. В иных семьях в монастырь ушли по 3 взрослых ребенка. Уходит «спасаться» преимущественно молодежь, но иногда в монастыри перебираются и старики.

Ухудшает демографическую ситуацию и повышенная смертность мужчин. Основная причина – гибель в автокатастрофах и в море во время рыбного промысла. И хотя современные условия рыболовства на Аляске значительно улучшились (новейшая навигационная аппаратура, применение технических средств в процессе добычи и др.), все равно ежегодно тонут три–четыре рыбака. Погибшие есть почти в каждой семье, занимавшейся или занимающейся рыболовством.

Определенное влияние на рождаемость оказывает возросшая занятость женщин в общественном производстве. Включение женщин в производственную деятельность началось еще в период их появления в Северной Америке. По приезду в США женщины-старообрядки работали на мебельной фабрике: шили покрытия для мебели, которую изготавливали их мужья, занимались сбором ягод на фермах местных предпринимателей. На Аляске старообрядки нанимались рыбообработчицами на консервные фабрики. Это было вызвано необходимостью оплаты долгов спонсорам, помогавшим перебраться в США. К настоящему времени многие старообрядцы приобрели фермы в собственность. В последние годы широкое применение механизированного труда и финансовая возможность фермеров нанять рабочих-мексиканцев привели к тому, что женщины в поле стали работать гораздо меньше. Исключение пока составляет выращивание огородных культур в поле или теплицах. В настоящее время женщины из штатов Орегон и Аляска работают делопроизводителями в различных учреждениях, на почте, учителями и их помощниками в школах, медицинскими сестрами, массажистками. Некоторые держат небольшие магазины по продаже традиционной старообрядческой одежды и женских украшений, возглавляют частные заведения, например дошкольные учреждения. Занятость женщины вне семьи, безусловно, влияет на ее демографические установки и на взаимоотношения с мужем. Она уже менее зависима в финансовом отношении, но у нее теперь двойная занятость: приготовление пищи, уход за детьми и мужем, стирка, уборка и другие домашние обязанности – по-прежнему прерогатива женщин.

Сами подростки также стремились начать зарабатывать как можно раньше. Только что прибывшие в США семьи старообрядцев, работавшие на ягодных фермах, брали на поле всех детей, которые могли собирать ягоду. И это было не удивительно, так как по традиции русские старообрядцы включали в трудовой процесс детей

в довольно раннем возрасте, начиная с пяти лет. Даже на рыболовных промыслах, где требовалась не только сноровка, но и сила, у старообрядцев трудились подростки 12–15 лет. И хотя родители-первопоселенцы были заинтересованы в приобретении их детьми школьного образования, но первоначально – лишь на уровне начальных классов. Окончание школы, а тем более колледжа или университета родителями не приветствовалось, так как в этом видели опасность для создания семейных и духовных традиций. Поэтому многие забирали детей после окончания шестого-седьмого класса, предпочитая для своих отпрысков, дабы обезопасить их от «греха», ранние браки. Это привязывало молодёжь к семье, укрепляло приверженность к религии и верность общине.

В настоящее время дети старообрядцев повсеместно учатся и заканчивают среднюю школу, колледж, а иногда получают высшее образование. Это отодвигает время вступления в брачные отношения и является одним из факторов снижения рождаемости. Некоторые молодые женщины, рано оставившие школу, поскольку стали матерями семейства с несколькими детьми, обучаются в вечерних школах. Иногда замужние женщины занимаются в вечернее время в колледжах.

Старики резко осуждают новые веяния и пытаются сохранить наиболее важные традиции и духовные ценности. С каждым годом противоречия между взглядами молодого и старшего поколения становятся все глубже. Старшие считают малейшие отклонения от традиций опасными и стремятся их не допускать, а молодые все чаще ставят эти взгляды и требования под сомнение и пытаются порвать с традициями, заявляя, что они вынуждены жить «в двух мирах»: в американском обществе на работе, в процессе трудовых отношений и в старообрядческом мире, когда общаются с родителями. Родители, которые практически тоже оказались «в двух мирах», все чаще вынуждены идти на компромиссы, хотя это им дается с большим трудом.

На демографическую ситуацию и демографическое поведение немалое влияние оказывает общественное устройство старообрядцев. Стержнем их общественной жизни в США остается конфессиональная община, молельня или церковь, собор – собрание взрослых прихожан, преимущественно мужчин старшего и среднего возраста, которое решает все наболевшие вопросы, касающиеся жизни общины, отдельных семей и однообщинников. На соборе решаются, например, вопросы о разводах, домашнем насилии, рассматриваются вопросы о разрешении вступлении во второй брак тех или иных прихожан и др., что в целом оказывает влияние на демографическую ситуацию и демографическое поведение старообрядцев.

Такова общая картина современной демографической ситуации и демографического поведения у русских старообрядцев, попавших на американский континент полвека назад из Азии, куда они эмигрировали из России в разные исторические периоды после раскола Русской Православной Церкви. Часть традиций в демографическом поведении ушла в прошлое, но что-то удалось сохранить. В процессе многократных переездов из одной страны в другую и жизни в инонациональной и инокультурной среде старообрядцы усвоили и определенные новации как положительного, так и отрицательного свойства. Тем не менее русские старообрядцы сохранили главное – религиозные воззрения и духовные ценности, которые они стараются сегодня передать подрастающему поколению.

Источники и литература

1. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы на Аляске // Приморье: народы, религии, общество. Владивосток: Управление внутренней политики Приморского края, 2010. С. 32–46.
2. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Северной Америке // Вестник ДВО РАН. 2011. № 1. С. 64–74.
3. Песков В. Аляска больше, чем вы думаете. М.: Фонд им. И.Д.Сытина; Изд-во «Комсомольская правда», 1994. 287 с.
4. Религия народов современной России. Словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Республика, 2002. 624 с.
5. Федорова С.Г. Семья у русских староверов на Аляске // Семья у народов Америки. М.: Наука, 1991. С. 297–310.

Современная динамика возрастной структуры населения Беларуси

Республика Беларусь относится к государствам, которые в XXI веке характеризуются проявлением трансформационных тенденций в возрастной структуре населения – сокращением численности населения в молодом, дотрудоспособном возрасте и интенсивным увеличением численности населения лиц старших возрастных групп. Беларусь в конце XX в. вместе с большинством стран Европы вступила в этап устойчивого увеличения доли пожилого населения. В связи с этим анализ старения населения выступает одним из наиболее актуальных проблемных полей социально-демографических и географических исследований.

Целью данного исследования были анализ временных тенденций динамики возрастной структуры населения Беларуси, выявление различий в трендах динамики между городской и сельской местностью и территориальной дифференциации демографического старения для разработки региональной социально-экономической политики.

Демографическая история Беларуси испытала небывалые по масштабам и последствиям нарушения, которые вызвали изменения в возрастной структуре населения. Трансформация возрастной структуры в XX в. происходила под влиянием комплекса факторов. К демографическим следует отнести омоложение смертности и увеличение смертности трудоспособных групп населения; сокращение периода экономически активной жизни по причине уменьшения продолжительности жизни, особенно выраженное среди сельских мужчин; снижение работоспособности по причине заболеваемости трудоспособного населения и др. Влияние социально-экономических факторов происходит посредством снижения трудовой активности и занятости в результате кризисных явлений в экономике, неготовности многих категорий сельской рабочей силы к новым условиям перехода в рыночные отношения. В Беларуси на трансформацию возрастной структуры населения особую роль оказал экологический фактор, в результате которого стали происходить вынужденные переселения молодых семей из-за радиационного загрязнения среды обитания. На изменение соотношения основных возрастных групп населения оказала влияние политическая трансформация, вызванная распадом СССР и обусловившая сокращение в связи со снижением рождаемости численности младших возрастных групп, а также трудоспособных в связи с эмиграцией населения за пределы страны.

В 1960-х гг. под влиянием «урбанизационного бума» происходил отток молодежи из села, но произошли положительные сдвиги в увеличении продолжительности жизни сельских жителей с 70 лет в 1959 г. до 73 в 1969 г. В эти годы продолжительность жизни сельского мужчины достигла наивысшего значения – 68 лет, после чего происходило постоянное ее снижение. Продолжительность жизни сельской женщины в Беларуси также существенно увеличилась с 73 лет в 1959 г. до 76 – в 1973 г., оставаясь на таком уровне вплоть до 1989 г. [1]. Данная тенденция обеспечила старение возрастной структуры сельского населения «сверху». В 1959 г. возрастная структура населения Беларуси имела переходный от прогрессивного к стационарному тип. Доля детей составляла 31,3%, доля лиц пожилого возраста – 13,5%, что соответствует начальному уровню демографического старения. В городах Беларуси структура населения за счет миграции была значительно моложе. Если в селе доля лиц старше трудоспособного возраста составляла 15,4%, то в городах – только 9,3%. Отличительной особенностью возрастной структуры населения Беларуси 1959 г. является то, что это был последний переписной год, когда доля детей в сельской местности была больше, чем в городской. В последующей демографической истории доля детей в городах Беларуси будет всегда больше, чем в сельской местности.

С середины 1970-х гг. в сельской местности происходит изменение режима воспроизводства: расширенный тип трансформируется в простой и далее в суженный. Изменяются репродуктивные установки сельских молодых семей: на смену 2-3-детной приходит 1-2-детная семья. За счет миграции в город резко сокращается численность фертильных контингентов в сельской местности, что незамедлительно влечет за собой сокращение рождаемости. В городах Беларуси в этот период в возрастной структуре населения происходило накопление потенциала в молодых трудоспособных группах. По данным переписи 1989 г., доля лиц трудоспособного возраста в городской местности Беларуси достигла 60,4%, в то время как в сельской она сократилась до 47,6%. Однако признаки демографического старения населения в стране стали усиливаться. Доля лиц дотрудоспособного населения сократилась по сравнению с 1959 г. на 22% до 24,5%, доля лиц старше трудоспособного возраста возросла на 44% до 19,5%. В сельской местности к 1989 г. доля лиц в возрасте 55(60)+ увеличилась более чем в два раза и стала составлять 31,4% (табл. 1).

В 1980–1996 гг. возрастная структура населения претерпела еще более существенные сдвиги. Она стала носить выраженный регрессивный характер. В 1990-е гг. процесс старения в сельской местности достигает своей

* Антипова Екатерина Анатольевна (Минск) – доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии зарубежных стран Белорусского государственного университета, antipovaekaterina@gmail.com.

кульминации: доля лиц послетрудоспособного возраста начинает превышать 30% повсеместно. С 1999 г. происходит прямо противоположный процесс – при демографической аккумуляции максимальной численности лиц пожилого возраста, повлекшей объективное увеличение смертности, и одновременном сокращении продолжительности жизни сельского жителя в среднем на 10 лет с 1975 г. преимущественно за счет мужчин, в сельской местности появляется тенденция «демографического омоложения».

На макрогеографическом уровне в 1999 г. в возрастной структуре населения Беларуси происходит выравнивание доли нетрудоспособных групп – каждый пятый житель страны находился в возрасте до 15 лет и каждый пятый – в возрасте старше 55/60 лет.

Таблица 1

Динамика возрастной структуры населения Беларуси [сост. по 2]

Возрастные группы	Все население				Городское население				Сельское население			
	1959	1989	1999	2011	1959	1989	1999	2011	1959	1989	1999	2011
0-15	31,3	24,5	21,2	16,0	28,9	26,3	21,7	15,9	32,3	21,0	20,2	16,1
15-55(60)	55,2	56,0	57,3	61,2	61,8	60,4	62,2	63,8	52,3	47,6	46,1	53,3
55(60)+	13,5	19,5	21,5	22,8	9,3	13,3	16,1	20,3	15,4	31,4	33,7	30,6

Различия в возрастной структуре между городской и сельской местностью Беларуси в 1999 г. имеют свою специфическую особенность, которая впоследствии в истории станет характерной чертой отличий город – село. Если в доле возрастной группы до 15 лет между городским и сельским населением существенных различий не было – 21,2 и 20,2% соответственно, то в возрастной группе старше 55/60 лет эти различия достигали более чем двукратных величин – 16,1 и 33,7% соответственно. В настоящее время в городской местности Беларуси в возрасте 55/60+ лет находится каждый пятый житель, в сельской – каждый третий. За период 1959–2011 гг. доля лиц в возрасте до 15 лет сократилась на 50%, доля лиц в возрасте 55/60+ лет увеличилась на 68%.

К настоящему времени в Беларуси сформировалась пологовозрастная структура, в которой четко прослеживается влияние последствий войны, спадов и падений экономического роста страны, влияние мер демографической политики, изменений в смертности и рождаемости населения, миграционных потоков (рис. 1).

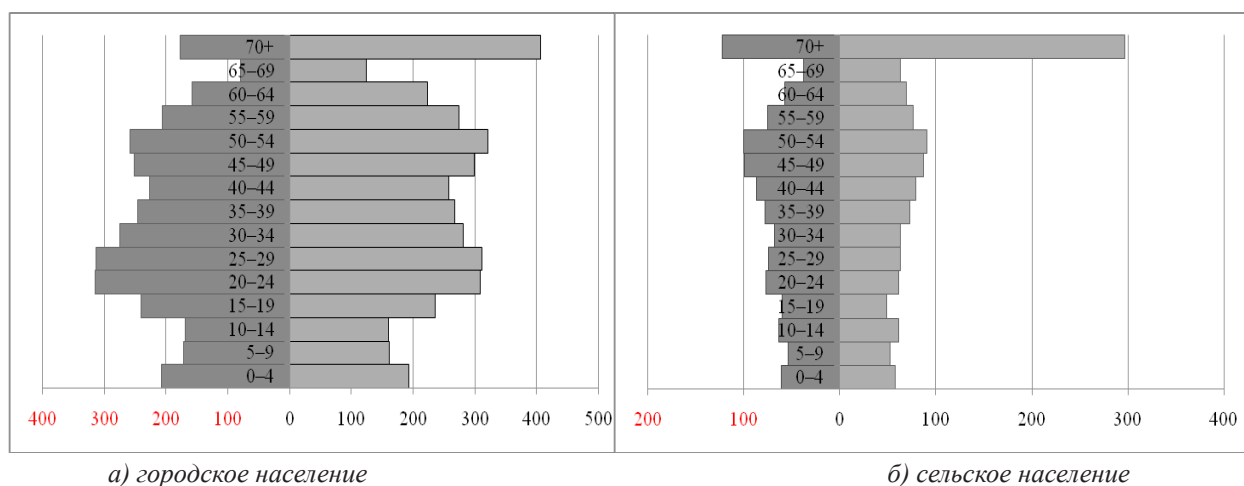

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Беларуси, 2011 г.

Демографическое старение населения Беларуси характеризуется следующими отличительными чертами: стадийным характером; территориальной неоднородностью по характеру динамики и трендам; снижением интенсивности старения и наступление фазы омоложения.

Место Беларуси по показателям старения определяется следующими позициями. По численности лиц в возрасте 60+ лет Беларусь в 2009 г. занимала в Восточной Европе 8-е место из 10 (1748 тыс. чел.). Доля лиц в возрасте 60+ лет составляет 18% при европейском показателе 22% и восточноевропейском – 19%. По данному показателю в одной группе с Беларусью находится Россия. Доля лиц в возрасте 80+ лет в Беларуси составляет 16%, что соответствует среднему значению по Восточной Европе. По гендерному соотношению на 100 женщин в возрасте 60+ лет приходится 52 мужчины при европейском показателе 70 и восточноевропейском 58. В возрасте 80+ лет на 100 женщин приходится 29 мужчин при европейском показателе 46 и восточноевропейском 36.

Тренды, динамика и интенсивность старения городского и сельского населения имеют в Беларуси принципиальные различия, которые заключаются в следующем. Во-первых, численность городского населения в возрасте 60+ лет почти в два раза больше сельского. Во-вторых, доля лиц в возрасте 60+ лет городского населения в полтора раза больше аналогичного показателя сельского населения. В-третьих, тренд динамики городского населения в возрасте 60+ лет характеризуется постоянным ростом, сельского населения – сокращением за период 1999–2009 гг. В-четвертых, масштабы роста и сокращения численности лиц в возрасте 60+ лет в городской и сельской местности Беларуси имеют равновеликий, но противоположный статистический порядок +24% и -28% соответственно. В-пятых, городское население Беларуси находится на стадии высокого уровня демографического старения (19,7%), сельское – на стадии чрезвычайно высокого уровня (30,7%) [3].

Анализ демографического старения на уровне административных областей позволяет судить о пространственной дифференциации процесса. В *городской местности* самые значительные показатели роста численности лиц в возрасте 60+ лет отмечены в г. Минске и Брестской области. Витебская, Гомельская и Могилевская области имеют показатели роста ниже среднего показателя по республике. В то же время городское население всех областей находится в настоящее время на стадии очень высокого уровня демографического старения, в то время как в 1999 г. они занимали разные позиции – от среднего до очень высокого уровня. В *сельской местности* самое большое сокращение численности лиц в возрасте 60+ лет наблюдается в Могилевской области -36%, наименьшее – в Брестской. Значения, близкие к республиканскому уровню характерны для Гродненской и Витебской областей. На стадии чрезвычайно высокого уровня демографического старения (более 30%) находятся Брестская, Витебская, Гродненская и Могилевская области; Минская и Гомельская – на стадии очень высокого уровня (табл. 2).

Таблица 2

Региональная динамика демографического старения городского населения Беларуси [сост. по 3]

Области	Годы	Количественные параметры демографического старения				Качественные параметры демографического старения		
		1	2	3	4	5	6	7
а) городское население								
Брестская	1999	130346	14,5	30	1,3	↑	↑	СУ
	2009	169557	18,4					ОВУ
Витебская	1999	169996	18,4	15	1,2	↑	↑	ОВУ
	2009	195975	21,8					ОВУ
Гомельская	1999	177845	16,9	17	1,2	↑	↑	ВУ
	2009	207466	19,8					ОВУ
Гродненская	1999	108868	14,7	27	1,3	↑	↑	СУ
	2009	138033	18,7					ОВУ
Минская	1999	123826	15,3	25	1,2	↑	↑	СУ
	2009	154508	19,6					ОВУ
г. Минск	1999	266495	15,9	35	1,3	↑	↑	СУ
	2009	359119	19,6					ОВУ
Могилевская	1999	142578	16,7	17	1,2	↑	↑	ВУ
	2009	166377	20,0					ОВУ
Беларусь	1999	1120146	16,1	24	1,2	↑	↑	ВУ
	2009	1391035	19,7					ОВУ
б) сельское население								
Области	Годы	Количественные параметры демографического старения				Качественные параметры демографического старения		
		1	2	3	4	5	6	7
Брестская	1999	186669	32,0	-22	0,8	↓	↓	ЧВУ
	2009	146523	30,4					ЧВУ
Витебская	1999	153334	33,8	-30	0,7	↓	↓	ЧВУ
	2009	106639	32,0					ЧВУ
Гомельская	1999	167629	34,1	-31	0,7	↓	↓	ЧВУ
	2009	115027	29,5					ОВУ

Области	Годы	Количественные параметры демографического старения				Качественные параметры демографического старения		
		3	4	5	6	7	8	9
Гродненская	1999	163754	36,9	-29	0,7	↓	↓	ЧВУ
	2009	116309	35,0					ЧВУ
Минская	1999	240283	32,0	-24	0,8	↓	↓	ЧВУ
	2009	181896	28,7					ОВУ
Могилевская	1999	128288	35,6	-36	0,6	↓	↓	ЧВУ
	2009	81877	30,8					ЧВУ
Беларусь	1999	1039957	33,7	-28	0,7	↓	↓	ЧВУ
	2009	748271	30,7					ЧВУ

Примечание: СУ – средний уровень, ВУ – высокий уровень, ОВУ – очень высокий уровень, ЧВУ – чрезвычайно высокий уровень.

1 – Численность лиц в возрасте старше трудоспособного возраста, чел.; 2 – Доля лиц в возрасте старше трудоспособного возраста, %; 3 – Динамика численности лиц в возрасте старше трудоспособного возраста, %, 1999–2009 гг.; 4 – Индекс динамики численности лиц в возрасте старше трудоспособного возраста, 1999–2009 гг.; 5 – Тренд динамики численности лиц в возрасте старше трудоспособного возраста; 6 – Тренд динамики доли лиц в возрасте старше трудоспособного возраста; 7 – Стадия демографического старения.

Пространственная дифференциация некоторых параметров демографического старения усиливается при переходе к микрогеографическому уровню – уровню административных районов. Так, по величине роста/убыли численности лиц в возрасте 60+ лет большей пространственной мозаичностью отличается городская местность, где наименьшие показатели роста отмечены в экономико-географически периферийных районах, а наибольшие – в пригородных либо в районах, находящихся в зоне влияния региональных центров. В сельской местности по данному параметру в пространстве выделяются северо-западная, южная и юго-восточная зоны, характеризующиеся показателями убыли до 20% за период. Всей остальной Беларуси свойственны значения, превышающие 20% сокращения за период 1999–2009 гг. (рис. 2).

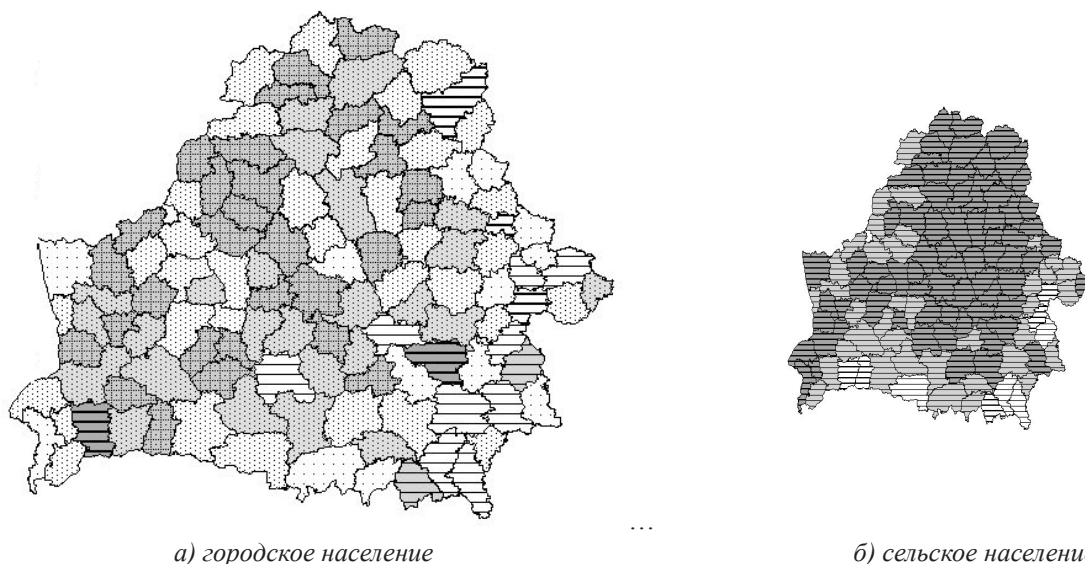

Рис. 2. Динамика доли лиц в возрасте 60+ лет в Беларуси, 1999–2009 гг., %

По стадиям демографического старения более значительная пространственная неоднородность характерна для городской местности, где представлены четыре типа районов – находящиеся на 2, 3, 4 и 5 стадиях. При этом при общем преобладании в городах четвертой стадии в Полесских районах и экономико-географически периферийных районах Могилевской области отмечаются вторая и третья стадии. В сельской местности четко прослеживается по данному показателю географическая закономерность. При общем преобладании в большинстве районов пятой стадии – чрезвычайно высокого уровня демографического старения – выделяются южная, восточная, столичная зоны и зона влияния региональных центров с четвертой (рис. 3).

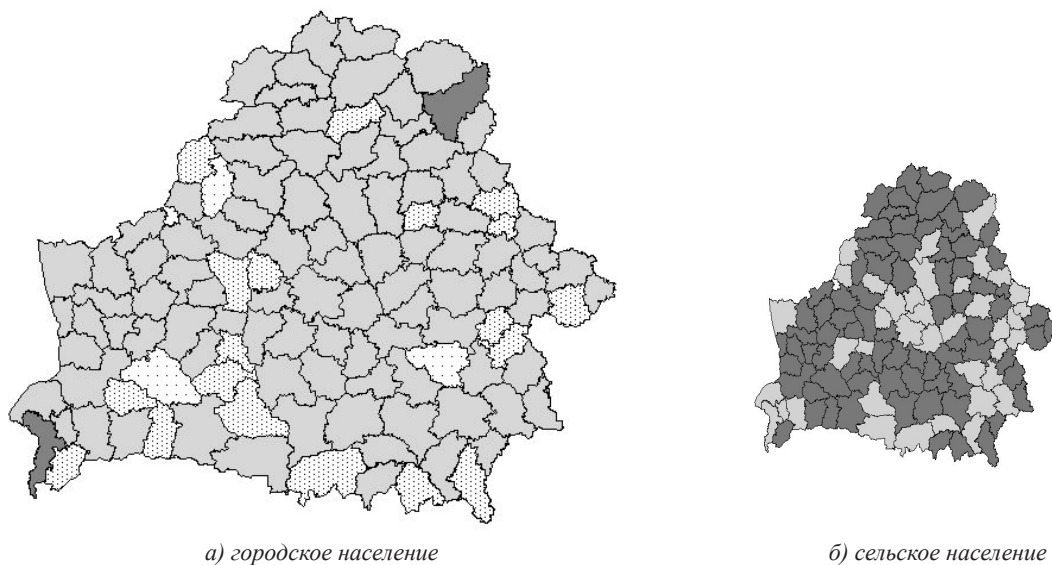

Рис. 3. Стадии демографического старения Беларуси, 2009 г.

В целом, проведенное экономико-географическое исследование динамики возрастной структуры и старения Беларуси позволяет сделать следующие выводы.

1. Трансформация возрастной структуры населения Беларуси обусловлена эволюционными изменениями в социально-экономическом развитии человечества и репродуктивных установках и характеризуется сокращением численности молодых возрастных групп и увеличением старших. За короткий исторический период возрастная структура населения Беларуси трансформировалась из прогрессивной в регрессивную с выраженными чертами демографического старения.

2. Демографическое старение Беларуси, впервые проявившееся в 1960-х гг., является частью глобального процесса, обусловленного ходом социально-экономического развития общества, для которого свойственно увеличение доли лиц старших возрастов и общие трансформационные процессы возрастной структуры.

3. Возрастная структура городского и сельского населения Беларуси характеризуется различиями, проявляющимися в более высоком уровне постарения сельского населения по сравнению с городским. Старение носит стадийный характер, проявляющийся в преобладании в начале XXI в. в городской местности в большинстве районов четвертой стадии, в сельской местности – четвертой и пятой стадий, соответствующих высокому и чрезвычайно высокому уровню демографического старения.

4. Территориальные различия в характере демографических процессов в Беларуси свидетельствуют о проявлении пространственной разнородности в динамике демографического старения, характеризующейся проявлением тенденций роста численности лиц в возрасте 60+ лет в городской местности и убыли в сельской местности за период 1999–2009 гг.

5. Применение стадийно-эволюционного подхода позволяет делать выводы о возможных перспективах демографического старения страны, которые в ближайшей перспективе будут связаны с некоторым ослаблением демографического старения и началом демографического омоложения населения к 2016 г.

Источники и литература

1. Антипова Е.А., Манак Б.А. Демогеографические потери и современные трудовые ресурсы сельской местности Беларуси. Минск: УП «Технопринт», 2002. 226 с.
2. Население Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск, 2011. 472 с.
3. Антипова Е.А. Типологические подходы к изучению демографического старения сельского населения Беларуси // Региональные исследования. 2007. № 3 (13). С. 3–12.

Молодежь Удмуртской Республики: модели демографического поведения

Среди множества социальных и экономических проблем в современной России одной из наиболее острых является воспроизводство населения. Продолжающееся снижение численности населения, старение и сокращение трудоспособной его части, отток людей в экономически развитые регионы, несбалансированная миграционная политика оказывают прямое влияние на социально-экономическую жизнь страны. Неслучайно руководство Российской Федерации приняло концепцию долгосрочной демографической политики и стало осуществлять конкретные меры для преодоления демографического кризиса. Оценить однозначно положительно или негативно эффективность предпринятых государственными органами власти мер достаточно сложно, их результаты сказываются не сразу и требуют пристального внимания и мониторинга.

В данной статье предпринята попытка рассмотрения особенностей демографического поведения молодежи на примере Удмуртской Республики в контексте демографической и социокультурной ситуации, сложившейся в полиэтничном регионе. В основу работы легли результаты этносоциологического опроса, проведенного совместно с Информационно-методическим центром культуры, досуга и туризма Игринского района Удмуртской Республики. Эмпирическую базу исследования дополнили также совокупные материалы этнографических экспедиций в сельские районы Удмуртской Республики, собранные автором в 2006–2009 гг.

Прежде чем перейти к непосредственному изложению, определимся с некоторыми дефинициями. Автор придерживается распространенного определения понятия «демографическое поведение», включающего в себя систему действий и отношений, опосредованно выражающих демографические поступки, явления. Это сложный результат взаимодействия физиологических и психологических характеристик индивида, условий его жизнедеятельности, а также духовных норм и ценностей окружающих его социальных групп и общества в целом. Результатом демографического поведения индивида, семей и других малых групп является сохранение или изменение их демографического статуса. Психологическим регулятором демографического поведения выступают демографические установки личности, определяющие согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к тем или иным демографическим поступкам (рождению определенного числа детей, возрасту вступления в брак, разводу, миграции и др.) [1].

Рассмотрим показатели рождаемости и смертности в Удмуртии, свидетельствующие о динамике демографических процессов ко времени проведения нашего соцопроса (табл. 1). Таблица составлена по официальным статистическим данным, опубликованным в периодической печати [2].

Таблица 1

Основные демографические показатели по Удмуртской Республике за 2002 – I квартал 2010 гг.

Годы	Количество		Естественный прирост (+), убыль (-)	На 1000 населения
	родившихся	умерших		
2002	16 274	22 333	-6 059	- 4,1
2003	16 509	22 575	- 6 066	- 4,2
2004	16 843	21 867	- 5 024	- 3,5
2005	15 823	22 004	- 6 181	- 4,4
2006	16 149	20 241	- 4 092	- 2,9
2007	17 820	19 925	- 2 105	- 1,5
2008	18 641	19 673	- 1 032	- 0,7
2009	21 155	20 286	+ 869	+ 0,5
2010 (I квартал)	3 237	3 548	- 311	- 1,3

Как видим, на протяжении последних семи лет в республике продолжается естественная убыль населения. В то же время ясно прослеживается тенденция сокращения смертности и увеличения рождаемости, особенно в 2007 и 2008 гг. Повышение рождаемости можно объяснить рядом причин. Так, с 1 января 2006 г. начал действовать национальный проект «Здоровье», в рамках которого медучреждения первичного звена (муниципальные поликлиники, участковые больницы) получили значительные средства, была увеличена зарплата участковым врачам и медсестрам, введены родовые сертификаты, приняты меры по обеспечению доступности и качества

* Поздеев Игорь Леонидович (Ижевск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, pozdeev@istu.ru.

медицинской помощи, лечения и профилактики заболеваний. В январе 2007 г. вступил в силу закон о материнском капитале, согласно которому семьям, родившим (усыновившим) второго, третьего или последующего ребенка, выдается сертификат на материнский (семейный) капитал в размере 300 тыс. руб. Примерно с 2000 г. начали вступать в детородный возраст так называемые «горбачевские» дети – поколение, родившееся во время демографического всплеска 1983–1987 гг., вызванного проведением антиалкогольной кампании и принятием ряда мер государственной поддержки семей с детьми. К сожалению, по мнению экспертов, данный эффект продлится до 2011–2012 гг., а затем вновь пойдет спад числа родившихся [3]. Улучшение показателей рождаемости и смертности населения можно объяснить и относительной стабилизацией социально-экономической ситуации в стране, когда общество почувствовало некоторую уверенность в завтрашнем дне. Как отметил заместитель директора Института макроэкономических исследований В.Г. Костаков, «люди рожают реже, умирают чаще, потому что живут в тревоге; тревоги уходят – рожают чаще, умирают реже» [4]. Вполне возможно, что ухудшение демографической ситуации в первом квартале 2010 г. является естественной реакцией на последствия мирового финансово-экономического кризиса.

Естественная убыль населения в республике усугубляется миграционным оттоком за пределы региона. Миграционный поток в Удмуртию при этом имеет отрицательное значение. К примеру, в январе–декабре 2008 г. миграционная убыль составила 2922 чел., что на 66 чел. больше, чем за аналогичный период 2007 г. [5]. Данный процесс идет на фоне отрицательного сальдо внутренней миграции. К сожалению, весь Приволжский федеральный округ (ПФО) ощущает устойчивый отток населения, объем внутрироссийской миграции постепенно сокращается и возрастает роль округа как транзитного региона. При этом Удмуртская Республика не является привлекательным местом для жизни. В ПФО лидерами притяжения внутренних мигрантов являются Самарская, Саратовская, Нижегородская области и Республика Татарстан, которые в 1990-е гг., например, приняли 70% миграционного притока в округ [6].

В Удмуртской Республике достаточно четко прослеживаются три основные тенденции в процессе внутренней миграции населения: переезд из деревень в районные центры и города, из республики – в другие регионы и крупные федеральные города, и, наконец, – выезд за границу. Некоторая условность подобного разделения позволяет охарактеризовать и проанализировать происходящие общественные процессы, если при этом иметь в виду, что они могут частично пересекаться или совпадать.

Процесс вымывания населения из сельской местности в последние годы идет достаточно активно. Одна из основных причин этого явления кроется в сложной экономической ситуации в сельскохозяйственном производстве. К примеру, уровень оплаты труда работников, занятых в сельском хозяйстве, в 2,2 раза ниже среднего уровня оплаты труда в целом по республике [7]. Из села уезжают в основном наиболее мобильные и работоспособные люди, востребованные в других сферах экономики. Ситуация эта принимает достаточно угрожающие размеры, что тревожит правительство Удмуртской Республики, где всерьез заговорили о кадровом дефиците в сельской местности [8]. Есть все основания предполагать, что в ближайшей перспективе стремление селян трудоустроиться вне сферы сельскохозяйственного производства будет расти. И сохранится до тех пор, пока экономическое положение субъектов хозяйствования коренным образом не изменится в лучшую сторону. Отметим, что подобная тенденция не является характерной только для Удмуртии. По словам экспертов, «в 2000-х годах... вновь происходит вымывание населения из внутренних периферий освоенной части страны и концентрация мигрантов в крупнейших агломерациях, особенно федеральных городов» [9].

Адаптационные модели поведения молодежи мало отличаются от родительских. Наиболее способная, активная часть молодых людей стремится уехать из сельской местности, закрепиться в городах. К этому их толкает отсутствие работы, жилья, ухудшение социальной инфраструктуры села, низкий уровень культурных услуг. Наглядной иллюстрацией к сложившейся ситуации служит выписка из справки, полученной по одному из сельских поселений республики: «Значительными факторами, повлиявшими на социально-экономическое развитие поселения, явились ликвидация с территории с. Тыловой Тыловойской сельхозхимии, Тыловыйского торгового предприятия, РСУ, Урдумошурской электрической подстанции, комбината бытового обслуживания. Определенное психологическое воздействие оказала разборка строящегося Дома культуры и кирпичного завода, прекращение строительства дороги с твердым покрытием, отсутствие финансирования по программе газификации. В связи с этим население, особенно молодежь, территорию муниципального образования рассматривает как не перспективное место проживания, имеется высокая степень безработицы, демографические показатели из года в год имеют отрицательный баланс» [10]. В сельских семьях нормой стало заводить в семье одного-двух детей, редко – трех и больше. Происходит сокращение количества учеников в школах, ведущее к практике «оптимизации» школ и детских садов в деревнях. Молодые люди, получив образование в городе, как правило, предпочитают не возвращаться в деревню. Да и сами родители часто ориентируют детей на городскую жизнь.

Стоит отметить, что миграция в город – вполне объективный процесс, отток наиболее мобильной части сельского населения происходил всегда, ибо город предоставляет большее количество альтернатив для самореализа-

ции, чем село. Однако в последние 15 лет внутренние миграционные процессы приняли угрожающие размеры. Село покидает подавляющая часть молодежи, что подрывает основы воспроизводства деревенского населения.

Миграционные настроения бытуют и в городе, в первую очередь – среди молодежи. Здесь наиболее привлекательными являются крупные федеральные города, прежде всего Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань и др., либо северные регионы страны, где можно трудоустроиться на предприятиях нефтегазовой отрасли. Основная мотивация выезда за пределы республики – более широкий спектр возможностей для получения рабочего места с высокой оплатой труда. Справедливости ради следует отметить, что выбор жизненных стратегий молодыми людьми далеко не всегда обусловлен только желанием заработать больше денег. Для наиболее активной части молодежи достаточно значима возможность карьерного и личностного роста, самореализация, занятие интересным делом. Таким образом, социализация современной молодежи идет в сложных условиях. Российское общество, находясь на переломном этапе, переживает дезинтеграцию (разобщение) в социальных, экономических, культурных средах. Родителям все труднее выполнять функции агентов социализации, транслировать подрастающим поколениям ценностные и смысловые ориентиры, помогающие выстраивать оптимальные модели коммуникаций и предупреждающие личностную аномию. Нередки случаи, когда родители сами вынуждены обращаться к детям за консультацией, корректируя через них свои представления о реальных ценностях современного российского общества [11].

Утрата преемственности поколений часто приводит к взаимным упрекам: родители обвиняются в отсталости, косности, молодые – в инфантилизме, эгоизме и т.д.

При проведении соцопроса в качестве метода сбора информации было использовано анкетирование молодежи, проживающей в Игринском районе в возрасте от 14 до 18 лет. В анкете респондентам предлагалось ответить на 20 вопросов, охватывающих различные сферы жизни, – этническую идентичность, материальное положение, отношение к семейным ценностям, личностные оценки жизненной ситуации. Всего на территории выбранного района проживает 42,4 тыс. чел., в составе которых удмурты составляют 50,3%, русские – 44,7, татары – 2,1, лица других национальностей – 2,9% [12]. Примерно таким же оказался состав опрошенной группы: доля русских и удмуртов – по 47%, татар – 3%. Результаты исследования наглядно характеризуют ситуацию, сложившуюся во всем регионе.

Получить некоторые представления о современной молодежи нам помогут результаты этносоциологического исследования. В табл. 2 отражено отношение молодых людей к институту семьи.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «На ваш взгляд, семья – это...»

№ п/п	Варианты ответов	Общие (%)	Русские (%)	Удмурты (%)
1	Только обуза в жизни	---	---	---
2	Главная ценность и смысл жизни	69	76	59
3	Так принято в обществе	5	---	10
4	Затрудняюсь ответить	23	21	28
5	Свой вариант	3	3	3

Подавляющее большинство респондентов видят в семье одну из главных ценностей и смысл жизни. Однако количество удмуртов, согласных с этим утверждением, по сравнению с русскими, меньше на 17%, а 10% из них вообще считают, что семья – это дань сложившейся общественной традиции: «так принято». Вариантов резкого неприятия института семьи в группах не выявлено, но большой процент затруднившихся с ответом настораживает, а вернее – озадачивает, так как по ответам на следующий вопрос (табл. 3) можно судить о том, что роль семьи как гаранта помощи при решении жизненных проблем оценивается молодыми людьми очень высоко.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Кто помогает Вам в решении проблем?» (укажите три варианта)

№ пп	Варианты ответов	Общие (%)	Русские (%)	Удмурты (%)
1	Родители	92	72	86
2	Родственники	33	38	21
3	Друзья, знакомые	72	83	72
4	Администрация района	2	---	3
5	Общественная организация	---	3	---
6	Политическая партия	---	---	---
7	Рассчитываю только на свои силы	23	34	27

В распределении ответов видно, что молодежь за помощью и поддержкой прежде всего обращается к родителям и друзьям. При этом удмурты чаще, нежели русские, пользуются ею. Ситуация не говорит о том, что материальная зависимость удмуртской молодежи слишком высока. Напротив, согласно данным статистики, до 80% молодых людей ориентируется на собственные возможности и усилия в достижении материального благополучия [13], стараясь быть экономически самостоятельной. Рискнем предположить, что молодежь обращается к поддержке родителей не только в случаях материальных, финансовых затруднений, что ее связывают с семьей и эмоциональные, и психологические чувства (привязанности, доверия, любви). В то же время органы власти и общественные организации в глазах молодых не пользуются популярностью.

Любопытна оценка молодыми людьми мотивов вступления в брак. Возраст опрошенных предполагает отсутствие у подавляющего большинства из них собственного опыта брачных отношений, скорее всего, их ответы свидетельствуют об отношениях и нормах, бытующих в социальном окружении.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«На Ваш взгляд, по какой причине люди вступают в брак?»
(укажите все подходящие варианты ответов)**

№ п/п	Варианты ответов	Общие, %	Русские, %	Удмурты, %
1	Чтобы жить отдельно от родителей	11	17	3
2	Это престижно	3	---	7
3	Для улучшения материального положения	8	7	5
4	По любви	66	65	55
5	Из мести	---	---	---
6	Из-за беременности	18	17	21
7	Для удовлетворения сексуальных потребностей	7	3	10
8	По настоянию родителей	8	7	10
9	Чтобы избежать одиночества	18	21	17
10	По взаимной симпатии	26	27	24

Судя по ответам, вступление в брак рассматривается как высшая форма проявления взаимной любви (русские – 65, удмурты – 55%) и симпатии (27 и 24% соответственно). Почти пятая часть опрошенных в качестве причины вступления в брак указала беременность. У удмуртских респондентов она фигурирует чаще (21%), чем у русских (17%). При этом большая часть удмуртов не мыслит секс без брака (10%), среди русских таковых 3%. Данные табл. 4 позволяют говорить о том, что влияние родителей на жизнь детей в удмуртском обществе сильнее, нежели в русском. Об этом можно судить по ситуации вступления в брак «по беременности», «по настоянию родителей», а также малому проценту желающих создать семью, «чтобы жить отдельно от родителей» (всего 3%).

Одним из ключевых при оценке демографического поведения молодежи выступает вопрос о желаемом количестве детей (табл. 5). Взгляды респондентов на количество детей могут, конечно, поменяться, однако их ответы свидетельствуют о жизненных ориентирах.

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос:
«Сколько детей Вы хотите иметь в будущем?»**

№ п/п	Варианты ответов	Общие, %	Русские, %	Удмурты, %
1	Одного	13	14	17
2	Двоих	44	48	38
3	Троих	18	17	17
4	Затруднились ответить	23	21	24
5	Не хочу детей вообще	2	---	4

Большинство опрошенных хотели бы иметь двоих детей (48% русских и 38% удмуртов). 17% в обеих группах хотят иметь троих детей. Настораживает нацеленность молодых удмуртов на однодетную или бездетную семью, что в ближайшей перспективе может обернуться достаточно ощутимым сокращением генофонда удмуртского этноса в сельской местности. Как отмечают исследователи, снижение рождаемости у удмуртов началось еще в послевоенный период, и к концу 1970-х гг. они приблизились к народам с низким уровнем рождаемости [14]. Возможно, молодые люди просто воспроизводят негативный тренд, сложившийся до них.

Подводя итог проведенному анализу демографического поведения молодежи Удмуртской Республики, можно сделать ряд предварительных выводов. Прежде всего прослеживается взаимосвязь между демографическим поведением населения и социально-экономической ситуацией в регионах. Нестабильная социально-экономическая ситуация вызывает сокращение рождаемости, высокую смертность, усиление миграционных оттоков как из деревни в город, так и за пределы страны. Отъезд населения из сельской местности способствует сокращению численности удмуртов, поскольку в городской среде гораздо активнее проходят ассимиляционные процессы.

В то же время результаты социопроса показывают, что современная молодежь, несмотря на обвинения в эгоцентризме, стремлении к «легкой жизни» и т.д., в основной своей массе придерживается традиционных ценностей, заинтересована в создании крепкой семьи и рождении детей, и представляет серьезный общественный ресурс для выравнивания демографической ситуации в республике.

Источники и литература

1. *Шахотько Л.П.* Демографическое поведение [Электронный ресурс] // Социология: Энциклопедия. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1312 с. – URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0303.htm>. – Дата обращения: 15.07.2010.
2. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе–декабре 2003 г. // Удмуртская правда (далее – УП). 2004. № 17. С. 3; Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в 2004 г. // УП. 2005. № 13. С. 3; Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе–декабре 2006 г. // УП. 2007. № 14. С. 3; Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе–декабре 2008 г. // УП. 2009. № 11. С. 3.
3. *Демографическая* политика России: от размышлений к действию (Доклад Представительства ООН в России). М.: Предст. ООН в РФ, 2008. С. 14–15.
4. *Смолякова Т.* Цифровой портрет страны // Российская газета. 2009. № 22 (4846). С. 6.
5. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе–декабре 2008 г. // УП. 2009. № 11. С. 3.
6. *Пряжникова О.Н.* Внутророссийская миграция: миграционная ситуация в регионах России // Экономические и социальные проблемы России. М.: ИНИОН РАН, 2007. № 2. Миграционные процессы в России. С. 111.
7. Социально-экономическое положение Удмуртской Республики в январе – декабре 2008 г.
8. *Глухова Е.* Подались в бега // Business Class. Удмуртия. 2008. №40. С.11.
9. Цит. по: Демографическая политика России: от размышлений к действию (Доклад Представительства ООН в России). С.57.
10. *Итоги* социально-экономического развития МО «Тыловайское» за 2008 год. Село Тыловой Дебесского района УР. 2008.
11. *Алабужева С.В.* Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Современная семья: традиции и инновации: материалы Всероссийской научно-практической конференции 3 декабря 2008 г. Ижевск: ГОУВПО «УдГУ», 2008. С.71.
12. *Игринский район* [Электронный ресурс] // Сайт Государственного совета Удмуртской Республики. – URL: <http://www.udmgossovet.ru/samoupravlenie/regions/igrinskiy>. – Дата обращения: 01.03.2011.
13. *Государственный доклад* о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году // Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. Ижевск, 2008. С. 56.
14. *Христолюбова Л.С.* Социально-демографическая характеристика семьи // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 193.

*В.А. Исупов, И.Л. Жеребцов**

Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны**

Среди первостепенных, но недостаточно проработанных вопросов исторической демографии выделяется проблема статистического источника. На наш взгляд, этому важному сюжету пока уделяется недостаточно внимания. Многие статистические документы, хранящиеся в архивах страны, но особенно опубликованные и, таким образом «освященные» грифом центральных и местных статистических учреждений, воспринимаются историками «на веру». Они используются без всякой критической проверки. Такая доверчивость идет подчас от незнания основных методов сбора статистических материалов.

Вместе с тем недостаточно полное представление о наличном корпусе статистических источников не позволяет использовать в полном объеме богатейшие материалы, собранные на протяжении десятилетий отечественными статистиками. Несмотря на растущий интерес исследователей к демографическим последствиям войны, этот тезис полностью приложим и к периоду Великой Отечественной войны. Сегодня некоторые исследователи демографической истории либо полностью игнорируют имеющиеся статистические документы, либо не подозревают о существовании этого огромного массива материалов. Во всяком случае, в двух лучших работах, посвященных демографической истории нашей страны, период Великой Отечественной войны вообще обходится стороной [1]. Отметим не совсем понятное игнорирование военного периода и в документальных публикациях. Так, в серии специальных документальных публикаций по проблемам народонаселения, возобновленной Госкомстатом СССР после долгого перерыва, период Великой Отечественной войны вообще отсутствует как таковой. Между тем в изданиях этой серии публикации исторических материалов, относящихся к 1930-м, 1950-м, 1960-м, 1970-м гг. отведено достаточно много места [2]. Так же обстоит дело и в специальных, «исторических» статистических сборниках [3].

Между тем в тыловых регионах России на протяжении всей войны статистики вели напряженную работу по сбору и обработке статистической информации о динамике демографической сферы страны. Результатом этой работы стало формирование насыщенного информацией корпуса источников, содержащего бесценные сведения о численности, составе и воспроизводстве населения страны. Скрупулезное изучение этих документов позволит, наконец, решить одну из главных проблем Великой Отечественной войны – определить потери населения СССР. Задача данной статьи как раз в том и состоит, чтобы очертить в первом приближении круг документальных статистических материалов, на основе которых возможна реконструкция основных тенденций демографической истории России в 1941–1945 гг.

* * *

Как известно, в царской России сформировалась и приняла устойчивые формы система регистрации демографических событий на основе регистрации религиозных обрядов. Так, православные священники записывали в особых метрических книгах количество венчаний, крещений, отпеваний. Фиксацию аналогичных обрядов вели и представители других конфессий. Статистики использовали получаемую информацию для определения тенденций брачности, рождаемости, смертности. После Октябрьской революции, в конце 1917 г., пришедшие к власти атеисты-большевики предприняли попытку перейти к светской системе регистрации демографических событий. Теперь регистрация рождений, браков, разводов и смертей была возложена на специальные государ-

* **Исупов Владимир Анатольевич** (Новосибирск) – доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, vladimir_2004_@mail.ru. **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

ственные учреждения – загсы (запись актов гражданского состояния). В сельской местности право регистрации демографических событий было предоставлено сельским советам.

Старая система фиксации демографических событий была очень быстро разрушена, новая же устанавливалась с большими сложностями. Формирование новых органов учета затянулось и не было окончательно завершено даже к началу Второй мировой войны, несмотря на то, что государство прилагало большие усилия для становления светской системы регистрации. Всю неточность сложившейся системы регистрации демографических событий вскрыла перепись 1937 г. Начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.А. Краваль в 1937 г. в одном из черновых вариантов записки «О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения», объясняя расхождение между итогами переписи и данными текущего учета населения, писал: «Источником ошибок текущего учета населения служила исключительно плохо организованная система загсовской регистрации рождаемости и смертности... Итоги переписи с полной очевидностью показали наличие крупнейших дефектов о постановке текущего учета... Не везде имеются загсы, а имеющиеся загсы еще недостаточно точно регистрируют рождения и смерти и не полно предоставляют отчетность» [4].

К 1939–1940 гг. положение было в какой-то степени улучшено. Количество загсов в РСФСР к 1939 г. достигло 42 509. Из них 1 456 загсов действовали в городских поселениях и 41 053 (включая в это число сельсоветы, имевшие право регистрации демографических событий) в сельской местности [5]. На территории России, охваченной загсовским учетом, проживало 108,3 млн. чел. [6]. Если учесть, что население РСФСР по переписи 1939 г. составляло 109,4 млн. чел. [7], то нетрудно сделать вывод, что загсовским учетом была охвачена территория, на которой проживало почти 99% населения РСФСР. К аналогичному выводу пришли известные демографы Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский и Т.Л. Харькова. По их данным, доля населения России, проживающего на территориях, где систематически велась регистрация рождений и смертей повысилась с 94,7% в 1934 г. до 99,9% в 1939 г. [8].

Но даже значительный охват территории загсовским учетом не означал всеобщей, без пропусков фиксации демографических событий. Даже там, где имелись полноценно функционирующие загсы, демографические события регистрировались с большими погрешностями. Люди по тем или иным причинам не фиксировали рождения и особенно смерти. По оценке Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской, в 1934–1936 гг. в СССР не было зафиксировано свыше 16% рождений и почти 24% смертей [9]. В марте 1940 г. начальник ЦУНХУ Госплана СССР И.В. Саутин докладывал Председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие неполного охвата Загсов (так в документе. – *Авт.*), а так же вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в Загсах..., цифры не являются вполне точными. При рассмотрении их необходимо иметь в виду, что не регистрация населением смертных случаев органами Загсов наблюдается относительно чаще, чем не регистрация рождений» [10] (здесь и далее стиль и орфография в цитируемых документах сохранены без изменений).

Таким образом, в довоенные годы перед властями стояла важная задача усовершенствовать порядок регистрации демографических событий. И власти прилагали серьезные усилия в этом направлении. В июле 1934 г. загсы были переданы в ведение образовавшегося общесоюзного наркомата Внутренних дел (НКВД СССР). В его недрах был создан Отдел записи актов гражданского состояния. Тем самым была подчеркнута важность, которая придавалась государством своевременной регистрации рождений и смертей. Примерно через год, 21 сентября 1935 г. увидело свет постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О постановке учета естественного движения населения» [11]. Постановление предписывало выдачу специальных свидетельств о рождении, обязательных при поступлении на учебу и военную службу, т. е. документов, имеющих юридическую силу. Это было сделано для того, чтобы побудить население регистрировать рождение детей. Одновременно постановление предусматривало уголовную ответственность секретарей сельсоветов за отказ или несвоевременную регистрацию родившихся и умерших. Следующим шагом стало постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1936 г. «О порядке и сроках регистрации рождений и смертей» [12]. Это постановление устанавливало обязательные сроки регистрации родившихся и умерших, а также административную и уголовную ответственность граждан за уклонение от регистрации. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1938 г. уголовная ответственность была возложена и на работников загсов, виновных в систематическом нарушении сроков предоставления отчетных материалов органам народнохозяйственного учета [13].

К концу 1930-х – началу 1940-х гг. случаи рождений, смертей и браков в РСФСР фиксировались, как и прежде, не полностью. Но основная их масса все же попадала в статистическую отчетность. Полнота регистрации была достаточной для проведения научного анализа, или хотя бы для выявления основных тенденций развития. Как писал в марте 1940 г. И.В. Саутин (в ранее цитировавшейся докладной записке) Н.А. Вознесенскому, неполная регистрация актов гражданского состояния «не может повлиять на выводы» [14]. В нашей стране сложилась не идеальная, но достаточно стройная и в принципе работоспособная система учета демографических событий. В этой системе первичная регистрация рождений, браков, разводов и смертей была возложена на загсы, которые выдавали гражданам все необходимые документы: свидетельства о рождении, свидетельства о смерти, свидетельства о заключении брака. Они же производили все записи в специальных книгах учета. Записи произ-

водились в двух экземплярах. Вторые экземпляры записей работники загсов передавали в районные инспектуры органов статистики. Районные статистики после обработки материалов направляли их в областные (краевые) статистические управления или в статистические управления автономных республик. Обобщенные на этом уровне и уточненные демографические данные поступали в Центральные статистические управления союзных республик (в нашем случае – ЦСУ РСФСР) и, наконец, переправлялись для получения окончательных сводных итогов в ЦСУ СССР.

Следовательно, усилия властей по улучшению учета рождаемости и смертности, предпринятые во второй половине 1930-х гг., положительно сказывались на точности регистрации демографических событий. Вместе с тем переоценивать точность статистических данных было бы ошибочно. Все же статистический учет в нашей стране перед началом Великой Отечественной войны проводился с большими погрешностями. Так, в 1940 г. в Советском Союзе было зарегистрировано 6,1 млн. родившихся, тогда как на самом деле, как показали современные расчеты, на свет появилось почти 7 млн. младенцев (погрешность почти 15%). В этом же году загсами было зафиксировано 3,5 млн. смертей. На самом деле умерло 4,2 млн. человек (погрешность около 20%) [15]. С большими погрешностями регистрировались пол и возраст умерших, что приводило к искажению информации о половозрастном составе населения. Это вызывало ошибки в расчетах численности и состава населения отдельных регионов страны.

В сущности, только с началом боевых действий выяснилось, что Советский Союз вступил в войну, не имея точного и цельного представления о своих людских ресурсах. Идеологические игрища, затеянные властями вокруг статистических органов, их погром в 1937 г., желание скрыть последствия голода 1932–1933 гг., преднамеренное искажение данных переписи населения 1939 г. только ухудшили ситуацию. В июле 1942 г. Новосибирский обком ВКП(б) под давлением обстоятельств военного времени принял явно запоздалое, но важное решение об организации специального обследования людского потенциала области с целью его последующего рационального использования. Отметим попутно, что Новосибирская область оказалась единственной в Западной Сибири, а возможно, и в стране, где в годы войны было проведено подобное обследование. Его итогом стал фундаментальный 340-страничный аналитический доклад, подготовленный отделами обкома и облисполкома при активном участии местных научных работников. Составители доклада посчитали необходимым специально подчеркнуть: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (демографических. – *Авт.*) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела – не имеется. Органы статистического управления до последнего времени не занимались учетом и анализом происходящих сдвигов в составе населения и потому не располагают соответствующими материалами. Между тем, этот вопрос сейчас, в обстановке отечественной (так в источнике. – *Авт.*) войны, приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию» [16]. В результате властям при расчете людских ресурсов и организации трудовых и военных призывов приходилось действовать не по заранее составленному плану, но импровизировать, принимать ситуационные решения, далеко не во всех случаях основанные на точных данных.

Великая Отечественная война усложнила условия деятельности загсов по сбору материалов. Это связано, прежде всего, с быстрым наступлением противника и оккупацией советских территорий. По мере продвижения немецко-фашистских войск на восток из сферы учета выпадали одна за одной огромные территории. К декабрю 1941 г. в сфере советского загсовского учета осталась 41 территория. Здесь располагалось 29,4 тыс. загсов. Из них сведения по естественному движению населения представили не все загсы, а всего 99,8% загсов. На территориях, охваченных загсовским учетом, проживало 72,8 млн. чел. [17]. Стало быть, к декабрю 1941 г. из сферы учета выпали территории, на которых было сосредоточено около 37 млн. чел. Это, несомненно, отразилось отрицательно на качестве получаемых статистических сведений. Летнее наступление немецких войск в 1942 г. привело к дальнейшему расширению оккупированной территории и, соответственно, к сокращению территорий, охваченных статистическим учетом. В разгар Сталинградского сражения, в декабре 1942 г., на неоккупированных территориях РСФСР действовали 28817 загсов, из которых только 28686 (99,5%) представили сведения. Они обслуживали территорию, на которой проживало 67,9 млн. чел. [18].

Коренной перелом в годы Великой Отечественной войны, наступление Красной армии, освобождение территории страны от захватчиков означали и расширение учетных территорий. Загсы на освобожденных территориях немедленно восстанавливались. В декабре 1943 г. в РСФСР действовали почти 36 тыс. загсов, из которых 35 тыс. предоставили органам статистики сведения по естественному движению населения. На территориях, охваченных загсовским учетом, сосредотачивались примерно 75,9 млн. чел. [19]. В 1944 г. охват населения РСФСР загсовским учетом повысился до 99,4%, в том числе в сельской местности он составлял 99,4%, в городских поселениях – 100% [20].

Безусловно, в годы войны из-за резкого сокращения территорий учета качество данных о демографических событиях сократилось. Для полноценного анализа демографических параметров, охватывающих всю территорию страны в целом, недостает сведений. В частности, отсутствуют данные о динамике демографических показателей по западным областям РСФСР, подвергшихся оккупации еще в 1941 г. и освобожденных только в 1943 гг. Вместе с тем в тыловых районах, не подвергавшихся оккупации, система учета естественного движения населения функционировала исправно. В районах глубокого тыла, таких, как, например, Урал, Сибирь, Поволжье, Дальний Восток сбой в загсовском учете вообще не было. Загсы продолжали функционировать даже в осажденном Ленинграде.

Очень важно, что власти в военные годы были заинтересованы в улучшении качества учета – данные загсов, обработанные статистиками использовались при организации карточной системы, для определения наличных ресурсов рабочей силы и военно-мобилизационного потенциала. Так, без данных, поставляемых загсами, власти не были в состоянии определить количество детей а, следовательно, не могли знать, какое количество детских садов и яслей нужно, чтобы высвободить потенциальных работников-женщин? Это были исключительно прагматические цели. Они-то и вынуждали власти уделять вопросу учета людских ресурсов большое внимание.

Какие же данные фиксировали загсы, и по каким параметрам эти данные обрабатывались статистиками? Прежде всего укажем на главный статистический документ, содержащий все базисные сведения, необходимые для всестороннего анализа естественного движения населения, так называемую форму № 1 «Сведения о естественном движении населения за 19__ г.». Здесь сосредотачиваются материалы о числе родов (включая мертворожденных), о количестве многоплодных родов (отдельно с двойнями, с тройнями, с большим количеством близнецов). Эта же форма содержит сведения о числе родившихся с разбивкой по половому признаку (мальчики, девочки, оба пола), а также о количестве мертворожденных (также с разбивкой по полу). Она содержит также информацию, характеризующую общие характеристики смертности: число умерших (с дифференциацией по полу), число детей, умерших в возрасте моложе 1 года (также с дифференциацией по полу). Форма № 1а отражает и основные тенденции брачности, а именно число браков и разводов. Все данные в форме № 1 приводятся с разбивкой по календарным месяцам года.

Информация, содержащаяся в форме № 1, дублируется формой «А» «Итоги регистрации актов гражданского состояния за 19__ г.». Единственное ее отличие от формы № 1 – отсутствие информации с учетом гендерного фактора. Форма «А» не предусматривает дифференциации сведений по полу. Важной характеристикой этой формы является помесечное отражение демографических событий от января к декабрю. Содержит она и итоговую строку. В данном случае мы сталкиваемся с типичным примером дублирования информации. Это имеет большое значение для исследователей, так как дает возможность сопоставлять данные разных документов.

Годовые итоги естественного движения населения подводятся в форме № 1а «Общие итоги естественного движения населения за 19__ г.». Таблицы этой формы составлены так, чтобы можно было получить сведения об основных количественных характеристиках естественного движения в городских и сельских поселениях не только страны в целом, но и ее отдельных регионов.

Кроме фиксации данных об общих тенденциях естественного движения населения, статистические материалы военных лет содержат большое количество ценных сведений, характеризующих различные узко специальные аспекты рождаемости. Прежде всего укажем на сбор и обработку сведений о родившихся по возрасту матери. В результате мы располагаем статистическим материалом, дающим возможность анализа изменений возрастной структуры когорты матерей в течение всей Великой Отечественной войны.

На завершающем этапе войны, в частности, в 1944 г., произошли значительные изменения в демографической политике советского государства. Теперь необходимо было продумывать послевоенную демографическую политику и, учитывая огромные потери, максимально стимулировать рождаемость, а также укреплять неизбежно расшатавшиеся за годы войны семейные устои. Президиум Верховного Совета СССР, обеспокоенный расшатыванием семейных устоев и падением рождаемости, 8 июля 1944 г. принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [21].

Однако этот указ имел множество внутренних противоречий, что нашло отражение в деятельности статистических органов страны. Издав указ от 8 июля 1944 г., Президиум Верховного Совета СССР, в сущности, поощрял внебрачное сожитие, рассчитывая таким способом повысить количество рожденных детей. Указ отменил право женщины на обращение в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состоит в зарегистрированном браке. Отныне советское брачно-семейное законодательство признавало только официально зарегистрированный брак, который один только порождал соответствующие права и обязанности. Установление отцовства в отношении ребенка,

родившегося вне зарегистрированного брака, не допускалось даже в случае, если мужчина добровольно признавал себя отцом. Детям, родившимся вне брака, в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк.

Для того чтобы фиксировать количество внебрачных детей, ЦСУ Госплана СССР 19 декабря 1944 г. ввело в статистическую отчетность новую форму. Отныне загсы собирали, а статистики обрабатывали «Сведения о родившихся, в отношении которых в акте о рождении отсутствуют записи об отце по возрасту и занятию матери за 19__ г.». Таким образом, сегодня историки имеют бесценные сведения не только о количестве внебрачных рождений, (что достаточно точно и глубоко характеризует гендерные отношения и тенденции развития советской семьи), но позволяет соотнести эти процессы с возрастными характеристиками матерей и их социальным статусом. Статистики при сборе сведений о женщинах, родивших ребенка вне брака, фиксировали женщин, работающих в государственных и кооперативных предприятиях и учреждениях; в колхозах; а так же домохозяйек и всех прочих.

Тогда же, 19 декабря 1944 г., ЦСУ Госплана СССР утвердило форму № 2 «Сведения о родившихся по порядку их рождения и возрасту матери за 19__ г.». Сбор сведений по этой форме позволяет ныне выяснить не только возраст матерей, но и определить очередность рождения детей, выявить, какой по счету ребенок родился у матери.

Очень большой массив статистических материалов, хранящихся ныне в основном в архивах (эти сведения не публиковались), характеризует брачность населения. Они содержатся в так называемой форме № 7 «Сведения о браках по возрастам брачующихся за 19__ г.». Здесь имеются сведения не только о числе заключенных браков, но и о возрасте женихов и невест. Анализ изменений брачности и возраста мужчин и женщин, вступающих в брак на протяжении военных лет, дает возможность достаточно полно охарактеризовать катастрофу, которую пережила советская семья в 1941–1945 гг. В этом аспекте очень насыщены информацией материалы о разводах. Данные о числе разводов сосредоточены в формах № 1, 1а и «А». Но помимо этого статистики разрабатывали сведения о разводах по двум очень важным параметрам, вследствие чего сегодня историки имеют: «Сведения о разводах по возрасту разводящихся» и «Сведения о разводах по продолжительности совместного проживания в браке». В обоих случаях материалы дифференцируются по городским и сельским поселениям.

Очень большое внимание уделяли работники загсов и органов статистики сбору и обработке данных о смертности. Этот элемент воспроизводства населения достаточно полно отражен в статистических документах военных лет. Данные о количестве смертных случаев с разбивкой по полу, городским и сельским населенным пунктам, с выделением «отдельной строкой» детей, скончавшихся в возрасте моложе одного года, отражены в формах № 1, 1а и «А». Поскольку формы № 1 и «А» содержат данные о помесечных колебаниях смертности в течение отчетного года, это дает возможность определить воздействие природно-климатических факторов на динамику смертности и вычленить воздействие на динамику смертности факторов социального порядка, вскрыть степень «контролируемости» процесса смертности.

Кроме того, сведения о возрасте умерших (в одногодичных возрастных группах) в совокупности с половой принадлежностью умерших и с разбивкой на городское и сельское население содержатся в форме № 4, утвержденной ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.

Но главным и самым информативным статистическим источником сведений о смертности в годы Великой Отечественной войны была форма № 5, утвержденная ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.: «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти за 19__ г.». Этот статистический документ составлялся на основе врачебных (но часто и фельдшерских) заключений о причинах смерти только в городах. В сельской местности учет смертности по причинам смерти из-за нехватки медиков не проводился. В военные годы, согласно номенклатуре, выделялись 84 причины смерти (включая сюда неточно обозначенные и пр.). Это вполне позволяет классифицировать смертность как экзогенную (зависимую от условий существования) и эндогенную (как фактор старения человеческого организма). Таким образом, этот источник дает возможность трактовать динамику смертности не столько как биологический, но как социальный процесс, что особенно важно для исторической демографии.

Немаловажно, что таблицы формы № 5 предусматривают достаточно дробную разбивку умерших по возрастным группам. Они выделяют в отдельную возрастную группу детей, умерших в возрасте моложе одного года (в том числе и до одного месяца). Это предоставляет исследователю возможность для детального анализа причин детской смертности. Отметим, что в военные годы фиксировались также смерти детей в возрасте до одного месяца по дням жизни.

В качестве вспомогательного (и дублирующего) статистического документа для изучения тенденций смертности населения могут быть использованы также таблицы формы 5а (утверждены ЦСУ Госплана СССР 1 ноября 1940 г.) «Сведения об умерших по причинам смерти, зарегистрированных в 19__ г.». Единственное преимущество таблиц этой формы состоит в том, что они содержат цифровые данные о сезонности смертности (по календарным месяцам года) в совокупности с причинами смерти людей.

Особое место в динамике смертности занимала смертность военнослужащих. Боевые потери Красной армии фиксировались по особым правилам органами Наркомата обороны СССР и в настоящей статье не рассма-

триваются [22]. Что касается смертей бойцов и командиров Красной армии, скончавшихся в глубоком тылу, то они также не регистрировались гражданскими загсами. Смертность военнослужащих, где бы она ни наступила, фиксировалась только в Наркомате обороны СССР. Начальник ЦСУ Госплана СССР В.Н. Старовский 15 апреля 1942 г. в письме заместителю начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии НКО генерал-майору Белякову нашел нужным специально подчеркнуть: «ЦСУ Госплана СССР считает целесообразным, во избежание двойного учета, установить на период военного времени регистрацию смертей всех военнослужащих только в органах Наркомата Обороны» [23]. Несколько месяцев спустя, 21 июля 1942 г., начальник Отдела демографии ЦСУ СССР И.Ю. Писарев в циркулярном письме, разосланном во все статистические управления союзных республик, напомнил, «что смерти военнослужащих, погибших на фронтах и умерших от ран и болезней в госпиталях, регистрируются органами НКО СССР и регистрации в органах ЗАГС НКВД СССР не подлежат» [24].

Смертность пенитенциарных групп населения, как и смертность военнослужащих, регистрировалась особым образом. В 1939 г., в соответствии с приказом НКВД СССР № 00674, была предпринята попытка организовать учет смертности заключенных с использованием общегражданской системы регистрации демографических событий. Начальникам лагерей, колоний и тюрем было вменено в обязанность в трехдневный срок направлять в загсы и сельсоветы по месту проживания узников (до момента ареста) извещения о каждом случае смерти. Но приказ этот выполнялся крайне неохотно. Материалы о смерти заключенных страдали неполнотой и направлялись в загсы и сельсоветы с большим опозданием. Те немногие данные из лагерей и колоний, которые все-таки поступали в загсы и сельсоветы, перемешивались с материалами о смертности гражданского населения. Это делалось для того, чтобы было невозможно вычленировать сведения о смертности пенитенциарного населения из общего массива статистических материалов [25].

В этом отношении представляет большой интерес «Объяснительная записка к годовому отчету по г. Ленинграду», направленная в ЦСУ Госплана СССР из Отдела населения и здравоохранения Статистического управления Ленинграда 21 мая 1941 г. В записке, в частности, указывалось: «Качество материала несколько пострадало из-за поступивших в конце 1940 года актов на заключенных, умерших в лагерях вне гор. Ленинграда, без врачебных свидетельств с большим процентом неточных указаний причин смерти, с очень большим запозданием (за 1935 – 1939 гг.)... Начальник ОАГС разъяснил, что эти случаи по месту нахождения лагерей не регистрируются, а смерть их регистрируется по месту проживания их родных, поэтому все умершие в лагерях за 1940 г. вошли в годовую разработку» [26]. Такая ситуация прослеживается в течение всех лет войны. В этой связи основным источником данных о смертности пенитенциарных групп являются не данные загсов, обработанные статистиками, а внутриведомственные документы и текущая статистическая отчетность органов НКВД. Как обоснованно указывает В.Н. Земсков, эти материалы «значительно полнее и надежнее, чем, скажем, статистика загсов» [27].

Очень важной проблемой демографической истории России периода Великой Отечественной войны являются половозрастные деформации, образовавшиеся в населении страны вследствие массовых воинских мобилизаций, гибели людей в боевых действиях, в плену, в результате карательных акций оккупантов, повышения смертности и резкого понижения рождаемости населения в тылу. В свою очередь, аномалии в половозрастном составе населения влияли не только на рождаемость, но также на формирование и использование людского потенциала, как военно-мобилизационного, так и трудового.

Для периода Великой Отечественной войны источники позволяют с достаточной степенью достоверности определить половозрастные деформации, сложившиеся в сельской местности. Основным источником сведений о составе сельского населения в военные годы является единовременная отчетность, которая велась сельскими советами. Система похозяйственного учета, сложившаяся в нашей стране, состояла из двух видов первичного учета: похозяйственных книг и списка лиц, временно проживающих на территории, подведомственной сельсовету. Похозяйственные книги содержали сведения о каждом отдельном хозяйстве и, соответственно, о каждом члене хозяйства (семьи). В списки временно проживающих вносились все, прибывшие на срок более месяца.

Похозяйственные книги и списки временно проживающих служили основой для составления на начало каждого года единовременного отчета с распределением всего наличного населения по полу, возрасту и ряду других признаков. В ноябре 1942 г. ЦСУ Госплана СССР утвердил специальную форму «С» «Единовременный отчет о возрастном и половом составе сельского населения в _____ сельсовете _____ района _____ области (края) на 1 января 19__ года». Отчет подписывали председатель и секретарь сельсовета. Таким образом, эти отчеты ежегодно начиная с 1943 г. направлялись районным инспекторам ЦСУ, которые проводили их статистическую обработку и передавали полученные сведения в высшие инстанции. Необходимость получения таких статистических данных диктовалась тем, что материалы переписи 1939 г. в силу ряда организационных пороков изначально не могли служить надежной базой для анализа. К тому же изменения, прошедшие в населении за несколько лет после переписи, были слишком значительны, чтобы ими пренебрегать. Власти требовали «свежую» информацию о численности и составе населения.

Единовременные отчеты сельсоветов преследовали главным образом фискальные и мобилизационные цели. Их активно использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты сельсоветов о численности и структуре сельского населения проверялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно для исторической демографии, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в наиболее активных возрастах от 18 до 49 лет.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения в военные годы. Поэтому исследователи поставлены перед необходимостью использовать такой источник, как списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) и Верховных Советов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В эти списки вносились граждане страны в возрасте 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. № 13842Р разрешил статистикам использовать эти списки для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения [28].

Недостатком списков избирателей как источника сведений о структуре населения Советского Союза было то, что в них включались не все группы населения. В частности, в списки не включались лишённые избирательных прав заключенные и спецпереселенцы. Исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. Кроме того, информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не может считаться статистически «чистой», так как списки составлялись после завершения войны. Они имеют своего рода «примеси» в связи с притоком мужчин в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Нельзя упускать из виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в городах была значительно напряженной, чем это показывает используемый источник.

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения. Чтобы получить данные о численности и структуре населения моложе 18 лет, в декабре 1947 – январе 1948 гг. в городских поселениях страны был проведен подсчет детей и подростков. Организатором подсчета было ЦСУ Госплана СССР. Подсчет являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о количестве и составе детей и подростков по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобщественного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о численности и составе детей и подростков в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14% детей и подростков и показала, что погрешность подсчета составила в принципе незначительную величину – всего 2% [29].

Подсчет численности населения моложе 18 лет показал, что к началу 1948 г. в возрастной структуре этой группы населения образовались две глубокие демографические ямы, соответствующие двум мощным демографическим катастрофам (1932–1933 и 1941–1945 гг.), обрушившимся на Советский Союз в XX столетии.

Очень большое значение в годы Великой Отечественной войны придавалось определению численности населения страны. Во-первых, это было важно в аспекте определения объема людского потенциала страны, пригодного для боевого и трудового использования. Во-вторых, без точного представления о численности населения было практически невозможно установить перспективы послевоенного развития. К тому же в условиях плановой экономики знаниям о численности населения власти придавали особое значение.

Работа по определению численности населения проводилась в течение всего военного времени. Основной груз ответственности возлагался на местные (областные и краевые) статистические управления. В довоенные годы отправной точкой для расчетов служили результаты переписей населения. К данным переписи (пересчитанной по состоянию на начало года) прибавлялись числа родившихся и прибывших в течение года и вычитались числа умерших и выбывших (естественный и механический приросты). Полученная оценка становилась отправной точкой для последующих расчетов. В ЦСУ РСФСР со всех концов страны стекались расчетные данные из краевых и областных статистических управлений. Здесь они проверялись и суммировались. Перепись 1939 г. послужила основой для определения численности населения страны на начало 1940 г., а эта цифра стала отправной для расчетов численности населения на начало 1941 г. (с учетом изменения внешних границ СССР после 17 сентября 1939 г.).

Такой метод предполагает достоверность данных по каждому из компонентов расчета – как по естественному, так и по механическому приростам. Кроме того, при расчетах численности населения Советского Союза

статистики пренебрегали внешней миграцией как величиной незначительной. Но это было недопустимо при расчетах численности населения РСФСР и отдельных регионов России. Соответственно, погрешности в регистрации миграций значительно понижали правильность расчетов численности населения. Что касается военного периода, то для него точные сведения о естественном, но особенно о механическом приросте были в принципе невозможны. Война сдвинула с насиженных мест миллионы людей. В западном направлении перемещались воинские эшелоны. Им навстречу двигались эвакуированные, спецпереселенцы и депортированные народы. Крестьянская молодежь перемещалась в города для работы в промышленности, на транспорте и стройках, для учебы в ремесленных и железнодорожных училищах, в техникумах и вузах. Ближе к завершению войны развернулись процессы реэвакуации. Великая Отечественная война, таким образом, отличалась от мирного времени интенсивными и подчас хаотичными территориальными перемещениями людских масс. Это не могло не привести к сбою в расчетах.

Вместе с тем в военные годы у статистиков появились новые и достаточно надежные источники информации. В городах для уточнения численности населения использовались сведения о количестве выданных хлебных карточек. Эти данные были относительно полными, так как большинство горожан были лично заинтересовано в их оформлении.

В сельской местности расчеты численности населения опирались на уже упоминавшиеся ранее единовременные отчеты сельсоветов о возрастном и половом составе сельского населения. Они содержали сведения о количестве всех, проживавших на территории сельсовета – о колхозниках (по похозяйственным книгам), о рабочих, служащих, единоличниках, кооперированных и некооперированных кустарях, о временно проживающих (по книгам учета и спискам).

Таким образом, сегодня мы располагаем неточными, но в принципе пригодными для научного анализа сведениями о численности населения тыловых районов страны с распределением его на городское и сельское. Расчеты проводились на начало, середину и конец года. За 1945 г. обнаружены помесечные данные о численности населения. Повторим, что оценочные расчеты численности населения страны и ее отдельных регионов не могут считаться точными, так как определить точно числа родившихся и умерших, но главным образом прибывших и убывших, было невозможно. Но эти оценки вполне приемлемы для определения основных тенденций динамики численности населения России в годы Великой Отечественной войны.

Очень важно не упустить из виду, что расчеты численности населения охватывали только гражданское население, без армии, госпиталей и спецконтингента. Соответственно, советская демографическая статистика не учитывала миллионы людей, которые, по сути, игнорировались общегражданскими организациями. Сегодня нам известно, что за четыре года войны в Вооруженные силы СССР было мобилизовано 29,6 млн. чел., а всего с кадровым составом, находившимся к 22 июня 1941 г. на действительной военной службе в Красной армии и Военно-морском флоте, – 34,5 млн. чел. [30]. Максимальной одномоментной численности Красная армия достигла 1 января 1945 г., когда в строю насчитывалось 11,1 млн. солдат, сержантов и офицеров [31]. Число военнослужащих, госпитализированных в военные годы, составляло свыше 22,3 млн. чел. [32]. При этом на 1 января 1942 г. на излечении в госпиталях находились 606,8 тыс. чел., на 1 января 1943 г. – 949 тыс., на 1 января 1944 г. – 1255,3 тыс., на 1 января 1945 г. – 915,3 тыс. чел. [33].

Численность заключенных в годы войны колебалась от 1,9 млн. в 1941 г. до 1,5 млн. чел. в 1945 г. [34]. Кроме того, в Советском Союзе на 1 октября 1941 г. насчитывалось 936,5 тыс. трудпоселенцев («кулацкая ссылка») [35]. К 1 января 1945 г. количество спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев превысило 2217,7 тыс. чел. [36]. По поводу запутанности учета спецпереселенцев мы имеем авторитетное свидетельство заместителя уполномоченного Госплана СССР по Коми АССР П. Иванова. Отмечая неразбериху в учете спецпереселенцев, он отмечал, что спецпереселенцы не проходят процедуры прописки и выписки в паспортных столах, а, следовательно, об их прибытии и выбытии гражданские статистические органы сведений не имеют. В сельской местности, указывал П. Иванов, часть спецпереселенцев попадает в списки сельсоветского учета, другая часть – не учитывается [37].

Таким образом, миллионы граждан не игнорировались при расчетах численности населения местными областными и краевыми статистическими органами. По учету ЦСУ Госплана СССР, военнослужащие и спецконтингент проходили как «нераспределенные по территориям». Они включались в состав населения Советского Союза в целом, но не учитывались при расчетах численности населения союзных и автономных республик, краев и областей. Складывалась весьма противоречивая учетная ситуация. На 1 января 1942 г. численность населения не подвергшихся оккупации регионов СССР была определена в 150,2 млн. чел. В это число включалось население, нераспределенное по территориям, а именно военнослужащие в армии и госпиталях, заключенные и частично спецпереселенцы. Их количество составляло 24,5 млн. чел., что составляло 16% от общей численности населения [38]. Следовательно, когда ЦСУ СССР указывало, что в РСФСР на эту дату насчитывало 96,1 млн. чел. [39], необходимо иметь в виду что на самом деле реальная численность населения РСФСР было значительно больше, так как нераспределенные по территории в данном случае не учитывались. Но выявить количество нераспре-

деленных по территориям в региональном аспекте: в отдельных союзных и автономных республиках, краях и областях не представляется возможным.

Отметим, однако, что численность нераспределенных по территориям к концу войны сократилась. На 1 января 1945 г. население СССР по оценкам ЦСУ СССР составляло 179,6 млн. чел., в том числе число нераспределенных по территориям было определено в 16 млн. чел., или 9,4% от населения страны [40].

В принципе, сегодня историки имеют довольно значительный корпус источников, который делает возможным научный анализ основных тенденций динамики демографической сферы России в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Андреев Е.Н., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1991; Андреев Е.Н., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998.
2. См., например: Население СССР. 1987: Стат. ежегодник. М., 1988; Население СССР. 1988: Стат. ежегодник. М., 1989 и др.
3. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сборник. М., 1990; Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сборник. М., 1998.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 143. Л. 6, 10.
5. Там же. Д. 790. Л. 214.
6. Там же.
7. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1993. С. 21.
8. Андреев Е.Н., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России... – <http://www.demoscope.ru/knigi/-dars/adk.html>.
9. Андреев Е.Н., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза... С. 44.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 20.
11. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1935. 20 июня. № 32. Отд. I.
12. Сборник важнейших официальных и справочных материалов по санитарным и противозидемическим вопросам в помощь госсанинспектору и эпидемиологу. М.; Л., 1941. С. 43.
13. ГАКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 20. Л. 27.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 20.
15. Андреев Е.Н., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза... С. 55.
16. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38. Л. 23.
17. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 553. Л. 1.
18. Там же. Д. 794. Л. 4.
19. Там же. Д. 796. Л. 159.
20. Там же. Д. 1456. Л. 1.
21. Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967. М., 1968. Т. 2. С. 409–417.
22. См. подробнее: Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008. С. 206–214.
23. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 66.
24. Там же. Д. 793. Л. 3.
25. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 26–27.
26. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л. 142.
27. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.
28. ГАНУ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409. Л. 7.
29. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 691. Л. 2.
30. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009. С. 36.
31. Там же. С. 39.
32. Там же. С. 55.
33. Там же. С. 39.
34. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 11.
35. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 99.
36. Там же. С. 119.
37. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 417. Л. 89.
38. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 791. Л. 68.
39. Там же.
40. Там же. Л. 119.

О Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 годов в Якутии

Сложная политическая обстановка в 1930-е гг. накануне Второй мировой войны, противостояние разных политических систем сказались на результатах обеих переписей населения 1937 и 1939 гг. В целом, Всесоюзная перепись населения 1937 г. в СССР призвана была показать всему миру достижения социализма (идеология того времени была основана на теории К. Маркса о совершенно ином способе воспроизводства населения в разных политических системах, а при социализме – ускоренном типе воспроизводства, основанном на росте благосостояния населения). Прогнозы численности населения СССР были самыми оптимистичными и о них заявляли официально не только в печати компетентные органы (ЦУНХУ, Госплан), но и сам И.В. Сталин.

Однако этим прогнозам не суждено было сбыться ввиду обстоятельств, несомненно, умаляющих социалистические достижения. Это проведение сплошной коллективизации, репрессий по отношению к крестьянству, политические репрессии 1930-х гг., и, наконец, голод 1932–1933 гг. на Украине и черноземных, зерновых регионах РСФСР. Скрыть такую политику, проводимую тоталитарным государством по отношению к своему же народу, оказалось невозможным: предварительные итоговые данные численности населения страны по результатам Всесоюзной переписи населения 1937 г. оказались значительно ниже прогнозных оценок. Итоги переписи 1937 г. были объявлены искаженными, «дефектными», а руководителей Центрального управления народнохозяйственного учета (ЦУНХУ), проводивших перепись, репрессировали как «врагов народа». Материалы переписи населения 1937 г. были уничтожены. Перепись населения было решено провести повторно, в 1939 г.

В такой напряженной обстановке пришлось работать статистикам. Всесоюзная перепись населения 1939 г. должна была показать «недоучет» переписи 1937 г. Материалы переписи 1939 г. постоянно проходили сверку с переписью 1937 г. Людей искали, буквально, «под мостами», «на чердаках» [1]. Однако первые результаты переписи 1939 г. практически подтвердили итоги прошедшей переписи 1937 г. Итоги переписи 1939 г. необходимо было скорректировать, поправить. В результате, что подтверждается последними расчетами, возник переучет численности населения, выраженный примерно в 1,5–2%.

Материалы переписей населения 1937 и 1939 гг. стали доступны для исследователей только в 1990-е гг. в связи с рассекречиванием документов советской эпохи. Наиболее подробную и исчерпывающую оценку материалов переписи населения 1937 г. дали В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков в книге «Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года» [2]. В 2001 г. В.Б. Жиромская публикует работу, посвященную всему периоду 1930-х гг., где раскрывает механизм приписок к данным переписи 1939 г., уточняет численность населения РСФСР, ее автономий и областей [3].

В целом, необходимо отметить, что в работах В.Б. Жиромской, И.Н. Киселева, Ю.А. Полякова отмечены основные цифровые показатели по припискам к численности населения Якутии. Однако проблема Всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. на региональном уровне, и, в частности, по Якутии, еще не раскрыта.

Сложность вопроса усугубляется не только тем, что материалы переписей сосредоточены в РГАЭ (Москва; что требует дополнительных затрат и времени), но также и тем, что специфика Якутской АССР в виде ее природно-географических и климатических условий способствовала хроническому запаздыванию статистической отчетности, а значит – данные по республике часто не включались в отчеты, итоговые справки по РСФСР. Если материалы переписи населения 1937 г., хранящиеся в РГАЭ, скудны и неполны, то материалы по Якутской АССР (в сравнении с другими регионами страны) – еще более незначительны. К тому же нельзя забывать, что часть территории Якутии (северо-восточная) тогда была занята лагерями Дальстроя, что может способствовать существенному возрастанию численности населения республики.

Отметим, что данные переписи 1937 г. на сегодняшний день считаются полными, где недоучет населения выразился всего в доли процента, по некоторым же версиям – в допустимые 0,3–0,4%. Поэтому материалы переписи 1937 г. так важны для исследователя.

В 1937 г. первые предварительные итоги численности населения Якутской АССР (по срочным донесениям) составили цифру в 323,7 тыс. чел. Впоследствии этот показатель возрос до 354 581 чел. [4]. Со спецконтингентами «Б», «В» численность жителей республики выразилась в 360 621 чел. ((табл. 1.) Дата документа – середина марта 1937 г.).

* Сивцева Саассылана Иннокентьевна (Якутск) – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета имени М.К.Аммосова, sivlana@list.ru.

Численность населения Якутской АССР по Всесоюзным переписям населения 1926 и 1937 гг. (на 17.12.1926 г. и 6.01.1937 г.)*

1926 г.**			1937 г.			1937 г. в % к 1926 г.		
Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
150 029	133 439	283 468	195 181	165 440	360 621	130,1	124,0	127,2

* Составлено по: Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С.35, 40, 49; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное. М., 2001. С.40–41; РГАЭ. Ф. 1562. Д. 151. Л. 170. Итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. – предварительные.

** РГАЭ. Ф. 1562. Д. 151. Л. 170; с военнослужащими (190 чел.), с учетом населения Крайнего Севера.

Спецконтингенты были подразделены НКВД СССР на категории «А», «Б», «В». Причем деление их и учет в 1939 г. остались примерно такими же, как в 1937 г. [5]. В инструкции 1939 г. разъяснялось, что к контингенту «А» относятся весь личный состав оперативно-чекистских управлений и отделов НКВД СССР, их органов, школ, курсов и тюрем; весь личный состав (постоянный и временный) пограничных и внутренних войск НКВД; весь личный состав в центре и на местах аппаратов – отдела кадров, особо-уполномоченного, секретариата органов, административного, комендантского и авто-технического отделов НКВД. Этот контингент подлежал переписи по месту работы, для него использовались специальные переписные листы НКВД.

К контингенту «Б» инструкция гласила: а) состоящий на казарменном положении постоянный и переменный состав частей и школ милиции, военизированной пожарной охраны; б) штатный и вольнонаемный состав аппаратов лагерей, управлений и отделов, мест заключения, тюрем, колоний, трудовых поселков, строителей (по особому списку ГУЛАГа НКВД). Этот контингент переписывали по месту работы, но на общегражданских переписных листах.

Контингент «В» включал в себя: а) осужденных и следственных заключенных во всех тюрьмах, арестных помещениях, лагерях и трудовых колониях НКВД СССР, трудпоселенцев, проживающих в зоне, трудпоселках ГУЛАГа НКВД, а также задержанных, содержащихся на время переписи в арестных помещениях НКВД; б) воспитанников трудколоний, трудкоммун и приемников-распределителей отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД СССР. Все эти граждане переписывались на общегражданских листах по месту нахождения.

Однако отметим, что согласно инструкции в спецпереписях значились в качестве контингента «В» не все трудпоселенцы, а лишь числившиеся за ГУЛАГом и НКВД. Некоторым трудпоселкам со временем придавался статус колхозов, и их население проходило по переписи как гражданское.

Переписные листы в «обезличенном виде» пересылались соответствующим республиканским, краевым и областным УНХУ, кроме переписных листов на трудпоселенцев, которые передавались без срезания верхней части, включавшей Ф.И.О. [6]. Известно, что по Якутской АССР переписанные таким особым порядком в 1937 г. оказались 9004 чел. контингента «Б» и «В» [7].

О некоторых показателях численности спецконтингентов по переписи населения 1937 г. свидетельствует переписка такого рода:

«Зам. Нач. ЦУНХУ Госплана СССР – тов. Попову от 2.07.1937 г. Вх. № 637.

В дополнение телефонных переговоров при этом препровождаю вам 211 штук переписных листов на контингент «Б» НКВД, переписанный в Средне-Колымском (188 листов) и Нижне-Колымском (23 листа) районах Якутской АССР, для соединения с имеющимися у вас переписными листами Якутской АССР.

Получение прошу подтвердить.

Приложение: по тексту.

8-ой отдел ГУГБ 28.06.1937 г. № 402223, Начальник 8 отдела ГУГБ НКВД СССР, старший майор гос. безопасности Цесарский (его подпись)» [8].

В отмеченных выше Средне-Колымском и Нижне-Колымском районах размещались структуры Дальстроя.

С весны 1937 г. проводилась обширная работа по «исправлению» данных переписи населения 1937 г. Известно, по каким соображениям, но были исчислены размеры «поправок» по стране и ее регионам. Численность населения Якутской АССР была увеличена на 3162 чел. и составила уже 365 329 чел. [9] (табл. 2).

Перепись по территориям Крайнего Севера проводилась с опозданием, предположительно, во второй половине 1937 г. Как описывается, она выявила по ЯАССР 10503 контингента, не переписанных в общесоюзный срок [10].

Таким образом, можно предположить, что численность жителей Якутии по переписи 1937 г. составила 371 124 чел. (360621+10503 = 371124. Без приписки 3162 чел., с учетом спецконтингента).

Таковы некоторые результаты исследования материалов Всесоюзных переписей населения 1937, 1939 гг. в Якутии.

Размер «поправок» на «недоучет» переписи населения 1937 г. по Якутской АССР*

Городское население без поправок	Поправка на городское население	Численность городского населения	Сельское население без поправок	Поправка на сельское население	Численность сельского населения	Всего населения без поправок	Вся поправка	Правильная численность населения	Процент поправки к городскому населению	Процент поправки к сельскому населению	Общий процент поправки
74574	355	74929	287593	2807	290400	362167	3162	365329	0,5	1,0	0,9

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 199. Л. 93.

Источники и литература

1. Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. 1990. № 3. С. 91.
2. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996.
3. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 281. Л. 119.
5. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 104.
6. Там же. С. 105.
7. Там же. С. 108, 109; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 58.
8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 151. Л. 144.
9. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. С. 133; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 199. Л. 93.
10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 277. Л. 151.

Неопубликованные источники по изучению населения Кировской области в годы Великой Отечественной войны

Механизм реализации демографической и социальной политики предполагает осуществление целого комплекса мероприятий, одним из которых является развитие научных исследований в сфере народонаселения. Такие исследования позволят найти исторические аналогии и использовать эффективные методы решения демографических проблем, апробированные в прошлом. Научные исследования прошлых лет, расширенная источниковая база дают возможность историкам обратиться к рассмотрению тех проблем, которые до сих пор не являлись предметом специального исследования.

В годы Великой Отечественной войны численность населения страны резко сократилась. Через девять с половиной лет после окончания войны, т.е. к январю 1955 г., численность населения СССР была восстановлена и достигла довоенного уровня [1]. Для Кировской области война стала не только «демографической катастрофой», но и отправной точкой, обозначившей вектор снижения количества населения.

В 1941–1945 гг. наметилось территориальное перераспределение населения Кировской области в пользу городских поселений, вызванное социально-экономическими потребностями. Сложившаяся половозрастная диспропорция являлась важным фактором, повлиявшим на социально-демографические тенденции послевоенного времени (на 1 января 1941 г. в области проживало 44,9% мужчин и 55,1% женщин, а на 1 января 1945 г. – 35,2% и 64,8% соответственно) [2–4].

Изучению вопросов народонаселения региона способствует анализ статистических сведений, хранящихся в следующих архивах страны. Документы Государственного архива Российской Федерации содержат фонды Наркомата торговли СССР (Ф. Р-482), Министерства здравоохранения СССР (Ф. Р-8009), Комитета по учету и распределению рабочей силы (Ф. Р-9517), Совета по эвакуации (Ф. Р-6822), Переселенческого отдела СНК СССР (Ф.Р.-327). Российский государственный архив экономики представлен материалами Центрального статистического управления при Совете Министров СССР (Ф.-1562): годовые, полугодовые, квартальные и месячные отчеты о численности населения, актах гражданского состояния и миграциях на общесоюзном, республиканском и областном уровнях.

Основной объем архивных дел содержится в фондах архивов Кировской области (главным образом Кировского областного и Кировского городского исполнительных комитетов, Кировского городского комитета обороны), а также их основных отделов (Отдел социального обеспечения, Отдел здравоохранения, Отдел народного образования и др.) находится в фондах Государственного архива Кировской области (Ф. Р-2169; Ф. Р-2130; Ф. Р-2248; Ф. Р-2342; Ф. Р-2344 и т.д.).

Широкий круг источников, относящихся к партийной документации различного характера (справки, докладные записки контролеров Кировского областного военкомата, Кировского обкома ВКП (б)), включены в фонды Государственного архива социально-политической истории Кировской области (Ф. П-1290; Ф. П-1291).

Источниковая база представлена в основном делопроизводственной документацией, включающей в себя:

- 1) Организационные документы (положение об эвакуационном пункте по эвакуации граждан из прифронтовой полосы, положение об отделе по хозяйственному устройству эвакуированного населения и др.);
- 2) Распорядительные документы (решения, распоряжения центральных и местных органов власти, циркуляры о проведении статистического учета);
- 3) Организационно-распорядительные документы (протоколы и стенограммы Кировского областного исполнительного комитета);
- 4) Текущую переписку учреждений и предприятий (переписка по здравоохранению и социальному обеспечению населения и т.д.);
- 5) Плановую документацию (доклады о выполнении постановлений СНК РСФСР, доклады о работе отделов Кировского областного исполнительного комитета и пр.);
- 6) Отчеты (квартальные, полугодовые и годовые отчеты о работе отделов Кировского областного исполнительного комитета и других государственных и партийных органов);
- 7) Учетно-контрольную и статистическую документацию. Кроме указанных выше архивных дел Центрального статистического управления при Совете Министров СССР, важную группу источников составляют сведения Кировского областного статистического управления. Лишь незначительная часть столь ценного материала

* **Чернышева Наталья Викторовна** (Киров) – кандидат исторических наук, ассистент кафедры социальной работы Вятского государственного гуманитарного университета, russkihnatalia@mail.ru

была опубликована в статистических сборниках Кировской области, что не позволяло исследователям провести детальный анализ сложившейся в годы войны демографической ситуации [5–8].

В целом, изучение населения в период Великой Отечественной войны может быть построено на использовании всех видов источников демографической статистики:

1) Переписи населения позволяют изучить главным образом итоги социально-демографических процессов, т.е. состав населения по различным признакам.

2) Данные текущего учета населения. Дают подробные сведения о демографических событиях и фактах, однако не всегда могут отражать интенсивность процессов. Из-за отсутствия в период с 1939–1959 гг. переписи населения указанная группа статистических источников является наиболее обширной, часто используемой, в большинстве своем содержит сведения, впервые вводимые в научный оборот. Текущий учет населения предусматривал следующие формы отчетности: сведения записей актов гражданского состояния; итоги учета механической подвижности населения (сведения о количестве прибывших и выбывших, географии миграционной подвижности, половозрастной состав мигрантов); сводки численности населения; сведения по учету наличного населения по данным сельсоветов; итоговые сводки половозрастного состава сельского населения (велись с 1943 г.); единовременные отчеты по эвакуации населения и др.

3) Статистические сведения о населении, содержащиеся в отчетности предприятий и учреждений. Они позволяют более конкретно охарактеризовать отдельные общественные сферы, которые связаны с их деятельностью (отчеты медицинских учреждений, отделов народного образования и др.).

Органами статистики составлялись отчеты во многих формах, при этом отдельные демографические характеристики учитывались в различных аспектах (например, рождаемость: по полу, возрасту матери, очередности рождения в семье, типу поселения), благодаря чему можно глубоко и всесторонне проанализировать демографические процессы.

В ходе изучения документов обнаружен целый ряд разночтений и несовпадений в цифрах. Особенно часто погрешности присутствуют в абсолютных величинах, несмотря на совпадение дат и территориальных рамок. В данном случае можно согласиться с мнением О.М. Вербицкой, объясняющей подобные расхождения наличием у ЦСУ нескольких каналов получения информации (местных статистических комитетов и сельсоветов) [9]. Поэтому, оперируя данными, необходимо учитывать специфику работы с исторической статистикой [10], а также возросшую интенсивность ряда демографических процессов в изучаемый период, саму обстановку военного времени, которая усложняла проведение своевременного и организованного в должной мере учета населения. Также в силу различных обстоятельств (неразвитости статистического учета, отсутствия ведения некоторых форм отчетности в сельской местности) не все абсолютные и относительные демографические показатели можно высчитать.

Имеющиеся статистические сведения могут быть использованы исследователями для создания научных работ историко-демографического характера, междисциплинарный подход к которым основывается на использовании двух групп научных методов. Во-первых, демографических методов исследования, целью которых является учет специфики воспроизводства населения и его компонентов [11]. В частности, метод интенсивности демографических процессов, применяемый для расчета различных демографических показателей (коэффициентов рождаемости, смертности, интенсивности миграции и др.), позволяет дать им качественный анализ. Статистический метод, используемый главным образом для характеристики количественных показателей изучаемых явлений. Метод демографических таблиц необходим для определения интенсивности процессов. Метод аналитического демографического прогноза позволит проанализировать влияние социально-демографических процессов на численность и состав населения Кировской области. Графические методы дают возможность наглядно отобразить полученные демографические сведения (например, половозрастная пирамида и различные диаграммы).

Во-вторых, специально-исторические методы, позволяющие последовательно раскрыть основные тенденции развития изучаемых процессов, факторы их определяющие.

В целом, неопубликованные источники по изучению населения являются уникальными источниками по способу сбора и обработки информации, а также характеру содержащихся в них сведений. Долгое время в исторической литературе население тыла рассматривалось лишь с точки зрения использования трудовых ресурсов для экономики страны и людских ресурсов для потребностей фронта. Сейчас у исследователей появилась возможность изучить демографическую ситуацию военного времени, попытаться оценить демографические последствия войны 1941–1945 гг. и тем самым восполнить научный пробел в истории Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 71.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1229. Л. 15–15 об., 38–38 об.

3. ГАКО. Ф. Р-2756. Оп. 5. Д. 2. Л. 4.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об.
5. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность». Историко-статистический сборник. Киров: Кировский областной комитет государственной статистики, «Триада-С», 2000. 680 с.
6. 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. Статистический сборник. Киров: ГИПП Вятка, 1996. 448 с.
7. Кировская область к 60-летию образования СССР. Краткий статистический сборник / Под ред. П.С. Касьянова. Киров: ЦСУ РСФСР, 1982. 128 с.
8. Справочник административно-территориального деления Кировской области и список населенных пунктов на 1939 г. Т. 1. / Сост. А. Хохлов. Киров: [Машинопись], 1990. 147 с.
9. *Вербицкая О.М.* Сельское население Российской Федерации в 1939–1959 гг. (демографические процессы и семья): Дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 34.
10. *Миронов Б.Н.* История в цифрах. Л.: Наука, 1991. С. 40–64.
11. Народонаселение. Энциклопедический словарь / Ред. А.П. Горкин. М.: Большая советская энциклопедия, 1985. С. 227.

Колонизация Печорского уезда Архангельской губернии в начале XX века (по материалам журнала «Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера)**

Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС) было образовано в г. Архангельске в 1908 г. и стало значительным явлением в общественной и научной жизни Европейского Севера. Материалы исследований членов и корреспондентов общества публиковались в печатном органе общества – «Известиях Архангельского общества изучения русского Севера» (ИАОИРС). В ряду проблем, рассматривающихся на страницах журнала, – проблема колонизации Архангельской губернии занимала одно из центральных мест, так как охватывала решение вопросов земледелия и землепользования крестьянства, освоения и использования полезных ископаемых, лесных ресурсов, транспортное строительство, развитие промыслов, т.е. «... колонизационная емкость Севера не может быть использована правильно, если она будет предпринята для односторонних целей, напр. исключительно для сельскохозяйственного хозяйства, т. к. тогда отодвинулись бы на задний план такие ценности, как лесохозяйственная, горная, рыбная и пр.» [1].

В настоящей статье автор рассматривает материалы журнала по колонизации северо-восточной части Архангельской губернии – Печорского уезда.

Составной частью аграрной реформы П.А. Столыпина являлось изменение форм земельной собственности, землеустройство, переселение, развитие кредитных отношений, проведение аграрных улучшений. 6 мая 1905 г. было образовано Главное Управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), в которое входили: Переселенческое управление, Управление земледелия и землеустройства инородцев, Комитет по землеустроительным делам, сельскохозяйственный совет, совет главноуправляющего, Лесной департамент, Лесной специальный комитет, Департамент земледелия, Ученый комитет. Переселенческое управление занималось переселением, изучением сельскохозяйственной пригодности будущих районов заселения, осуществлением пробных посевов культур. Правительству предстояло решить две задачи: разработать и провести в жизнь программу планомерного научного исследования почвенно-климатических условий заселяемых районов и выявления земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения; подготовить колонизационный фонд к заселению, что подразумевало осуществление широких мелиоративных и дорожных работ. Освоение полезных ископаемых и других природных богатств северных территорий также входило в программу колонизационных мероприятий [2].

Хотя Архангельская губерния и не относилась к основным районам, намеченным к аграрной колонизации, правительством были намечены мероприятия по подготовке и изучению колонизационных возможностей ее территории. В декабре 1908 г. по просьбе главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина архангельский губернатор И.В. Сосновский провел совещание «для обсуждения некоторых вопросов, выяснение которых необходимо для правильной постановки колонизационного дела на Севере». Совещание признало колонизацию Архангельской губернии «настоятельно необходимой, как в видах общегосударственной пользы, так и для поднятия местных производительных сил», отметив, что в деле колонизации существовали серьезные затруднения: отсутствие планов и описаний для большинства казенных дач, отсутствие исследований о пригодности отдельных местностей для заселения, отсутствие свободных для заселения готовых сельскохозяйственных угодий и неразмежеванность казны со сторожилым населением. В отношении Печорского края совещание решило: «...его следует обследовать экспедиционным путем по особо выработанной программе, и колонизацию этого уезда считать особым совершенно самостоятельным делом» [3].

Колонизационные возможности Печорского уезда обследовались Северо-Печорской экспедицией ГУЗиЗ под руководством А.В. Журавского с 1909 г. Журнал ИАОИРС информировал о целях и итогах экспедиции, совещаниях при губернаторе по обсуждению хода экспедиции, выступлениях А.В. Журавского с пропагандой колонизационных возможностей Печорского уезда на различных совещаниях [4]. Программа работ экспедиции предусматривала исследование территории, выяснение места и размера колонизационного фонда, бюджетно-статистическое обследование, производство опытов с сельскохозяйственными культурами в бассейне р.Усы. За пять лет были исследованы «земельные пространства в бассейне р. Печоры от границы Пермской губернии до устья, причем было пройдено вдоль реки 6.547 верст и нанесено на карту свыше 7 миллионов десятин земли. Ко-

* Малкова Татьяна Александровна (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Работа подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001 «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)».

лонизационная емкость Печорского края признана весьма значительной, сама же колонизация – возможна лишь при условии соединения края удобными путями сообщения с остальной Россией» [5].

Для решения вопроса о пригодности природных условий для ведения сельского хозяйства рекомендовалось проведение агрономических опытов и стационарных испытаний. ГУЗиЗ было принято решение об открытии на Печоре в 1911 г. сети опытных пунктов Департамента земледелия и Печорской сельскохозяйственной опытной станции «вне зависимости от расчетов на широкую колонизацию края». Исследования проводились и финансировались по программе, утвержденной Ученым Комитетом ГУЗиЗ. В журнале имеется информация об экспонировании результатов деятельности опытной станции на выставках: в 1910 г. – на 1-й выставке «Русский Север» в Архангельске, в 1912 г. – на Царскосельской сельскохозяйственной выставке в Санкт-Петербурге, в 1913 г. – на Всероссийской выставке по сельскохозяйственному опытному делу в Москве [6].

Колонизационные возможности Печорского уезда с зонами тундр широко обсуждались на страницах журнала. Основная дискуссия развернулась между сторонниками и противниками точки зрения на колонизацию Севера А.В. Журавского и А.С. Нормана. Почти каждый номер журнала выходил со статьями А.В. Журавского, излагающими его позицию на колонизацию Печорского уезда и его тундровую часть, который он называл «Приполярной Россией». Так, в статье «Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного и финансового кризиса» он придерживался точки зрения А.С. Нормана, определяющего тундры Европейского Севера как «пустоши», которые легко и без больших финансовых затрат могут быть превращены в заливные луга, а главным образом в «громадные потенциальные ресурсы» к разрешению аграрного и финансового кризиса в России. Эту гипотезу, например, поддерживал Д.В. Федоров, называя «консерватизмом мысли» недоверие, с которым были встречены обществом смелые и решительные голоса А.С. Нормана и А.В. Журавского о земельных богатствах Севера и полной пригодности его для широкого сельскохозяйственного освоения. А экономист И.Х. Озеров отмечал: «Быть может, для того, чтобы превратить тундру в луга, нужно затратить такие средства, что это экономически станет невыгодным. ...но, во всяком случае, за ними большая заслуга, что они это вопрос выдвинули и о нем кричат» [7].

Главным оппонентом А.В. Журавского был А. Щекотов, опубликовавший в 1910 г. статью «Как легко разрешить аграрный и финансовый кризис в России. (По поводу статей А.В. Журавского)». Автор статьи ставил целью выяснить, насколько правильны окончательные выводы А.В. Журавского «по наблюдениям действительности, согласуются ли они с теоретическими сведениями науки сельскохозяйственной». Доказательства А. Щекотова поставили под сомнение многие скороспелые выводы А.В. Журавского относительно быстрой колонизации тундрового пространства и обострили отношение А. Журавского с Архангельским обществом изучения Русского Севера [8].

Характер переселения обуславливался состоянием транспортной инфраструктуры. Принимаются меры по исследованию возможности строительства железных и грунтовых дорог, каналов на территории Архангельской губернии, что выразилось в составлении и обсуждении проектов строительства и экспедиционном обследовании территории. ИАОИРС сообщают: «Ясно, что географическое положение Севера требует, среди остальных мероприятий, широкого развития путей сообщения, без чего невозможны никакое движение вперед, никакая серьезная культура и разработка естественных богатств, а между тем Север, в отношении путей сообщения, находится в самом первобытном состоянии, и в то время, как в остальных частях Империи строятся или на государственные, или на местные средства, все новые и новые железные, шоссейные и колесные дороги...» [9].

Проекты водных и железнодорожных путей сообщения регулярно обсуждались на заседаниях Архангельского общества изучения Русского Севера, публиковалась информация о прохождении проектов на государственном уровне. В журнале дается классификация проектов: «Несмотря на все обилие предложенных железнодорожных проектов, имеющих целью вывоз сибирского груза, все эти проекты можно разбить на три группы: полярные (проекты гг. Голохвастова, Гетте, Кнорре); южные (проекты гг. Шарвина, Перешнева, Вольтмана) и с севера на юг (проекты гг. Белобородова, Вриони)». Предпочтение отдавалось проекту железной дороги Вольтмана, охватывающего интересы как европейского, так и азиатского Севера [10].

При анализе опубликованного в журнале материала выявились следующие вопросы, связанные с транспортным строительством: споры о преимуществе водных путей перед железнодорожными, участие в решении транспортного вопроса трех губерний – Архангельской, Вологодской и Пермской, каждая из которых подходила со своей экономической точки зрения, особое внимание к проектам, затрагивающим вывоз ухтинской нефти [11].

В 1908 г. Министерство путей сообщения командировало три экспедиции для исследования новых вариантов путей сообщения. Экспедиция под руководством инженера Иогансона исследовала направление: Вымь, Веслянка, Тобышь, Ухта; остальные две под общим руководством инженера Н.В. Попова – направление: Вычегда, Вычегодский Черь, Ижемский Черь, Ижма. Указывалось, что партия учреждена МПС с целью выяснения возможности и приблизительной стоимости устройства водного сообщения р. Ухты с р. Сев. Двины и Камой для удобного и дешевого вывоза богатств Печорского края, а Ухтинской нефти – в частности, за границу и на

внутренние рынки России. К производству работ Министерство путей сообщения предполагало приступить не ранее, чем будет установлено промышленное значение ухтинской нефти. В 1910 г. Н.В. Попов в Петербурге на собрании членов технического общества по строительно-железнодорожному отделу констатировал: «сообщение с Ухтой может быть осуществлено и водное и сухопутное» [12].

На страницах журнала регулярно обсуждался вопрос об Ухтинском нефтеносном районе: дискуссия о открытии или доступе частной инициативы, экспедиционное исследование и проведение разведочных работ государственными организациями и частными кампаниями, проникновение иностранного капитала. С 1905 г. после окончания срока монопольного права на разведку ухтинской нефти, район объявляется свободным для частных предприятий. В итоге результаты разведок частных лиц, описания месторождения, ознакомительные поездки создали снова интерес к Ухте, и районом начинает интересоваться промышленная Россия. 27 марта 1909 г. правительством местность вторично объявляется заведомо-нефтеносной, чем прекращается доступ частной инициативе на Ухту. Состояние вопроса об ухтинской нефти дал в 1910 г. в статье «Ухтинская нефть. К современному положению вопроса» С. Стрижов, отметив изменения в решении этой проблемы: «размеры вновь объявленного заведомо-нефтеносного района значительно превосходят пространство прежнего: вместо прежних 353.505 десятин ныне нефтеносными признаются уже свыше 12.000 квадр. верст» [13].

Правительство приступает к подробной геолого-топографической съемке и производству глубоких разведочных работ на Ухтинском нефтяном промысле горным ведомством под надзором горного инженера В.И. Стукачева и геолога А.Н. Замятина под руководством профессора Горного института Н.Н. Яковлева. В результате в 1910 г. выяснено, что карта Печорского края требует серьезных исправлений, так как карта Главного штаба, служившая ранее базой для производства заявок и отводов, была увеличена в 10 раз и имела отдаленное сходство с местностью [14]. В 1911–1913 гг. на Ухте провел разведки на нефть за счет государственных средств инженер В.И. Стукачев. По показателям четырех пробуренных скважин было дано заключение о том, что промышленных запасов нефти не обнаружено. Таким образом, несмотря на то, что Столыпин снял ограничения на приобретение и разработку месторождений полезных ископаемых, проблемы с Ухтинским нефтяным районом оставались нерешенными.

Несмотря на огромное значение государственных лесов для хозяйственной жизни страны, состояние лесного хозяйства, политика и практика лесного ведомства на Севере не соответствовали государственным задачам лесоохранения, интересам фиска и нуждам малоземельного крестьянства. Реформа ставила задачу определить пригодность для переселения казенных лесных площадей путем специального исследования, проведя разграничение казенных и крестьянских земель. ИАОИРС сообщают в 1909 г.: «Чем скорей отпадут тормозы к развитию лесной промышленности на Севере, что находится всецело в руках правительства, т. к. леса Севера принадлежат почти исключительно казне, чем скорей одновременно с этим будут начаты исследование и устройство лесов, тем поправимее вред, ничем не оправдываемого, неправильного, неправильного пользования лесными богатствами...» [15].

Для решения вопроса лесопользования необходимо было проведение межевых работ, лесоустройство, совершенствование тарифной лесной политики, изучение и обследование лесных рынков, транспортных условий экспедициями Лесного департамента ГУЗиЗ. АОИРС сообщают, что летом 1910 г. директор Лесного департамента А.Ф. Кублицкий-Пиотух, объезжая Север для выяснения нужд лесопромышленного дела северного района, в июле 1910 г. в г. Архангельске провел совещание с местными деятелями Севера, где были охарактеризованы запросы и нужды местной лесной промышленности и отношение к ним представителей монопольного владельца лесов – лесного ведомства. Представители лесной промышленности отмечали неудовлетворительность производящихся работ по исследованию лесов Севера, имеющих целью выяснить степень производительности и размер пользования. Совещание резюмировало: «Исследование на местах должно также поставить и возможно полно осветить и общие вопросы, касающиеся дальнейшего развития лесного дела на Севере, путем различного рода мелиоративных мер, как-то: расширения и улучшения сплава и путей сообщения вообще, колонизация края, привлечение частной лесопромышленности на места разработки леса в лесные дачи в связи с теми или другими льготами по устройству в дачах лесопильных, целлюлозных и других лесотехнических заводов» [16].

Таким образом, изучение материалов дореволюционных периодических изданий позволяет осветить многие важные вопросы в истории колонизации Печорского уезда. Особая миссия периодики заключалась в способности оказывать влияние на продвижение реформ в жизнь. Это было вызвано потребностью самого общества, заинтересованного в социально-экономическом развитии периферии.

Источники и литература

1. Известия Архангельского общества изучения русского Севера (далее – ИАОИРС). 1909. № 2. С. 3–6.
2. Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2011. С. 115, 433, 437.
3. ИАОИРС. 1909. № 5. С. 47–56.

4. ИАОИРС. 1909. № 2. С. 51–55; № 9. С. 58–68; № 15. С. 98–103; 1910. № 1. С. 48–50; № 23. С. 108–109.
5. ИАОИРС. 1913. № 1. С. 39.
6. ИАОИРС. 1910. № 7. С. 51; № 15. С. 63; № 17. Л. 44; 1911. № 8–9. С. 641; № 10. С. 837.
7. ИАОИРС. 1909. № 1. С. 67; 1910. № 8. С. 1–3; № 20. С. 64–67.
8. ИАОИРС. 1910. № 21. С. 11–31.
9. ИАОИРС. 1909. № 7. С. 2–4.
10. ИАОИРС. 1909. № 11. С. 2–6.
11. ИАОИРС. 1909. № 3. С. 79–80; № 4. С. 63; № 10. С. 96; № 11. С. 6–8; № 12. С. 62; № 14. С. 75.
12. ИАОИРС. 1909. № 1. С. 58; № 4. С. 55; 1910. № 1. С. 1–19; № 7. С. 39; № 8. С. 67.
13. ИАОИРС. 1910. № 6. С. 6–12.
14. ИАОИРС. 1909. № 3. С. 78; № 4. С. 55; 1910. № 4. С. 55; № 18. С. 67.
15. ИАОИРС. 1909. № 6. С. 2–4.
16. ИАОИРС. 1910. № 15. С. 41; № 24. С. 1–20.

Памятные книжки как источник по истории населения Коми края второй половины XIX века**

Во второй половине XIX в. существовало большое количество официальных справочных материалов, издаваемых как правительственными, так и местными органами власти. Укажем лишь некоторые из них: «Северная Почта» (с 1868 г. – «Правительственный Вестник» [1]), «Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском московском университете», «Губернские ведомости», «Материалы для оценки земель Вологодской губернии», «Обзоры Вологодской губернии и др. К этой когорте провинциальных источников информации относилась и памятная книжка – ежегодник, выпущенный в 89 губерниях Российской империи с середины 1830-х до 1917 гг. [2]. Этот уникальный сборник позволяет сегодня исследователям изучать социально-экономическое, политическое развитие как отдельно взятого региона, так и империи в целом, получать сведения о культуре и быте местного населения.

Несмотря на то, что в каждой губернии памятные книжки имели свои особенности, все они содержали в себе четыре основных раздела:

- ✓ адрес-календарь – перечень всех губернских и уездных правительственных и общественных учреждений с их личным составом;
- ✓ административный справочник – сведения об административном делении губернии; о почтовых и телеграфных учреждениях, путях и маршрутах сообщения в пределах губернии; о промышленных и торговых предприятиях, больницах и аптеках, учебных заведениях, музеях и библиотеках, книжных лавках и типографиях; о периодических изданиях, выписываемых и издаваемых в губернии; списки населенных мест, списки крупных землевладельцев губернии и т. д.;
- ✓ статистический обзор – статистические таблицы населения, землевладения, сельского хозяйства, данные по судебной, медицинской, фабрично-заводской статистике, о системе народного образования, данные о пожарах, доходах населения и их недоимках и т. д.;
- ✓ научно-краеведческий сборник – источникиведческие, описательные, научно-исследовательские, археографические и библиографические материалы [3].

В исследуемый период Коми край входил в состав Вологодской (Усть-Сысольский и Яренский уезды) и Архангельской (Печорский, Мезенский уезды) губерний [4]. Следовательно, для более полного представления происходивших в регионе демографических процессов необходимо привлекать памятные книжки по обеим губерниям. Автором же использованы книжки для Вологодской губернии [5], так как основной задачей работы является не изучение процессов изменения населения в Коми крае, а рассмотрение указанного сборника в качестве источника информации по данной проблеме.

Публикация сборников осуществлялась губернским правлением по распоряжению губернатора. С 1862 г. она приобрела статус издания Статистического Комитета Вологодской губернии [6]. Как следствие, в ней стали помещаться материалы и сведения, собранные местным Комитетом. Для демографов представляет интерес раздел статистики, посвященный обзору произошедших изменений среди населения. А именно:

1. Погодовые сведения о демографической ситуации в регионе.
2. Сословный и половой состав населения в целом по губернии, по уездам и городам.
3. Плотность населения по уездам.
4. Национальный состав населения (но в основном по губернии).
5. Рождаемость и смертность по уездам и городам.
6. Рождаемость и смертность по месяцам.
7. Смертность по возрастам.
8. Количество браков и возраст брачующихся.
9. Распределение населения по вероисповеданию.

Хотя памятные книжки являлись ежегодным изданием, во второй половине XIX в. их публикация нередко задерживалась, и они выходили раз в два года. Причин тому несколько: во-первых, из-за «недостатку типографских средств... губернского города» [7]; во-вторых, позднее поступление в Статистический Комитет статей и

* Попов Сергей Александрович (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми нЦ УрО РАН.

** Работа подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-У-6-1001 «История и культура Европейского Севера России в XVII – середине XX века (новые источники)».

материалов, предназначенных для печати [8]. В этих случаях «пропадали» сведения за отдельные годы. Например, в Памятной книжке на 1865–1866 гг. приводится численность населения на 1864 г. [9], в Памятной книжке на 1867–1868 гг. – за 1866 г. [10].

В последней четверти XIX в. практика издания ежегодников раз в два года стала постоянной. Более того, статистические данные приводились не за прошлый год, а за два-три года позже. Так, в издании 1875 г. содержатся данные по демографии – к 1873 г. [11]. В конце 90-х гг. XIX в. в источнике перестали издаваться статистические сведения об изменениях в численном составе населения губернии, следовательно, и в Коми крае (табл. 1). Причина этого в том, что полученные данные первой Всероссийской переписи населения (1897 г.) были полностью обработаны Центральным Статистическим Комитетом лишь к 1901 г. [12]. Указанные же в табл. 1 сведения за 1897 г. – «предварительные местные подсчёты результатов переписи» [13]. Информация относительно естественного прироста населения за аналогичный период в источнике вообще отсутствует (табл. 2).

Таблица 1

Динамика численности населения

Уезд	Год	Численность населения, чел.	В том числе население, чел.		Процент ко всему населению уезда	
			Городское	Сельское*	Городское	Сельское
Усть-Сысольский	1861	67347	3318	64029	4,9	95,1
	1864	69144	3453	65691	5	95
	1869	71063	3509	67554	4,9	95,1
	1871	73780	3600	70180	4,9	95,1
	1873	76394	3704	72690	4,9	95,1
	1878	83809	3959	79850	4,7	95,3
	1892	102543	4517	98026	4,4	95,6
	1894	106408	4656	101752	4,4	95,6
Яренский	1861	34291	1000	33291	2,9	97,1
	1864	36430	1112	35318	3,1	96,9
	1869	34973	1166	33807	3,3	96,7
	1871	35897	1170	34727	3,3	96,7
	1873	36797	1156	35641	3,1	96,9
	1878	40259	1202	39057	3	97
	1892	48930	1345	47585	2,7	97,3
	1894	50484	1352	49132	2,7	97,3
	1897	47038	1049			

* Подразумевается население уездов.

Во второй половине XIX в. на территории Коми края наблюдался постоянный рост населения, что было закономерно для всей губернии [14]. Основная часть проживала в селах и деревнях. Так, в Усть-Сысольском уезде в процентном соотношении на протяжении всего исследуемого исторического периода сельское население составляло 95% от общего числа жителей. В Яренском уезде этот показатель варьировался от 96,7 до 98,1%. Причина этого в весьма значительном оттоке населения за пределы уезда в поисках заработка. Уровень урбанизации в крае был незначительным: около 5% – в Усть-Сысольском и 2-3% – Яренском уездах. Аналогичная картина наблюдалась по всей губернии: в конце 1890-х гг. в городах проживало 4,7% всего наличного населения [15].

На уменьшение численности населения в годы правления Николая II оказал влияние целый ряд фактов. Во-первых, в этот период наблюдался весьма низкий процент среднегодового прироста населения [16]. Во-вторых, в конце XIX в. в целом по губернии отмечалось уменьшение миграции населения. Причина тому – суровость климата и недостаток пригодных для земледелия территорий. В-третьих, в 1890-е гг. Вологодская губерния занимала первое место на Европейском Севере по числу отходников [17].

Постоянное увеличение населения Коми края во второй половине XIX в. осуществлялось главным образом за счёт естественного прироста населения (табл. 2).

Увеличение населения напрямую зависело от экономической ситуации в регионе. В исследуемый период в стране часто наступал голод (1867–1868 гг., 1873 г., 1891 г. [18]), провоцируемый, как правило, неоднократными неурожаями в крестьянских хозяйствах. Это отразилось на сведениях, представленных в источнике. Так, за 1869 г. (по Усть-Сысольскому уезду) и 1892 г. мы наблюдаем резкое снижение в уровне прироста населения.

Естественный прирост населения*

Уезд	Год	Число родившихся, чел.	Число умерших, чел.	Естественный прирост, чел.
Усть-Сысольский	1861	3251	2926	325
	1864	2952	1894	1058
	1869	2775	2090	685
	1871	2974	1496	1478
	1873	3356	2134	1222
	1879	3274	1865	1409
	1892	3769	3432	337
	1894	4023	2522	1501
Яренский	1861	1467	1384	83
	1864	1313	915	398
	1869	1533	1091	442
	1871	1366	863	503
	1873	1496	1090	406
	1879	1536	959	577
	1892	1715	1901	-186
	1894	1920	1332	588

* Включая население уездных городов.

Таким образом, памятные книжки Вологодской губернии позволяют исследователям изучать происходившие во второй половине XIX в. в Коми края демографические процессы. Поуездная и погородская раскладка статистических данных способствует не только рассмотрению интересующих вопросов в отдельно взятом регионе, но и сопоставлению выявленных данных по территориям. С другой стороны, утвердившаяся в конце XIX в. практика издания материалов раз в два года не позволяет специалистам выявить полную картину уровня развития демографии. Как следствие, они вынуждены прибегать к другим источниками информации.

Источники и литература

1. Более подробно см.: [Электронный ресурс]. – URL: <http://bse.sci-lib.com/article100536.html>
2. Памятные книжки: [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Памятная_книжка
3. Там же.
4. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998. С. 32–34.
5. Познакомиться с ними можно: [Электронный ресурс]. – URL: <http://chigirin.narod.ru/book.html#spravochniki>
6. Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1864.
7. Памятная книжка Вологодской губернии на 1862 и 1863 гг. Вологда, 1863. Вып. I.
8. Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 гг. Вологда, 1866.
9. Статистические материалы // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 гг. Вологда, 1866. С. 11–21.
10. Перепись сельского населения Вологодской губернии за 1866 г. // Статистические материалы, составленные из ведомостей однодневного исчисления жителей / Прибавление к Памятной книжке Вологодской губернии на 1867 и 1868 гг. Вологда, 1868. С. 2–35.
11. Статистические данные // Памятная книжка Вологодской губернии на 1875–1876 гг. Вологда, 1875. С. 11–63.
12. Обзор Вологодской губернии за 1901 г. Вологда, 1902. С. 35.
13. Статистический временник // Памятная книжка и адрес-календарь Вологодской губернии на 1899–1900 гг. Вологда, 1899. С. 2.
14. Пинаевский Д.И. Демографические аспекты развития Европейского Севера России в середине XIX – начале XX века // Этнодемографические процессы на Севере Евразии: Сб. научных трудов. М.; Сыктывкар, 2005. Вып. 3. Ч. 2. С. 156.
15. Бондаренко О.Е. Население Коми края в конце XIX в. (по материалам переписи 1897 г.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. С. 156. (Труды ИЯЛИ. Вып. 29).
16. По Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниям он являлся одним из самых низких относительно других районов России (1,63%). См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). В 2 т. 2-е изд., испр. СПб., 2000. Т. 1. С. 23.
17. История северного крестьянства. В 4-х т. / Под ред. Ю.А. Полякова. Архангельск, 1985. Т. 2: Период капитализма. С. 89.
18. Николаев А.А. История русского крестьянства в 4-х популярных лекциях. СПб., 1909. С. 55. На постоянные неурожаи указывает Г.И. Просвирина: Просвирина Г.И. Деятельность различных государственных учреждений России в области сельского хозяйства в конце XIX – начале XX веков (По материалам Вологодской губернии) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). / Сб. статей. Вологда, 1981. С. 66, 69, 71, 73.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

*А.В. Белов**

Историческая география – эволюция научного направления (этапы, тенденции, новообразования)

О противоречивости и недосказанности. С внешней стороны понятие «историческая география» вызывает меньше всего вопросов. Оно широко известно как специалистам, так и широкому кругу людей, и при упоминании практически ни у кого (даже непосвященных) не вызывает чувства досадного недопонимания (чего не скажешь, например, о неографии, проспографии или филотаймии). Однако, несмотря на абсолютную внешнюю узнаваемость слов, термин, который они формируют, не столь однозначно прозрачен, а задачи и возможности научного направления, которое за ним стоит, обозначены.

Хотя трактовку понятия «историческая география» можно найти практически в любом «толстом» словаре, но по прочтении остается ощущение недосказанности. В частности, смущает широкая, фактически безграничная формулировка предмета – «пространственные аспекты исторического процесса». Тем более что пространство, как писал видный французский исследователь (в том числе и историко-географических аспектов) Ф. Бродель, «будучи источником объяснения, затрагивает все реальности истории, всё, имеющее территориальную протяжённость: государства, общества, культуры, экономики...». При этом, несмотря на постоянное подчеркивание сложности и междисциплинарности направления, главные решаемые им задачи остаются весьма утилитарными и простыми – выяснение точного местоположения тех или иных исторических объектов на конкретном историческом этапе, или наложение исторического процесса на географическую карту. Данную функцию можно принять за основу отечественного варианта, если бы не многочисленные высказывания историков и географов, тесно связанных с данным направлением своими научными интересами.

Так, еще на рубеже XIX–XX вв. автор одного из самых первых курсов исторической географии С.М. Середонин писал, что историческая география изучает «взаимоотношение человека с природой». Забытые наработки вековой давности, когда о сложности предмета в условиях диктата формационной теории предпочли забыть, проросли. Спустя сто лет, О.М. Медушевская, формулируя цель исторической географии уже на современном этапе развития науки, увидит главное её значение в «гуманитарно-антропологическом подходе» как очеловечивании истории, её изучении не в «абстрактном математическом пространстве... но в реальном пространстве географических условий человеческой деятельности» [1].

Что же такое историческая география с точки зрения своих задач и возможностей, какое место в системе исторических наук она занимает на сегодняшний день, каковы возможности её дальнейшего развития? Ответы на поставленные вопросы следует искать, в том числе, в процессе возникновения, становления и дальнейшего развития исторической географии, анализе поэтапного утверждения новых задач, которые ставили перед собой её создатели, формирования того состояния, в котором дисциплина пребывает на сегодняшний день и тех перспектив развития, которые наметились внутри неё.

Этапы и новообразования. Анализируя процесс становления и развития исторического знания в нашей стране, можно выделить шесть ступеней развития дисциплины, каждая из которых привносила с собой новые подходы, цели и возможности. Это – первая половина XVIII в.; вторая половина XVIII – 80-е гг. XIX в.; конец XIX – первая треть XX в.; вторая четверть и середина XX в.; вторая половина XX в.; рубеж XX–XXI вв.

Для первого этапа развития историко-географического направления (первая половина XVIII в.) характерно не столько обращение к сюжету, процессу или проблеме, сколько к точке на карте, осознание необходимости историко-географического знания, его особой важности для установления точного места исторического события. Обращение к данному сюжету на самом раннем этапе становления отечественной исторической науки было вызвано спецификой времени и научной дискуссии, которая протекала в условиях обострения знаменитого спора по норманнскому вопросу.

* Белов Алексей Викторович (Москва) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Центр изучения истории территории и расселения России), belovavhist@mail.ru.

Историко-географические изыскания были использованы представителями сразу обеих «партий» с целью получения доказательства правоты своей позиции. Так, Ф.З. Байер создаёт работу «О происхождении и древнем местожительстве скифов», М.В. Ломоносов – «Древнюю российскую историю от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г.». Одиозная и политически окрашенная дискуссия, исчерпавшая в итоге свой предмет в том виде, в каком он был сформулирован, породила условия, способствовавшие развитию науки (поиск и критика источников, выработка гипотез, аргументов и приёмов их защиты). Одним из его результатов стали (в том числе) и работы историко-географического направления. Своё место в системе изучения истории историческая география заняла практически сразу. Уже В.Н. Татищев, которого многие считают основателем русской исторической географии, напишет в 1737 г.: «... история или деесказания и летописи без землеописания совершенного удовольствия к знанию нам подать не могут» [2].

Таким образом, возникнув в первые десятилетия XVIII в. как составная часть формирующейся исторической науки, историческая география сразу обрела качество вспомогательной дисциплины. Её значение в этом статусе трудно недооценить, тем более что оно ни мало не утратило своей актуальности вплоть до наших дней и наверняка не будет утрачено никогда.

Второй этап развития историко-географического направления приходится на вторую половину XVIII – 80-е гг. XIX в. Для него характерно развитие идей, заложенных в первые десятилетия XVIII в. Новизна подхода заключается в первую очередь в масштабе и качестве работ: внимание исследователя уходит от частных вопросов и сосредотачивается на создании крупного исследования по конкретной тематике, наблюдаются расширение поля исследований и погружение в источник, работе с которым уделяется главное место. При этом направление по-прежнему сохраняет вспомогательный характер.

На этом этапе, в частности, увидело свет фундаментальное исследование Н. Барсова, рассматривавшего историческую географию первых веков русской летописной истории [3]. Наряду с ним появляются работы, посвященные подробному разбору наиболее информативных историко-географических сочинений (описаний и путешествий иностранцев) и созданию к ним обстоятельных комментариев: комментарии Е.И. Замысловского к «Запискам» Герберштейна [4], комментарии А.М. Ловягина к запискам Мейерберга и описанию посольства Кунрода ван Кленка [5]. Составной частью и результатом этой работы стало опубликованное в 1866 г. выпускное сочинение В.О. Ключевского «Сказания иностранцев о московском государстве» [6].

Для второго этапа становления исторической географии характерна переработка первичного и наиболее информативного (в интересующем направлении) источникового материала, быстрое накопление массы конкретных научных данных, которые вскоре вызывают к себе интерес исследователей ключевых тем отечественной истории, авторов аналитических работ. Помимо диссертации В.О. Ключевского к ним можно отнести рассмотрение процессов колонизации А.А. Шахматовым; историко-географическую проблематику в трудах М.М. Богословского [7]; блистательный обзор исторических районов России начала XVII в. С.Ф. Платонова [8] и Ю.М. Готье [9]; исследование транспортной инфраструктуры Н.П. Загоскина [10] и др. Задуманные и начатые на этом этапе, они были окончательно реализованы только в начале XX в., став связующим звеном обоих ступеней развития историко-географического направления.

Не менее важным нововведением, относящимся к XIX в., стало рассмотрение в качестве важного фактора природно-климатических условий. Их влияние на судьбу страны и особенностей её развития стало важной темой и обязательной составной частью многих исследований, предворяя, в частности, обзорные работы таких корифеев «досоветской» школы как С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского.

В середине и второй четверти XIX в. впервые историко-географические проблемы стали предметом рассмотрения географической науки. Причиной этого стало активное развитие отечественной географии и, в частности, создание в 1845 г. «Императорского Русского географического общества», в составе которого начали функционировать отделения статистики и этнографии, а затем и топонимики [11].

Таким образом, данный этап стал временем накопления историко-географических данных и вовлечения их в широкий научный оборот. Можно говорить о характерном для этого периода переходе «из количества в качество», признаком которого является создание самостоятельных работ (или больших составных частей аналитических работ), посвященных крупным проблемам историко-географического характера. При этом направление по-прежнему сохраняло вспомогательные функции как основные. Налицо, как и раньше, было отсутствие самостоятельных задач и предмета исторической географии.

Третий этап развития исторической географии (конец XIX – первая треть XX в.) стал временем утверждения за ней роли самостоятельной исторической дисциплины, отличительной чертой которой становится формирование собственного, присущего ей направления исследования исторического процесса. Целью при этом является не критика источника (как на предыдущем этапе), а осуществляемый (наряду с ней) анализ широкого круга историко-географического материала с целью получения новых общепризнанных данных.

Рубеж веков – период появления первых лекционных курсов исторической географии: В.Е. Данилевича (в Варшавском университете), И.Г. Любавского и С.М. Середонина (в Московском и Петербургском археологическом институте). Это обстоятельство является признаком, с одной стороны, завершения накопления основной части знаний по предмету, что позволило создать обзорный курс. С другой, выступает в качестве закрепления за данным научным направлением статуса, который условно можно обозначить как статус «самостоятельной» научной дисциплины. Причем, как в сознании исследователей, так и в научной практике.

Другим свидетельством глубины, которую достигло историко-географическое направление в начале XX в., стало возникновение в его рамках нескольких научных школ («московской», «киевской» [12]) и ряда направлений. Одним из них выступает деятельность профессора Московского университета М.К. Любавского.

Значение «школы Любавского» состоит в установлении приоритетного направления историко-географического исследования. То есть впервые называет не только объект, но и предмет изучения: колонизация и формирование национальных границ («Изложение исторической географии России по самому существу дела необходимо связывается с историей колонизации нашей страны русским народом» [13]). В этом направлении историческая география двигалась подавляющее время своего существования и здесь же ею достигнуты наибольшие на сегодняшний день результаты.

Солидарность со взглядами М.К. Любавского выражали и другие историки, вплотную занимавшиеся историко-географическими вопросами. В частности, авторы первых лекционных курсов по исторической географии С.М. Середонин и А. А. Спицын. Так, перу первого принадлежит формулировка, повторяющая мысли М.К. Любавского, но заметно конкретизирующая направление исследований: «Русская историческая география изучает, прежде всего, распределение славянских племён на Восточно-европейской равнине. Затем образование русского народа дальнейшее колонизационное движение его, распадение на отдельные ветви. Она определяет границы русского государства в разные эпохи его существования, ... границы основных частей государства...; указывает местоположение пунктов, замечательных в историческом отношении и упоминаемых в источниках. А равно направление путей (колонизационных, торгово-промышленных и военных). Наконец, она изучает народности, с которыми приходится сталкиваться русскому племени...; изучает, далее, историческую географию климатических и географических условий, в которых жил русский народ» [14]. Высказывания на эту же тему А.А. Спицына [15] и В.Е. Данилевича [16] не отличаются от позиции их коллег. В связи с этим представляется интересным иное утверждение, высказанное С.К. Кузнецовым – третьим автором курса исторической географии начала XX вв. В 1910 г. (т.е. уже после выхода в свет работ М.К. Любавского) С.К. Кузнецов отмечает отсутствие четкого определения объекта и задач дисциплины («крайне неопределенно» [17]), которая далеко вышла за пределы своего вспомогательного начала. Его позиция демонстрирует, что уже в начале XX в. был замечен не только отход исторической географии от выполнения функций сугубо вспомогательной дисциплины, но и распространение как её предмета, так и исследовательского потенциала далеко за пределы темы колонизации и границ.

Четвертый этап (вторая четверть и середина XX в.) замкнулся между двумя противоположными точками развития историко-географического направления. С одной стороны, 20-е гг. XX в. – время окончательного оформления идей школы М.К. Любавского (и других исследователей). С другой – «послевоенный» период. Этот достаточно небольшой отрезок вобрал в себя сразу две абсолютно противоположные тенденции. Наряду с замиранием исследований в области исторической географии, выразившейся, в первую очередь, в отсутствии новых идей и подходов. С другой, – не менее очевидное развитие, проявившее себя в использовании историко-географического материала в целом ряде крупных исторических работ, многие из которых стали впоследствии классическими.

Относительный застой, некое «замораживание» процесса активной разработки приёмов историко-географического исследования имели несколько причин. Так, нельзя сбрасывать со счетов влияние Великой Отечественной войны, победа в которой требовала концентрации всех сил, что вело к приостановке многих академических научных направлений. Так, например, знаменитая статья В.К. Яцунского, в которой были высказаны новые подходы к историко-географическому исследованию, увидела свет в журнале «Историк-марксист» еще в 1941 г. [18]. Реализация самих идей пришлось уже на вторую половину 1950-х гг.

Имели место и другие причины торможения развития исторической географии. Наибольшую роль сыграло установление в стране диктатуры вульгарно-марксистской парадигмы. Сам принцип нарушения принятой константы мог быть неизбежно оценен как политическая неблагонадежность и даже оппозиционность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одним из главных последствий вульгарной социологизации и формационности стала потеря в значительной степени наработок предшествующих десятилетий, которые не получили своего развития. В частности, в «небытие» ушло рассмотрение пространства как фактора, влияющего на пути и формы развития страны и ее народа. И это несмотря на самое широкое использование данного подхода в работах конца XIX в. В результате историко-географические знания (по точному и оригинальному выражению занимав-

шегося исследованием этого процесса В.А. Муравьёва) «поневоле уходили в эрудиционную область, сохраняя научное наследие, противодействуя вульгаризации исторического мышления» [19].

Именно в «эрудиционной» форме историческая география получила свое развитие на данном этапе. Как это не парадоксально, но уже в послевоенное время (т.е. в рамках полного отсутствия каких бы то ни было послаблений на «идеологическом фронте») наблюдается рост числа высококачественных академических исторических исследований, авторы которых активно и продуктивно используют историко-географическую проблематику (Б.Б. Кафенгауз [20], С.Б. Веселовский [21], М.Н. Тихомиров [22] и др.). Наряду с ними продолжилась разработка темы колонизации, обоснованной в рамках «научной школы М.К. Любавского». Так, в 1947 г. появляются фундаментальные исследования С.Б. Веселовского, отличительной чертой научных интересов которого стало рассмотрение региональных особенностей землевладения [23]. Не менее важно исследование А.Н. Насонова, рассматривавшего территориальные процессы раннего периода истории Древнерусского государства и его исторических регионов [24].

Наряду со старыми, отработанными направлениями стало наблюдаться возникновение ростков новых, но еще не заявивших о себе подходов [25], которые получают развитие на следующем этапе эволюции исторической географии.

Пятый этап (вторая половина XX в.) – один из трех (наряду с началом XVIII и рубежом XIX–XX вв.) периодов, когда историко-географическое направление приобретало качественное своеобразие. В первую очередь это связано с деятельностью В.К. Яцунского – крупного историка, создателя и первого руководителя отдела исторической географии Института истории Академии наук СССР (ныне – группа в составе Института Российской истории РАН). Ему принадлежит не только заслуга придания исторической географии нового импульса развития, но формирования самой структуры этого направления, которое существует до сих пор практически в неизменном виде.

Для задач структурирования В.К. Яцунский воспользовался системой наук классической географии. Согласно его подходу предмет исторической географии тот же, что и в географической науке: физическая география, экономическая география, политическая география и география населения. В последнее время к ней стали добавлять культурную географию. Разница между двумя дисциплинами заключается в первую очередь в том, что в истории понимание предмета строится «на основе периодизации, принятой в исторической науке» и дается для «данной страны или территории на соответствующем данной периодизации отрезке времени» [26]. Основными элементами изучаемых характеристик выступают: «физико-географический ландшафт данной эпохи», «население с точки зрения его этнического состава», «размещения и передвижения по территории», «география производства и хозяйственных связей», «география внешних и внутренних границ, а также важнейших исторических событий» [27]. В практике исторического исследования каждое направление получает соответствующую приставку, например, «историческая физическая география», «историческая экономическая география» и т.д. Несмотря на разделение, изучение всех составных частей ведется не изолированно, а в «их взаимной связи и обусловленности». Каждое из направлений имеет свои собственные объекты рассмотрения.

Основные составные части исторической географии выглядят следующим образом. Историческая физическая география изучает и реконструирует природный ландшафт, существовавший на определенных исторических этапах. Историческая политическая география – границы (внутренние и внешние) племен, союзов, княжеств, государств; административное деление; маршруты военных походов; географию народных выступлений; и т.д. К данному направлению могут быть отнесены упомянутые выше работы М.К. Любавского, А.Н. Насонова, М.Н. Тихомирова [28] и др. исследователей. Историческая экономическая география изучает экономику страны и ее области с отраслевой и порайонной характеристикой; влияние на этот процесс природной среды; географию населения; пути сообщения. К работам данного направления относится ряд исследований С.В. Бахрушина, Б.Д. Бакуолева [29], а также самого В.К. Яцунского и др. Историческая география населения рассматривает вопросы возникновения и развития поселенческой сети и проблемы исторической демографии.

С точки зрения советской исторической науки 1960–1970-х гг., развитие исторической географии должно пойти по двум направлениям. Первое – развитие традиционных тем. Новизна заключается в привлечении идей марксистско-ленинской методологии. Второе направление – изучение (в рамках исторической географии) производства и хозяйственных связей применительно ко всему спектру общественно-экономических формаций.

Исследования самого В.К. Яцунского были посвящены вопросам «исторической экономической географии» и тесно сопряжены с темой зарождения и развития капитализма в России. Опираясь на данные статистики, он рассматривал проблемы экономического районирования, географию производства и хозяйственных связей. Предложенный В.К. Яцунским подход также был реализован в трудах ряда крупных исследователей (Л.В. Черепнин, Л.Г. Бескровный, В.М. Кабузан, Я.Е. Водарский и др.). В значительной степени и сегодня развитие исторической географии в нашей стране продолжается в рамках схемы, намеченной В.К. Яцунским.

В ходе историко-географических исследований оформилась группа источников данного направления [30]. К важнейшим из них относятся летописи, составившие первый круг источников, использующихся при исследовании проблем исторической географии; акты, материалы, писцовые и переписные книги; ревизские сказки и «Списки населённых мест»; дозорные, обыскные, отдельные и др. книги; карты, атласы, планы; данные экономических примечаний генерального межевания; нарративные источники (записки путешественников, летописи церковнослужителей, сообщения краеведов) и др.

Уже в середине 1960-х гг. В.К. Яцунский обосновал историческую географию как научное историческое направление, которое выходит за рамки вспомогательной исторической дисциплины. Буквально – «шире, чем вспомогательное» [31].

Шестой этап развития исторической географии может быть обозначен как «наше время» (рубеж XX – XXI вв.). На сегодняшний день существует несколько научных центров, разрабатывающих историко-географическую проблематику (ИРИ РАН, Институт географии РАН, ИАИ РГГУ, МГУ и др.). В рамках созданного В.К. Яцунским центра изучения историко-географических проблем при ИРИ РАН продолжают работы, связанные с именами ряда современных историков (К.А. Аверьянов [32], Я.Е. Водарский [33], В.А. Дёмкин [34], Э.Г. Истомина [35], О.А. Шватченко [36]), а также демографов и историков-демографов (Ю.А. Поляков [37], Н.А. Араловец [38], В.Б. Жиромская [39]). Особое место занимают работы В.М. Кабузана [40]. Проблемы исторической географии в разной степени подробно разбирались или только затрагивались в других структурах Института российской истории, а также институтах Российской академии наук (В.Я. Гросул, Н.А. Иванова, В.А. Кучкин; С.З. Чернов, А.А. Юшко; Г.М. Лаппо и др.), на историческом факультете Московского государственного университета (Н.Г. Абрамова; Д.К. Шелестов), в Историко-архивном институте РГГУ (О.М. Медушевская, В.А. Муравьёв) и др.

Эволюция исторической географии на современном этапе связана в первую очередь с дальнейшим развитием оформившихся направлений экономической исторической географии (географией хозяйства), географией населения. Одновременно с этим налицо ряд особенностей, вызванных усложнением направления, заметным расширением его поля деятельности и задач. Прежде всего это осознание ограниченности приёмов одной научной дисциплины для понимания реальности, которое многообразно и требует привлечения в исследовании подходов и приёмов различных наук (географии, социологии, культурологи и др.).

В результате усложнения историческая география всё заметнее выступает не только как составная часть исторической науки, но и в качестве междисциплинарного направления научного исследования. В первую очередь это проявляется во взаимопроникновении друг в друга двух наук, на базе которых и возникла историческая география, двух ее корней – истории и географии.

Другой особенностью развития исторической географии в последние десятилетия стало осознание необходимости разрешения накопившихся задач. Во-первых, формирование аппарата дисциплины, дальнейшей разработки её теории. Исследования в этом направлении ведутся, в частности, Л.Б. Вампиловой [41]. Во-вторых, обеспечение перехода от общих, масштабных к узорегиональным темам, что позволит «заметить» целый ряд проблем, пропущенных при «крупномасштабном» взгляде. В последнее время данный подход получает всё большее развитие в рамках, в частности, исторического краеведения. В связи с этим направлением остро встает вопрос о выделении исторически сформировавшихся (а не только административных) исторических регионов. Попыткой разрешения этой проблемы в рамках одного региона является, в частности, работа В.Г. Шведова [42].

Современное состояние исторической географии отличается выполнением ею одновременно нескольких функций, которым присущи свой предмет, свои задачи и особенности. В результате в системе современной исторической науки (не имеющей точно сформулированной структуры) историческая география выступает в нескольких ипостасях.

Первая – вспомогательная, преследующая своей целью фиксацию (локализацию) исторических объектов, событий или процессов, описание формирования границ и колонизации. Историк и автор курса исторической географии А.А. Спицын уже в начале XX в. выразит эту функцию как «установление... исторического пейзажа» [43]. Составной частью данного направления выступают так или иначе все преподаваемые курсы исторической географии.

Вторая – изучение различных пространственных аспектов исторического процесса, разбитых по классическим историко-географическим направлениям, сформулированным В.К. Яцунским. В этом отношении историческая география выступает всё в большей степени не как одна из вспомогательных дисциплин, а в качестве крупного и самостоятельного научного направления.

На сегодняшний день налицо целый комплекс, как правило, личностных наработок, «созвездий» имен крупных исследователей и созданных ими направлений, которые продолжают развиваться: Я.Е. Водарский и В.М. Кабузан – историческая география населения, смыкающееся с исторической демографией (Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, Н.А. Араловец); Э.Г. Истомина и В.Л. Мартынова – транспорт; В.К. Яцунский и В.А. Дёмкин – эконо-

мика (чаще промышленность); М.К. Любавский, А.Н. Насонов – формирование территории; С.Б. Веселовский, С.З. Чернов, О.А. Шватченко – феодальное землевладение; О.М. Медушевская – историческая картография (выступающая одновременно как составная часть и родственная дисциплина); Л.Б. Вампилова, О.М. Медушевская, В.А. Муравьев – место исторической географии в системе вспомогательных научных дисциплин и научного знания; и др. А также новые направления, в частности, историческая география культуры – Э.Г. Истомина [44] и др.

К группе наметившихся задач можно отнести недостаточно разработанную тему пространства, но не как места действия, а в качестве самостоятельного фактора исторического процесса. Зарождение подобного отношения возникло достаточно рано. Уже мыслители эпохи просвещения заявили о необходимости учитывать географический фактор. Так, Ш.Л. Монтескье писал о влиянии климата на историю народов; русский историк середины XVIII в. Н.А. Полевой высказывал догадку об изменении характера исторического развития по направлению с северо-запада на юго-восток. Большинство университетских курсов начала XX в. предварялись обстоятельным географическим обзором страны, раскрывающим особенности национальной истории. В качестве концептуальной идея пространства выступала у П.Н. Милюкова и некоторых других историков. У наших современников этот подход присутствует крайне редко. Наверное, единственным примером проявления по настоящему пристального внимания к этой теме выступают монографические исследования А.В. Дулова [45] и Л.В. Милова [46].

Иными словами результаты, достигнутые в рамках изучения влияния географического пространства (ландшафта, природно-географических условий), были весьма заметны. Однако, по замечанию В.А. Муравьева, они оказались потеряны в результате двух процессов. Сначала благодаря внедрению «обществоведения», догмата теории общественно-экономической формации [47], а впоследствии – в ходе утверждения новых глобальных идей (гражданского общества, стремления к свободе, общей мировой истории), которые оттеснили «на задний план» проблематику исторической географии «величественной, цельной, но умозрительной и спекулятивной картиной мировой эволюции» [48].

Третьим перспективным направлением развития исторической географии может выступать процесс формирования на ее базе самостоятельной комплексной и междисциплинарной отрасли знания, строящейся на достижениях обеих наук (и географии, и истории). Проявление данной тенденции было замечено уже во второй половине XX в. Ее дальнейшее развитие, происходящее за счет подпитки от обеих глобальных дисциплин, позволяет предполагать большой потенциал в будущем. Так, еще В.К. Яцунский позаимствовал у географии систему дисциплин. Географы, в свою очередь, использовали периодизацию исторической науки и пока не могут отказаться от нее, хотя и ощущают необходимость формирования своей собственной [49].

Анализируя перспективы развития историко-географического направления исследований, О.М. Медушевская отмечала, что «историческая география реально оказала эффективность и взаимодополняемость наук о природе и наук о человеке. Это редкое и удивительное культурное достижение необходимо более широко использовать в науке, образовании и культуре в целом» [50].

Итоги и выводы. В нашей работе была предпринята попытка анализа путей развития исторической географии и усложнения её подходов и целей. В процессе выделения (и характеристики) этапов, присущих им отличий и новообразований, особое внимание уделялось эволюции предмета исторической географии. На основании проведенного анализа развития научного направления были сделаны выводы. В частности, о переходе исторической географии из группы специальных или вспомогательных научных дисциплин в группу дисциплин условно названных «самостоятельными». Предпринята попытка обозначить наметившиеся перспективы и наиболее актуальные темы дальнейшего развития исторической географии как самостоятельного и междисциплинарного направления научных исследований.

P.S. В заседании круглого стола (для которого готовились эти материалы) должен был принять участие профессор РГГУ Виктор Александрович Муравьев – крупный специалист, теоретик и практик историко-географического исследования. Буквально накануне он ушел из жизни. В настоящей работе не только были использованы статьи и идеи этого учёного, но и сама она писалась в процессе обсуждения основных положений с Виктором Александровичем – ярким человеком и интересным собеседником, за что хочется сказать ему большое спасибо.

Источники и литература

1. Медушевская О.М. Исторический источник: человек и пространство // Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции (Москва, 3-5 февраля 2007 г.) М., 1997. С. 57.
2. Татищев В.Н. Предложение о сочинении истории и географии Российской, 1737.
3. Барсов Н. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1884.
4. Замысловский Е.И. Сигизмунд Герберштейн и его историко-географические сведения. СПб., 1884.

5. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века / Объяснительные примеч. к рис. сост. Ф. Аделунгом, вновь просмотр. и доп. А.М. Ловягиным. СПб., 1903; Посольство Кунрода фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу / Пер. с гол. Б. Койэт; введ., примеч. и указ. подгот. А.М. Ловягин. СПб., 1900.
6. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1866.
7. *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902; *Богословский М.М.* Петр I: материалы для биографии: В 5 т. М., 1940–1948. Т. 1–5.
8. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1899.
9. *Готье Ю.М.* Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.
10. *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909.
11. *Вампилова Л. Б.* Становление и проблемы развития исторической географии в исторической науке // Историческая география: теория, методы и инновации: материалы III Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 11.
12. Специальные исторические дисциплины: Учебное пособие. СПб., 2003. С. 456.
13. *Любавский И.Г.* Историческая география России в связи с колонизацией. 1909. С. 3.
14. *Середонин С.М.* Историческая география, лекции читанные проф. С.М. Середониным в Петроградском Археологическом институте, посмертное издание. Петроград, 1916. С. 1–2.
15. *Спицын А.А.* Русская историческая география. 1917. С. 1.
16. *Данилевич В.Е.* Курс лекций, читанный студентам историко-филологического факультета варшавского ун-та. 1917.
17. *Кузнецов С.К.* Русская историческая география. 1910.
18. *Яцунский В.К.* Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. 1941. № 5.
19. *Муравьев В.А.* Пространство, время, история человечества и общества: историческая география в системе исторических наук // Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции (Москва, 3–5 февраля 1997 г. М., 1997. С. 31–32.
20. *Кафенгауз Б.Б.* География внутренней торговли и экономическая специализация районов России в 20-х гг. XVIII века // Вопросы географии. 1950. № 20.
21. *Веселовский С.Б.* Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. М; Л., 1947. Т. 1.
22. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962; *Он же.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973.
23. *Веселовский С.Б.* Топонимика на службе истории // Исторические записки. 1945. Т. 15; *Он же.* Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси. М; Л., 1947. Т. 1.
24. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М; Л., 1951.
25. *Яцунский В.К.* Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. 1941. № 5.
26. *Яцунский В.К.* География историческая // Большая Советская энциклопедия. 1972. Т. 10. С. 557; *Он же.* Историческая география // Советская историческая энциклопедия. 1965. Т. 6. С. 515.
27. *Он же.* Историческая география: история её возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955. С. 9–11; *Он же.* География историческая // Большая Советская энциклопедия. М., 1972. Т. 10. С. 557.
28. *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929; *Насонова А.Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
29. *Бакулев Б.Д.* Черная металлургия юга России. М., 1953.
30. Краккую, но при этом четкую и обстоятельную схему источников исторической географии, приводит в своем очерке А.А. Селин (*Селин А.А.* Историческая география // Специальные исторические дисциплины: Учебное пособие. СПб., 2003. С. 456–467).
31. *Яцунский В.К.* Историческая география // Советская историческая энциклопедия. 1965. Т. 6. С. 515.
32. Работы К.А. Аверьянова: *Аверьянов К.А.* Московские станы и волости XIV–XVI вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 114–122; *Он же.* Купли Ивана Калиты. М., 2001.; *Аверьянов К.А.* и др. История московских районов. Энциклопедия (под редакцией К. А. Аверьянова). М., 2005; и др.
33. Работы Я. Е. Водарского: *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города факты обобщения аспекты. М., 2007; *Он же.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977; *Он же.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973; *Он же.* Промышленные селения центральной России. М., 1972; *Он же.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 271–296; *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М., 2004; и др.
34. Работы В.А. Дёмкина: *Демкин А.В.* Городское предпринимательство в России на рубеже XVII–XVIII веков. М., 2001; *Он же.* Купечество и городской рынок в России во 2-ой четверти XVIII века. М., 1999; *Он же.* Обрабатывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX в. М., 2008; *Он же.* Полотняное производство в России на рубеже XVIII–XIX вв. М., 2004 и др.
35. Работы Э. Г. Истоминой: *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М., 1982; *Она же.* Водный транспорт в России в дореформенный период: Историко-географические исследования. М., 1991; *Она же.* Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917): Очерки по административно-территориальному делению. Л., 1972; *Она же.* Мелкая промышленность Подмосковья во второй половине XIX – начале XX в. (историко-географический аспект) // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997. С.

178–203; *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX – XX столетий. М., 2004; и др.

36. Работы О.А. Шватченко: *Шватченко О.А.* Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. М., 2008; *Он же.* Землевладение и служба думных чинов в России. XVII – начало XVIII века. М., 1999; *Он же.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (Историко-географический очерк). М., 1996; *Он же.* Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002; и др.

37. Работы Ю.А. Полякова: *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986; *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н.* Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 8; *Поляков Ю.А.* Наше непредсказуемое прошлое. М., 1995; *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись 1937 года. М., 1996; *Поляков Ю.А.* Гражданская война: взгляд сквозь годы. Уфа, 1997; и др.

38. Работы Н.А. Араловец: *Араловец Н.А.* Городская семья в России. 1897–1926 гг. Историко-демографический аспект. М., 2003; *Она же.* Городская семья в России, 1927–1959. Тула, 2009; *Она же.* Социально-демографические группы в населении и социально-демографическая политика // Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 3. Кн. 1. Гл. 10. М., 2005. С. 166–199. (Совместно с В.Б. Жиромской); и др.

39. Работы В.Б. Жиромской: *Жиромская В.Б.* После революционных бурь: население России в первой половине 1920-х гг. М., 1996; *Она же.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001; *Она же.* Жизненный потенциал послевоенных поколений. 1945–1960 гг. М., 2009; *Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Араловец Н.А.* Демографическое эхо войны // Война и общество 1941–1945 гг. М., 2004. Кн. 2. С. 375–385; *Жиромская В.Б., Араловец Н.А.* Проблемы охраны материнства и детства после Великой Отечественной войны // Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность. Пенза, 2006; и др.

40. Работы В.М. Кабузана: *Кабузан В.М.* Крепостное население России в XVIII – 50-х годах XIX века (численность, размещение, этнический состав). М., 2003; *Он же.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; *Он же.* Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.). М., 2008; *Он же.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998; *Он же.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: По материалам ревизий. М., 1963 и др.

41. *Вамтилова Л.Б.* Региональный историко-географический анализ. Система методов исследований в исторической географии. Монография. Кн. 1–2. СПб., 2008; *Она же.* Становление и проблемы развития исторической географии в российской науке. Историческая география: теория, методы и инновации: материалы III Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 11–17.

42. *Шведов В.Г.* Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы. Практика. Владивосток, 2006.

43. *Спицын А.А.* Русская историческая география. 1917. С. 1.

44. *Истомина Э.Г.* География культуры и историческая география: проблемы взаимодействия // Проблемы исторической географии и демографии России. М., 2007. Вып. 1. С. 42–52.

45. *Дулов А.В.* Географическая среда и история России конец XV – середина XIX в. М., 1983.

46. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; *Он же.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 37–56.

47. *Муравьев В.А.* Историческая география: выбор пути // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сборник. М., 2001. С. 78–79.

48. *Муравьев В.А.* Пространство, время, история человечества и общества: историческая география в системе исторических наук // Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции (Москва, 3–5 февраля 1997 г.). М., 1997. С. 29.

49. *Мартьянов В.П.* Историческая география и современность // Историческая география: теория, методы и инновации: Материалы III Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 33.

50. *Медушевская О.М.* Историческая география: наука и университетская дисциплина // Историческая география: теория, методы и инновации: Материалы III Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 33.

Колонизация как историко-географическая проблема: на примере Казахстана (к вопросу методологии)

Изучение истории через «призму» географии, объяснение исторических процессов посредством географических знаний становится одним из важнейших направлений исторической науки.

Цель данной статьи – изложить и объяснить влияние природно-географического фактора на колонизацию казахских земель Российской империей с позиций новых методологических подходов, с акцентом на вторую половину XIX в. Для историографии Казахстана во многом традиционной является изучение влияния официальной политики русского государства на колонизационный процесс. Наиболее исследована роль экономического и демографического факторов, потому новым направлением становится изучение роли природно-географического фактора в процессе колонизации казахских земель.

Природно-географический фактор признавался главным фактором, влиявшим на процесс колонизации, такими дореволюционными исследователями Казахстана, как И.Н. Болтин, В.Остафьев, А.Брем, М.Чорманов и др. [1].

Колонизация представлялась решающим фактором русской истории, обусловившим характерные черты социального и государственного развития России. При этом важное значение имело огромное пространство, которое предопределило ход колонизации. «В русской истории, – писал С.М. Соловьев, мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации...» [2]. Теория С.М. Соловьева о развитии государственности на Руси, связанная с процессом колонизации, имеет важное методологическое значение: Россия как единое государство формировалось в процессе колонизации, заселения обширных пустынных пространств; на исход длительной борьбы «леса» со «степью» влиял природно-географический фактор. Концепция колонизации как историко-географического факта, идея о роли колонизации в истории России проходят красной нитью в методологической теории последователя С.М. Соловьева В.О. Ключевского, почти дословно цитировавшего своего учителя. Общеизвестно хрестоматийное высказывание В.О. Ключевского «история России есть история страны, которая колонизируется, область колонизации в ней расширяется вместе с государственной ее территорией...». «...по условиям исторической жизни и географической обстановки распространялось..не расселяясь, а переселяясь» [3]. По мнению Ключевского, колонизация была внутренним, а не внешним процессом, который не навязывался чужим народам, но производился на собственном теле. Русские переселялись не для того, чтобы занять чужие территории. Они переселялись лишь для освоения собственной территории, что делает расселение русских по территории Евразии сюжетом национальной, а не имперской истории. Самый влиятельный историк своего времени, смог представить колонизацию как «основной факт русской истории», в то же время, умалчивая о том, что история колонизации была также основным фактором русского империализма, – пишет У. Сандэрлэнд [4]. В этой связи следует отметить, что имперский колониализм через изъятия земель, следствием которого явилась пауперизация казахского населения, ухудшил возможности функционирования системы жизнеобеспечения кочевников-казахов, непосредственно связанных с природно-климатическими условиями степи.

Как правило, конструирование любого события истории параметризуется двумя величинами: пространством и временем. По определению современного географа Д.Н.Замятина, пространство и эпоха – пожалуй, два самых мощных, всеобъемлющих образа-архетипа [5]. Наш интерес лежит в плоскости пространства. Историко-географическое пространство в отличие от географического структурируется главным образом за счет четкой пространственной локализации, репрезентаций и интерпретаций соответствующих исторических событий, происходящих (происходивших) в определенном географическом ареале (регионе) [6]. Пространство создается не только физическим ландшафтом, но и историей.

Обратимся к истории кочевников-казахов. Каким явилось воздействие природно-географического фактора на развитие казахского кочевого хозяйства? Поскольку историческая судьба изучаемой народности есть продукт хозяйственных возможностей, то она тем самым связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта. И тут возможны два варианта: либо народ приспосабливается к природным условиям, либо он приспособливает их для себя. Научно доказано, что одним из рациональных способов природопользования в доиндустриальный период явилось кочевничество. Занятие кочевым скотоводством было обусловлено именно природно-

* **Рахимбекова Ажар Кабдуловна** (Астана) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, Ajar_60@mail.ru.

климатическими условиями территории проживания. Для казахов-кочевников были характерны аридное пространство, обширные ареалы кочевания, экстремальная среда, относительная дисперсность, малая плотность размещения, что потребовало особых форм адаптации. И такой явилась лишь система пастбищно-кочевого скотоводства. Влияние природы, географических особенностей региона на жизнь кочевника было огромным и впечатляющим. Кочевничество было вплетено в живую ткань естественно-природных процессов. Можно сказать, что они составляли неотъемлемую часть ландшафта вместе с растительностью и животным миром. Потому, изучая историю евразийских кочевников, мы знакомимся с историей природных условий населенной ими территории. Климатические колебания наиболее заметны на стыке леса и степи, гумидной и аридной зон, нежели в мягком климате Европы. Поэтому наиболее благодарным материалом будут евразийская степь и ее кочевое население. Было бы неверно думать, что народы, не перестраивающие природу, примитивны или малоразвиты. К примеру, древние греки и арабы жили экстенсивным хозяйством и создавали великие произведения литературы и искусства, сложные формы общественного устройства и даже развивали технику – кораблестроение. Культура центральноазиатских кочевников в целом и казахов-кочевников в частности принципиально отличалась от китайской или иранской. На базе кочевого скотоводства они создали свой устойчивый быт, свою технику, свою литературу и свою государственность. Постоянно соприкасаясь с китайцами, они не заимствовали ни письменности, ни социальных институтов, ни нравов и обычаев. Их этнографическая самобытность определялась способом ведения хозяйства, приспособленных к кормившему их степному ландшафту. Географическая зависимость кочевых народов от окружающей их среды была проанализирована представителем концепции энвайронментализма, теории географического детерминизма А. Тойнби. Согласно взглядам А. Тойнби, «...кочевники не смогли бы одержать победу над степью, выжить в столь суровом окружении, если бы не развили в себе интуицию, самообладание, физическую и нравственную выносливость» [7].

Природные особенности условий ведения кочевого и полукочевого скотоводства были сложными и не всегда благоприятными для кочевников-казахов. Еще сложнее они становились с колонизацией казахских земель и особенно с массовым переселением русских крестьян из центральных губерний России в Казахстан во второй половине XIX в. В контексте сказанного мы попытаемся рассмотреть как повлиял на основное занятие казахов колонизационный процесс второй половины XIX в. и начала XX в., **связанный с массовым переселением крестьян на казахские земли, сопровождавшийся изъятием наиболее плодородных угодий в основном в Северном, Восточном и Юго-Восточном Казахстане, пригодных для занятия земледелием?** В экологическом отношении этот процесс коснулся прежде всего лесостепной ландшафтной зоны в регионе Западносибирской низменности, богатой озерами, речной сетью, лесами, хорошими почвами, и предгорной полосы Алтая, Тарбагатая, Джунгарского, Заилийского и Киргизского Алатау с развитой системой горных рек и богатой лесами, горными лугами и т.п. Данный комплекс природно-климатических условий позволял культивировать здесь неполивное земледельческое хозяйство – тот тип хозяйства, который был привнесен русско-украинскими мигрантами в Казахстан.

В результате заселения колонизационных элементов стало затруднительно продолжать традиционный порядок кочевой жизни, потому как возникшие в казахской степи поселки переселенцев расположились на путях перекочевок, препятствуя нормальному, традиционному ритму жизни кочевников-скотоводов, затрудняя передвижение стад по сложившимся кочевым маршрутам, разрушая установившиеся чередования в использовании летних и зимних пастбищ. В то же время не произошло оседания кочевников-казахов как массового явления. В условиях природно-географической обусловленности Казахстана на тот период невозможна была седентаризация [8]. Экологическая детерминация и неразвитость производительных сил не могли явить земледелие как альтернативно-хозяйственную систему в реальных условиях второй половины XIX в., **потому немалые трансформации не привели к исчезновению кочевого скотоводства, не заменили другой формой хозяйствования.** Представления и взгляды о привнесении стабильности и умиротворения, выведение региона из состояния экономической и общественной стагнации, создание здесь основы инфраструктуры современного общества; о том, что именно колониализм, насильственным путем ломая архаичные социальные структуры Востока или же решающим образом способствуя их подрыву, объективно расчищал место для нового общества и новых отношений, для модернизации традиционных структур, создания новой экономики, культурного и политического прогресса не выдерживает критики. Хозяйственная система кочевников-казахов не изменилась, они не отказались от кочевого образа жизни.

Одним из новых исследовательских направлений является обращение к экологической тематике. Важным последствием внешнего характера явилось изменение казахстанской экологической системы, которая являлась своеобразным типом в природно-климатическом и географическом отношении, – так считает Е.С. Сыздыкова [9]. Достаточно хрупкая, обладающая повышенной чувствительностью к любым воздействиям, она на протяжении тысячелетий была главным пристанищем кочевников Евразии. По данным офицеров Генштаба, последствия уничтожения и массовой вырубке лесов, были действительно огромны. Сложная экологическая ситуация вынуждала авторов осудить действия тех местных начальников, которые не останавливали переселенцев, а иногда сами

отдавали приказы вырубать целые рощи для заготовки дров. К примеру, А.Ф. Голубев в описании одного из своих путешествий упоминает следующий факт: «До прибытия русских сюда (Зайский край) окрестные горы изобиловали дикими яблонями и абрикосным деревом. Теперь же за яблоком или уроком надо далеко забираться в горы...». Научные изыскания в этом направлении остаются крайне редкими, что свидетельствует об очевидности изучения. Факты, вводимые в научный оборот офицерами Генштаба, свидетельствовали о том, что, несмотря на значительные изменения в экономическом развитии края, связанные с начальным этапом возникновения промышленного производства, проникновением и интенсивной миграцией русского и украинского населения, развитием земледельческого хозяйства, формированием рынка труда, установлением системы государственно-административного управления, кочевой способ производства оставался господствующей формой хозяйственной деятельности казахского населения до конца XIX в. Земледельческое хозяйство, как справедливо отмечали авторы указанных трудов, продолжало оставаться вспомогательной отраслью кочевой экономики. С этими суждениями трудно не согласиться.

По мнению ученого-экономиста Казахстана Т.А. Абдразакова, крутая ломка в хозяйственной системе во всем укладе жизни казахского народа произошла в связи с крестьянской колонизацией края, которая по своему масштабу и продолжительности оказалась грандиозной и не имела прецедента в мировой истории. В своей работе «Экономические последствия присоединения Казахстана к России», изданной в 1992 г., он пишет об экологической составляющей процесса колонизации, о стесненности положения коренного населения от недостатка водоемов [10]. К примеру, около оз. Теренкуль, на границе Кокчетавского и Петропавловского уездов, имевшего девять верст в диаметре, расположены шесть поселков, казахи, не имея свободного доступа к озеру, были разорены и вынуждены откочевать. А через два года переселенцы бросили свои участки, обратив цветущие места около озера в пустыню. На оз. Бельгааш берега представляли цветущую местность. Когда переселенцы превратили их в пашню, верхние плодородные слои снесло ветром, земледельцы ушли, а оставленные им земли превратились в пустыню. Крестьянская колонизация сопровождалась разрушением земледельческого хозяйства у казахов, поэтому нельзя бездоказательно говорить о благоприятном влиянии колонизации на развитие казахского земледелия. По мысли исследователя, широко распространенные в экономической исторической литературе однозначные выводы о том, что под воздействием крестьянской колонизации развивались у казахов земледелие, сенокосение, возникла оседлость, ускорилось развитие производительных сил края, не соответствует действительности. Резюмирующий вывод звучит так: сужение пространства для перемещения кочевников-скотоводов резко ухудшило условия их жизни, а в результате появления эрозии почвы, высыхания степных озер, других водоемов возникла экологическая проблема. Среди других важных последствий переселенческого движения особо можно выделить ухудшение положения коренного населения. Изъятие пастбищ, веками продуцировавших массы скота, приводило к большим потерям в хозяйстве казахов, о чем свидетельствуют многочисленные архивные источники. Размежевание крестьянских, казачьих и казахских земель, как правило, осуществлялось в пользу прибывших. Казахам всячески запрещалось кочевать на крестьянских и казачьих участках [11]. Однако переселение крестьян в Казахстан не привело к разрушению традиционной структуры. «Гарантом» этого являлась, прежде всего, среда обитания.

Очевидно, в процессе изучения цивилизационных особенностей того или иного этнокультурного ареала нельзя обойтись без историко-географического синтеза. Однако этот синтез, широко применяемый в отношении западных и восточных суперцивилизаций, крайне скудно применялся в отношении истории кочевых и полукочевых обществ. К тому же, существенным на сегодняшний день является вопрос модификации понятийного аппарата, когда очевидны колоссальные изменения эпистемологического фона и «перекодировка» когнитивных схем и в такой ситуации трудно уследить за «терминалогической суетой». Обращают на себя внимание мысли С.В. Соколовского об изобретении и заимствовании «оправдательных» версий колониальной экспансии [12]. Компонент значения колонизации, – пишет автор, – явно звучал у С.В. Бахрушина (и, разумеется, у В.О. Ключевского), но в современном дискурсе это звучание всячески подавляется по очевидным политическим мотивам. В России характерное явление – вытеснение (маргинализация, забвение) этически «неловких аспектов колонизации», их переименование (вместо «колонизации» – «присоединение» и «освоение», вместо «ассимиляции» – «природнение» и т.п.).

Источники и литература

1. *Болтин И.Н.* Примечания на историю древние и нынешние России Г.Леклерка, сочиненные генерал-майром Иваном Болтиным. СПб.: Тип. Горного училища, 1788. Т. 1. 615 с.; *Остафьев В.А.* Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // ЗСОРГО. 1895. Кн. XVIII. Вып. 2. С. 1–61; *Брем А.* Степные кочевники скотоводы // Нива. 1896. Ежемесячное приложение. № 1. С. 18–26; *Чорманов М.О.* О скотоводстве у киргиз Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. 1883. Ч. 142. № 1. Отд. II. 50 с.
2. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // С.М. Соловьев. Сочинения: в восемнадцати книгах / Комментар. В.Т. Пашуто, С.Д. Дмитриев / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Мысль, 1991. Кн.2. Т. 3–4. С. 259.

3. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция 2 // В.О.Ключевский. Сочинения в 9 т. / Под редакцией В.Л. Янина: Вступ. ст. В.Л. Янина, В.А. Александрова. М.: Мысль, 1987. Т. 1. Ч. 1. С. 49–50.
4. *Сандэрлэнд У.* Империя без империализма? Неоднозначный характер колонизации в царской России // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, Б.М. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: «Центр следований Национализма и Империи». 2004. 656 с. – С. 459–472.
5. *Замятин Д.* Пространство и эпоха: географические образы в «Скифах» Александра Блока // Вестник Евразии. М., 2008. № 1 (39). С. 21.
6. *Замятин Д.Н.* Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Восток. 2002. № 1. С. 44.
7. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 731 с. – С. 185–186.
8. Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. М.; Л., 1950; Климат Казахстана. Л., 1959; *Чупахин В.М.* Физическая география Казахстана. А., 1968; *Федорович Б.А.* Типы рельефа // Казахстан. Природные условия и естественные ресурсы СССР. М., 1964; *Он же.* Основные черты орографии и гидрографии // Там же. С. 15–20; *Он же.* Лик пустыни. М., 1950.
9. *Сыздыкова Е.С.* Российские военные и Казахстан: (Вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России) / Под ред. доктора исторических наук, профессора Н.Е. Бекмахановой. М., 2005. 246 с.
10. *Абдразаков Т.А.* Избранные произведения 1990-х гг. Караганда, 2000. С. 15–16.
11. ЦГАРК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 294. Л. 18; Ф. 345. Оп. 1. Д. 94. Л. 10–11.
12. *Соколовский С.В.* «Образы других»: историческая типология мышления о коренных народах России. М., 1998.

Средневековые арабские географические сочинения: методики анализа и перевода данных на современную карту

При анализе средневековых географических сочинений и карт основной исследовательской проблемой – по крайней мере, для историков – является идентификация топонимов, упоминаемых в этих источниках, и их соотношение с современной географической номенклатурой. Рассмотрим этот вопрос на примере восточноевропейских разделов сочинения арабского географа середины XII в. ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» [1]. Сам ал-Идриси в Восточной Европе не бывал, но, пользуясь покровительством норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), при дворе которого в Палермо географ жил и работал, он сумел собрать обширный и в ряде случаев уникальный материал о различных странах и народах восточноевропейского региона – Древней Руси, Волжской Булгарии, Половецкой степи, Восточной Прибалтике.

Сочинение ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной картой мира. Согласно традиции, идущей от античных географов, ал-Идриси разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон, или «климатов». Каждый климат ал-Идриси, в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций, равных по длине и ширине. Описание стран и народов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов – по секциям, с запада на восток. Описанию каждой секции соответствует подробная карта. Таким образом, 70 секционных карт, будучи сложены вместе, образуют прямоугольную карту мира с изображением морей, озер, рек, гор, городов и политических образований. Карта ал-Идриси не знает себе равных в средневековой мусульманской картографии по топонимической насыщенности: на секционных картах нанесено около 2500 наименований, а в тексте их в два с половиной раза больше.

Топонимы, фигурирующие в сочинении ал-Идриси, можно подразделить на два типа. Одни восходят к информации мореплавателей, купцов и путешественников, знакомых с описываемыми объектами лично, а потому служат для обозначения реального, физического пространства, т.е. относятся к конкретным географическим объектам. Эти топонимы по своей функции подобны современной географической номенклатуре, где каждый топоним точно соответствует какому-то одному объекту, и поэтому их интерпретация достаточно очевидна.

В относящихся к Восточной Европе сообщениях ал-Идриси таковыми являются большинство наименований населенных пунктов Северного Причерноморья. Арабская передача известных и по другим источникам греческих, древнерусских, итальянских форм названий северопричерноморских городов, как правило, столь точна, что не вызывает сомнений при их локализации: *Карсуна* (Корсунь), *Джалита* (Ялта), *Гурзуби* (Гурзуф), *Бартанити* (Партенит), *Лабада* (Ламбат), *Шалуста* (Алушта), *Султатиййа* (Судак), *Матраха* (Тмутаракань) [2. С. 108, 115, 134, 177]. Аналогичные примеры точной передачи наименований можно привести и для других регионов Восточной Европы: *Галисиййа* (Галич на Днестре), *Баразлав* (Переяславль Русский), *Кав* (Киев), *Мунишка* (Смоленск) [2. С. 113–114, 117, 127, 167, 208, 209, 269].

А вот толкование других топонимов, исходя из правила «одно наименование в источнике – один географический объект на современной карте», не столь очевидно. Яркими примерами таких наименований являются топонимы *Атил*, *Русская река*, *Кукайа*.

Реку *Атил* в литературе принято без всяких оговорок отождествлять с Волгой. Между тем река *Атил* лишь отчасти совпадает с реальной Волгой. Так, описания этой реки у ал-Идриси свидетельствуют о том, что при ее характеристике он использовал информацию, в действительности относившуюся к нескольким гидрографическим объектам. Под рекой *Атил* ал-Идриси подразумевал, во-первых, нижнее и среднее течение Волги, начиная от места впадения в нее р. Камы, которую географ принимал за верховья *Атила*, и во-вторых, нижний Дон (от излучины до устья), Азовское море и Керченский пролив, рассматриваемые как «рукав», ответвляющийся от основного течения *Атила* и текущий в Черное море [2, с. 111, 121, 124, 137, 221–224, 255–257]. Представление о связи нижнего течения Дона с нижней Волгой было распространено в арабской географии задолго до ал-Идриси и отражало реальный маршрут воинов, купцов и путешественников, двигавшихся по Волжско-Донскому пути. Верхнее же течение реальной Волги было плохо известно ал-Идриси; те скудные данные, которые имелись в его распоряжении относительно городов Верхневолжья, географ никак не связывал с *Атилом* и включил их в описание совсем другой реки Восточной Европы, названной им «Русской рекой» (река *Русиййа*).

* Коновалова Ирина Геннадиевна (Москва) – доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории Российской академии наук, irina_konvalova@mail.ru.

Описание «Русской реки» таково: «В упомянутую реку Русийа впадают шесть больших рек, берущих начало в горе Кукайа, а это большая гора, протянувшаяся от моря Мрака до края обитаемой земли. Эта гора простирается до страны Йаджуджа и Маджуджа на крайнем востоке и пересекает ее, проходя в южном направлении до темного, черного моря, называемого Смолистым. Это очень высокая гора; никто не может подняться на нее из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине. В долинах этих рек живет народ, известный под именем ан-н.барийа. У этого народа есть шесть укрепленных городов, расположенных между руслами этих рек, текущих, как мы уже сказали, с горы Кукайа. Никто не может покорить этих людей: у них принято не расставаться с оружием ни на миг, они чрезвычайно осторожны и осмотрительны» [2, с. 116].

«Русская река» изображена на карте ал-Идриси как огромная водная артерия, шесть истоков которой берут начало в расположенных далеко на севере горах и, сливаясь воедино, текут в Черное море, впадая в него между городами *Матраха* и *Русийа* (локализуемыми в Тмутаракани и Корчеве соответственно) [3. Taf. 56, 65–66]. На карте, а также в сокращенной авторской редакции сочинения ал-Идриси приведены названия этих шести городов, написанных с большими искажениями, но локализуемыми в Новгородской земле и Верхнем Поволжье [2, с. 191–199].

Гидроним «Русская река» рассматривается в историографии как обозначение реального географического объекта, в связи с чем вектор исследовательского внимания оказывается целиком направлен на прямое отождествление этого гидронима с той или иной рекой Восточной Европы. Многие исследователи отождествляют «Русскую реку» с Доном и Северским Донцом, а некоторые склонны относить этот гидроним к реке Кубани [историографию см.: 2, с. 180, 185–186].

Исходя из того факта, что под устьем «Русской реки» у ал-Идриси подразумевается Керченский пролив, действительно, кажется логичным вести поиски «Русской реки» среди крупных рек, впадающих в Азовское море, т.е. Дона или Кубани. Однако если допустить, что данному гидрониму действительно соответствует какая-то из указанных рек, то подобная локализация будет противоречить сведениям ал-Идриси об истоках «Русской реки», берущих начало в высокой заснеженной горе *Кукайа*, которая, по словам географа, простирается «от моря Мрака до края обитаемой земли».

Трудно представить себе, чтобы определения, используемые ал-Идриси для характеристики горы *Кукайа* («большая», «очень высокая», недоступная «из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине»), можно было бы связать с местом, где лежат истоки Дона и Северского Донца, – со Среднерусской возвышенностью, самые высокие точки которой не достигают и 300 м. Сопоставлять же гору *Кукайа* с Кавказским хребтом, на северных склонах которого начинается р. Кубань, мешает два обстоятельства. Первое – то, что Кубань течет с юга на северо-запад, в то время как «Русская река», согласно ал-Идриси, – с севера на юг. Второе – то, что Кавказские горы были известны ал-Идриси под традиционным для мусульманской географии наименованием – *ал-Кабк*. Кроме того, в рамках обеих гипотез не поддаются локализации шесть городов, стоящих у истоков «Русской реки».

Настойчивое стремление видеть за каждым топонимом источника конкретный географический объект приводит к тому, что исследование текста начинает вестись в такой системе координат, где логику исследования диктует современная карта. Пример с «Русской рекой» и горой *Кукайа* показывает это как нельзя лучше. В существующих толкованиях этого сообщения ал-Идриси идентификация одного топонима целиком зависит от идентификации другого, и наоборот, а исходной точкой исследовательской конструкции является объект на современной карте.

Куда более перспективным представляется изучение состава сообщений ал-Идриси. Даже беглый взгляд на совокупность данных о горе *Кукайа* убеждает в том, что информация об этом объекте «многослойна». Неоднократные упоминания топонима в различных частях сочинения ал-Идриси [1, с. 846–847, 916, 959] уже сами по себе свидетельствуют о том, что в распоряжении географа имелось несколько источников сведений о ней.

В сообщениях о горе *Кукайа* можно выделить несколько пластов информации. Во-первых, неизменно сопровождающий упоминания о ней общегеографический контекст: труднодоступные заснеженные северные окраины Земли. Отнесение горы к северным областям Земли ясно выражено в композиции сочинения: все сведения о ней помещены в тех разделах, где дано описание северных и северо-восточных областей Земли. Картографическое изображение горы *Кукайа* также не оставляет сомнений в том, что в представлении ал-Идриси эта гора лежала далеко на севере: на картах 5–7 секций VII климата гора *Кукайа* изображена в виде протяженной горной цепи, опоясывающей крайний северо-восток ойкумены [3. Taf. 65–67]. На северную локализацию горы *Кукайа* указывает и упоминание в одной контексте с нею о «Море Мрака» и «Смолистом море», т.е. тех частях Мирового океана, которые, по представлениям мусульманских географов, омывали крайний север и северо-восток ойкумены [2, с. 187–188].

Во-вторых, наличие в составе описания горы названий из арабской космографической традиции, пронизанных апокалиптическими идеями и воплощавших представления о географических пределах ойкумены. К тако-

вым относятся имена *Йаджудж* и *Маджудж* – арабское обозначение библейских Гога и Магога, враждебных людям существ, обитающих на востоке Земли, с пришествием которых в день Страшного суда наступит конец света. Все сведения о «стране Йаджуджа и Маджуджа» помещены в тех разделах сочинения сочинения, где говорится о крайнем севере и северо-востоке ойкумены – в 10 секции I климата, 9–10 секциях V климата, 8–10 секциях VI климата [1, с. 87, 843, 846, 849, 926, 933–935, 937–939, 962; 2, с. 187].

В-третьих, само название *Кукайя*, не имеющее ничего общего с русской топонимией и восходящее, как установлено, к наименованию Рифейских гор у античных географов, которое и само, в свою очередь, является сложным оронимом, не сводимым к определенному географическому объекту [2, с. 186–187].

Таким образом, ороним *Кукайя* – это собирательный образ, созданный ал-Идриси из разнородной информации. Он служил не столько для обозначения реального, физического пространства, сколько маркировал в сознании читателей ал-Идриси заснеженные и недоступные северные края ойкумены.

Точно таким же географическим образом является и представление о «Русской реке».

В рассказе ал-Идриси о «Русской реке» есть любопытное совпадение – шесть истоков этой реки и шесть же городов в их бассейне. На мой взгляд, это является результатом собственных умозаключений географа, переосмыслившего сообщения своих информаторов о шести городах, которые были связаны между собой единым речным путем.

Информаторы ал-Идриси могли сообщить ему сведения лишь об отдельных участках реки; он же, выступая в роли картографа, был вынужден сводить их рассказы воедино. Все эти данные были не просто механически соединены, но подверглись редакторской обработке со стороны ал-Идриси. Она заключалась в том, чтобы объединить сведения различных источников о стоящих на реках северных городах с представлением о грандиозном водном пути, связывавшем между собой северные и южные районы Восточной Европы.

В результате на карте географа появилось изображение огромной реки, протянувшейся с севера на юг до Черного моря. Картографическое изображение «Русской реки» целиком является плодом работы ал-Идриси, который сумел органично согласовать современные ему маршрутные данные с системой географических представлений, унаследованной от мусульманской традиции.

Поэтому вместо привычной локализации, опирающейся на принцип «одно наименование – один объект», представляется более целесообразным давать развернутое определение топонимам и рассматривать их как воплощение представлений об отдаленных северных территориях, труднодоступных для человека (гора *Кукайя*), или о совокупности речных путей, посредством которых можно было пересечь Восточно-Европейскую равнину в меридиональном направлении («Русская река»).

Появление подобных топонимов связано, прежде всего, с неизбежной особенностью субъективного пространственного восприятия – с тем, что в сознании отдельных людей крупные природные объекты, к каковым относятся моря, реки, озера, не имеют четких границ и не осознаются в качестве целостных гидрографических систем. Средневековый географ в той мере, в какой он опирался на сообщения информаторов о крупных гидрографических объектах, оперировал отрывочными данными, которые он сам должен был систематизировать тем или иным способом.

Однако причины формирования рассматриваемых топонимов могли быть обусловлены не только нехваткой конкретных сведений о Восточной Европе, но и отсутствием в них потребности у той аудитории, для которой предназначалось создаваемое сочинение. По-видимому, для потребителей такой топонимии, в первую очередь, была важна определенная географическая идея – воплощением которой и служил топоним, – а не ее детализация.

Гидроним «Русская река» в XII в. стал для мусульманских ученых символом водного сообщения между Севером и Югом Восточной Европы. Не случайно ал-Идриси не приводит никаких данных о среднем течении «Русской реки», обозначая лишь крайние точки этой водной магистрали: города Керченского пролива, с одной стороны, и населенные пункты Новгородской Руси – с другой. И это при том, что ал-Идриси – единственный из арабских географов, кому были известны многие древнерусские города, стоящие вдоль речных путей и волоков, соединявших Черное и Балтийское моря.

Гидроним «Русская река» являются наглядной демонстрацией того, что подобные топонимы создаются как обозначение общего географического понятия, значимого в контексте определенной культуры. По своему географическому содержанию арабский гидроним «Русская река» сопоставим с двумя понятиями, созданными в рамках других культурных традиций, – древнерусским путем «из варяг в греки» и «Восточным путем» ранних королевских саг. В сущности все эти термины выражают одну и ту же идею, а именно возможность попасть из северных областей Европы на юг. Вместе с тем воплощают они ее по-разному: «Восточный путь» – в самом общем виде, «Русская река» – с указанием реальных географических объектов в начальной и конечной точках маршрута, путь «из варяг в греки» – наиболее подробно, с перечислением множества пунктов, лежавших на пути из Поднепровья в Балтийское море, а оттуда вокруг Европы до Константинополя и по Черному морю обратно в русские земли.

Таким образом, на примере материала арабских средневековых авторов можно проследить, как на средневековой карте появляются географические объекты, не существующие в действительности. Вместе с тем, хотя целый ряд созданных арабскими авторами топонимов целиком принадлежит к воображаемой географии, можно сказать, что они, тем не менее, по-своему отражали реальность.

Источники и литература

1. *Al-Idrisi*. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant» / Consilio et auctoritate E. Cerulli et alt. Una cum aliis ed. A. Bombaci et alt. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX.
2. *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.
3. *Miller K.* *Maprae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten.* Stuttgart, 1927. Bd. VI.

Установление административной границы на юге и юго-востоке Республики Коми: 1920–1960-е гг.**

В литературе по административно-территориальному устройству Коми вопрос установления границ республики специально не анализировался и рассматривался лишь в общем контексте [16–18; 20, 22]. В предлагаемой работе делается попытка на основании уже имеющихся публикаций и вновь вводимых в научный оборот архивных документов наиболее полно осветить историю формирования южных и юго-восточных границ республики, а также взаимоотношения по территориальным вопросам с соседними областями в 1920–1960 гг.

До создания в августе 1921 г. автономии коми-зырян 67 волостей с коми населением на Удоре, в бассейнах Сысолы, Лузы, Вычегды и Печоры, где они составляли более 90% населения, были поделены между Вологодской, Архангельской, Пермской и Вятской губерниями. Декретом ВЦИК от 22 августа 1921 г. «Об автономной области коми (зырян)» в состав области включались: из Северо-Двинской губернии (выделена в 1918 г. из Вологодской губернии) – Усть-Сысольский уезд (полностью) и 21 волость с коми населением Яренского уезда; из Архангельской губернии – 19 коми волостей Печорского уезда и Пысская волость с дер. Латьюга Усть-Вашского уезда [23, с. 127–128]. Административное деление Коми АО было определено Декретом ВЦИК 2 мая 1922 г. Территория области была разделена на четыре уезда и 100 волостей: Усть-Сысольский, включавший 38 волостей, Усть-Куломский (16 волостей), Усть-Вымский (21 волость), Печорский (25 волостей) [24, с. 127–128]. Но уже 27 мая 1922 г. Президиум ВЦИК вносит изменения в Декрет от 2 мая. Из Чердынского уезда Пермской губернии в состав Усть-Куломского уезда Коми АО были переданы Щугорская, Троицко-Печорская и Савиноборская волости, располагавшиеся в верхнем течении Печоры [6, л. 59; 18, с. 291]. Этими решениями были определены границы Коми автономии, но в них ничего не говорилось о включении в область коми волостей Вятской губернии и части территории Пермской губернии, населенной коми-пермяками, об объединении зырян и пермяков. Поэтому руководство Коми АО придерживалось мнения, что вопрос о границах области до конца не разрешен.

Вопрос воссоединения народов коми неоднократно освещался в научной литературе [19, 21, 23, 25]. В рамках данной статьи мы затронем только один из аспектов этой проблемы – законодательные инициативы Коми области, направленные на включение в состав Коми АО территорий, заселенных коми-пермяками.

Отношения между Коми и Пермским исполкомами складывались непросто с самого начала создания Коми автономии. Суть проблемы состояла в столкновении интересов Коми и Пермской областей, каждая из которых стремилась получить коми-пермяцкие территории в свое подчинение. Инициатива исходила преимущественно от руководителей Коми АО, стремившихся объединить в единую государственность две родственные группы коми народа. Эта позиция вызвала сильное противодействие Пермских властей, которые, желая сохранить пермяцкие волости в своём составе, всячески противодействовали объединительному движению коми народов. Так, ещё летом 1921 г. в период формирования территории Коми области, Пермский губисполком отказывался содействовать работе пермского отделения Коми облревкома, ссылаясь на отсутствие декрета о границах Коми автономии, высказывался против включения в создаваемую Коми АО Кудымкарского района, на территории которого жили коми-пермяки, родственные по происхождению и близкие по культуре и языку коми-зырянам [16, с. 31].

В качестве политического арбитра между Пермью и Усть-Сысольском выступали центральные советские и партийные органы. В 1920–1923 гг. было проведено более 20 совещаний и заседаний на разном уровне, главным образом о выделении волостей Усольского и Чердынского уездов во вновь образованную автономную область Коми [21, с. 20]. Так, ВЦИК дважды (22 августа 1921 г. и 13 июля 1922 г.) отклонял ходатайства Коми АО и принимал решения об оставлении Пермского края в составе Пермской губернии. В августе 1923 г. ВЦИК рассматривал возможность присоединения к Коми АО 14 волостей Усольского и восемь волостей Чердынского уездов Пермской губернии с населением свыше 110 тыс. чел., 92,5% которых составляли коми-пермяки. Но Пермский губисполком высказался категорически «против выделения пермяцких волостей в область Коми», подкрепив свое решение постановлениями Усольского и Чердынского уездных исполкомов, которые считали «присоединение Пермского края к Зырянской области, с точки зрения административного управления, нецелесообразным, ввиду отдаленности и плохих путей сообщения», а также «промышленного тяготения к Уралу» [21, с. 20–21].

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru. **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

Под влиянием активной позиции Коми АО идея культурно-национального определения стала дискутироваться и среди коми-пермяков. Впервые они выступили с предложением включить их в состав образуемой Коми области в 1920 г., но получили отказ. В течение нескольких лет коми-пермяками предлагались различные варианты их национально-государственного устройства, но все они отвергались с мотивировкой, что эта проблема будет решена в процессе районирования Урала. Осенью 1923 г. районирование Урала было завершено. 3 ноября 1923 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Уральской области, по которому Пермская губерния вошла в состав Уральской области, а коми-пермяцкие волости стали частью Верхнее-Камского округа Уральской области без образования самостоятельной национально-государственной единицы [25, с. 38].

Однако руководство Коми АО не оставляло своих попыток присоединения Пермского края. После очередного обсуждения на Президиуме ВЦИК вопроса о воссоединении коми народов (11 августа 1924 г.) для решения проблемы была создана специальная комиссия ВЦИК, куда вошли представители заинтересованных сторон – Урала, Коми области и Пермского края. Перед комиссией была поставлена задача: 1) определить возможность и необходимость присоединения Коми-Пермского округа к области Коми; 2) если присоединение невозможно, определить пути решения национального вопроса у коми-пермяков [21, с. 23]. 21 октября 1924 г. результаты работы комиссии, пришедшей к выводу о неразрывной связи Коми-Пермского края с Уралом, были заслушаны на заседании Президиума ВЦИК. 15 января 1925 г. вопрос о Коми-Пермском крае был рассмотрен на заседании Секретариата ЦК РКП(б), который решительно высказался против включения Коми-Пермского края в состав области Коми, и счёл целесообразным выделить край в отдельный национальный округ. Это решение высшего политического органа страны явилось основой для решения вопроса об автономии коми-пермяков [21, с. 24].

26 февраля 1925 г. Президиум ВЦИК отклонил очередное ходатайство Коми облисполкома и представителей пермяцкого населения о вхождении в состав области Коми «ввиду значительной территориальной отдаленности Пермского края от области Коми и отсутствия экономической взаимной связи между этими районами» и постановил «выделить Пермский край в особый национальный округ со специальными сокращёнными штатами, подчинив этот округ непосредственно Уральскому исполкому» [1, л. 42, 52, 61, 100, 162, 184; 21, с. 24–25].

Так в стране был создан первый административно-территориальный округ с национальным составом населения. Завершилась длившаяся почти пять лет политическая борьба коми-пермяков за организацию своей национально-государственной структуры. Для Урала и Пермского края она закончилась успешно: Уральская область сумела отстоять коми-пермяцкие территории в своей структуре, а Пермский край обрел черты самостоятельной государственной единицы. Политические же амбиции Коми АО удовлетворены не были.

Но даже после образования Коми-Пермского округа власти Коми АО продолжали настаивать на объединении двух государственных структур. В 1929 г. Коми облисполком при поддержке Северного крайисполкома ходатайствовал о присоединении Коми-Пермского автономного округа к Коми АО. На 9-й Коми партконференции (1929 г.) выдвигались требования присоединения к Коми области Коми-Пермского, а также Ненецкого округов и преобразования области в автономную республику. К обсуждению проблемы были подключены ВЦИК, Госплан РСФСР, Наркомнац, Академия наук. Интересно, что в июне 1929 г. в ответ на запрос Госплана РСФСР общее собрание комиссии по изучению племенного состава населения СССР сообщало, что «коми-пермяки и коми-зыряне имеют существенные отличия и в бытовом, и в лингвистическом, и этнографическом отношениях, поэтому объединение их под одним названием в одну народность являлось бы совершенно неправильным и не отвечающим существующему положению дела» [2, л. 1; 11, л. 59]. В результате обсуждений и согласований 10 апреля 1931 г. Президиум ВЦИК принял решение оставить Коми-Пермский округ в составе Уральской области. Таким образом, и эта попытка оказалась для Коми АО неудачной.

Последний раз вопрос о включении Коми-Пермского округа в состав Коми АССР поднимался в 1936–1937 гг. и вновь по инициативе Коми. В письме в организационный отдел ЦИК СССР, датированном 5 декабря 1936 г., Коми облисполком свое ходатайство мотивировал общностью границ, однородностью экономики (основной отраслью хозяйства округа и области являлись лесозаготовительная промышленность и сельское хозяйство), национальным единством и общностью языка (происходивший в то время процесс консолидации коми языка, стирание граней между диалектами и говорами при объединении всего народа коми создали бы, по убеждению авторов письма, наиболее благоприятные условия для дальнейшего усовершенствования и выработки единого литературного языка, единой терминологии, орфографии, грамматики). В письме отмечалось, что проектом новой Конституции СССР предусматривалось предоставление коми народу государственного устройства в форме автономной республики и одним из основных мотивов необходимости включения Коми-Пермского округа в состав Коми Автономной Советской Социалистической Республики являлось «национальное единство населения Коми Автономной Области и Коми (Пермского) Округа и необходимость предоставления коми, населяющим Коми (Пермский) Округ, высшей формы государственного управления в форме АССР». Указывалось, что общая численность населения республики составила бы 500 тыс. чел. Транспортная же проблема, являвшаяся прежде, по мнению Центра, одной из основных причин, мешавших объединению коми народов, по мнению

Коми АО, могла быть разрешена наличием у Коми области авиаотряда, строительством проектируемого Камско-Печорского канала, превращением зимника протяженностью 75 км на разъединяющем область и округ участке Четдын – Устье Черной в тракт круглогодичного движения, что закрепило бы общность хозяйства и разрешило проблему налаженной связи Вычегды с Камой [14, л. 8–9].

Очередное ходатайство исполкома Коми АССР о передаче Коми-Пермяцкого национального округа из Свердловской области в состав Коми АССР было заслушано на заседании Президиума ВЦИК 20 мая 1937 г. [12, л. 10]. Следует отметить, что к тому времени руководство Коми-Пермяцкого округа уже категорически возражало против данного объединения. Приняв за основу экономический фактор (хорошо налаженную связь округа со Свердловской областью и гор. Свердловском через железнодорожную станцию Менделеево, при отсутствии путей сообщения с Коми АССР, экономическое и историческое тяготение населения к Уральскому региону), а также протест исполкома Коми-Пермяцкого округа, ВЦИК отклонил, на этот раз уже окончательно, ходатайство Коми АССР о территориальном объединении зырян и пермяков [12, л. 11; 14, л. 13–14].

Наиболее заметные изменения границы Коми области на участке с Уральской областью произошли в начале 1930-х гг. в результате территориального спора Коми и Урала из-за верховьев Печоры. Вопрос о его присоединении поднимался руководством Коми АО не раз, но для окончательного решения потребовалось длительное время. Так, в период районирования Уральской области Коми область добилась передачи ей северной части Ныробского района. Тогда в порядке добровольного согласия Уральского облисполкома Коми области были переданы пристань Якша на р. Печора и селение Усть-Пожег [12, л. 86].

В 1929 г. Оргкомитет Северного края совместно с Коми облисполкомом ставили перед ВЦИК вопрос о присоединении к Северному краю всего Ныробского района Верхнекамского округа Уральской области, основывая свои претензии необходимостью организации и расширения экспортных заготовок леса в верховьях Печоры. Северный край и Коми область предлагали установить новую границу следующим образом: от сопки «Болвано-из» на Уральском хребте под 62° сев. широты на юг по хребту до сопки «Оше-нэр», далее – на запад по водоразделу р. Унья (притока Печоры) и р. Вишеры (притока Камы) до пересечения 61,5° сев. широты с 58° вост. долготы, затем – по 61,5 параллели вплоть до существовавшей южной границы Коми области в районе Устье-Еловки [12, л. 86об.]. Целесообразность установления новой границы по водоразделу Камы и Печоры, по мнению инициаторов ходатайства, была очевидна, так как в этом случае административная граница совпала бы с экономической и соответствовала бы принятым принципам экономического районирования.

Общая площадь территории, на которую претендовала Коми область, составляла примерно 964 тыс. га (по данным лесоэкономического исследования Наркомзема 1926 г.). Она захватывала целиком бассейны рек Верхняя Печора, Унья и Волосница. Здесь располагались два сельсовета Ныробского района Уральской области – Курьинский и Усть-Уньинский. Всего по состоянию на 1 января 1930 г. в двух сельсоветах насчитывалось 15 населенных пунктов, 289 хозяйств и 853 жителя, русских по национальности. Жители Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов еще в 1928 г. ходатайствовали о включении их в состав Коми области. Опрос населения верховьев Печоры в 1931 г. также выявил желание населения перейти в Коми АО, поскольку значительная часть населения работала в системе «Комилес» [12, л. 52–53; 86об.].

В начале 1930 г. Северный край и Коми область вышли во ВЦИК с предложением об удовлетворении ходатайства населения и изменении границ между автономной областью Коми и Уральской областью в северной части Ныробского района, однако Административная комиссия ВЦИК сочла, что для рассмотрения вопроса нет достаточных оснований [12, л. 85].

Существовавший в течение ряда лет спор о границах между Уральской областью и АО Коми был разрешен постановлением Президиума ВЦИК от 10 апреля 1931 г. Этим документом в границы Коми области были внесены существенные изменения. Во-первых, в состав Уральской области из Коми АО перечислялась Веслянская лесная дача общей площадью 6491 кв. км. Во-вторых, из Уральской области во вновь созданный Троицко-Печорский район Коми АО (район был выделен из Усть-Куломского района постановлением ВЦИК от 10 февраля 1931 г.) подлежали передаче верховья р. Печоры с сельсоветами Ныробского района: Курьинским и Усть-Уньинским с общей территорией 9450 кв. км [12, л. 14].

Коми область со своей стороны незамедлительно выполнила решение ВЦИК. Уже 26 июля 1931 г. состоялось официальное подписание акта о передаче Веслянской лесной дачи из административного управления Коми автономной области в Коми-Пермяцкий округ Уральской области. Территория Веслянской дачи передавалась целиком, за исключением 18 лесных кварталов, которые тяготели к Северо-Двинскому бассейну и потому были оставлены в Коми области. Остальная граница Веслянской дачи осталась без изменений, которую и стали считать в дальнейшем границей Коми с Уральской областью [12, л. 57].

Что же касается второй части постановления ВЦИК от 10 апреля 1931 г., то взятые на себя обязательства Уральским облисполкомом выполнены не были. Приостановив передачу верховьев Печоры, Урал 30 сентября 1931 г. вышел с ходатайством во ВЦИК об изменении постановления, мотивируя это как экономическими сооб-

ражениями, так и нежеланием населения переходить в состав Коми АО [15, л. 14, 34–39, 59]. Вторично вопрос о верховьях Печоры рассматривался на заседании Секретариата Президиума ВЦИК 1 января 1932 г., который отклонил ходатайство Урала и предложил Уральскому облисполкому в декадный срок передать спорную территорию Коми области и доложить о выполнении [12, л. 12–13].

Однако Уральский (с 1934 г. – Свердловский) облисполком продолжал возражать против передачи Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов и всячески затягивал выполнение принятых ВЦИКом постановлений [12, л. 83]. В июне 1932 г. он вновь вышел во ВЦИК с предложением пересмотреть ранее принятые решения. Свою просьбу Урал мотивировал изменившимися условиями хозяйственного освоения и использования природных ресурсов спорной территории [12, л. 31].

Со своей стороны руководство Коми АО настаивало на выполнении вышеуказанных постановлений ВЦИК. 25 сентября 1932 г. представительство Коми АО при Президиуме ВЦИК направляет протест на действия Уральских властей в ЦК ВКП(б) и просит высший партийный орган обеспечить передачу верховьев Печоры Коми области в соответствии с принятыми решениями. Доводы Коми облисполкома: 1) территория расположена в верховьях р. Печоры и составляет неотъемлемую часть с остальной Печорой; 2) производственные связи издавна шли не с жителями Камского бассейна, а с Печорским краем. Объединяет общность занятий и промыслов: охота, лесозаготовки, перевозка грузов по Печоре и т.д.; 3) население Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов преимущественно русское, но оно неоднократно высказывалось за переход в Коми АО [12, л. 15–16].

Отстаивая свои интересы, обе стороны – и Урал, и Коми – ссылались на предстоящее строительство Камско-Печорского водного пути, который охватывал верховья Печоры, и на невозможность разделения в административном отношении на две части проектируемого экономического комплекса. В споре двух субъектов Административная комиссия ВЦИК приняла сторону Урала и в июле 1933 г. подготовила заключение о нецелесообразности включения верховьев Печоры в состав Коми области [12, л. 30–33]. Исходя из этого документа Президиум ВЦИК 20 октября 1935 г. при очередном рассмотрении вопроса о границах между Свердловской областью и Коми АО на участке Курьинского и Усть-Уньинского сельсоветов, изменил свои прежние решения и оставил сельсоветы в составе Свердловской области, ссылаясь при этом на принятое Политбюро ЦК ВКП(б) решение о прекращении изменения границ [12, л. 1]. Таким образом, сложилась ситуация, когда территория верховьев Печоры де-юре числилась в составе Коми АО, юго-восточная граница Коми АО установлена в соответствии с постановлением ВЦИК от 10 апреля 1931 г. (об этом свидетельствуют карты административно-территориального деления тех лет), а населявшие ее жители оставались в административном подчинении Уральской области. Новое решение ВЦИК вызвало категорический протест со стороны Коми АО, которая настаивала на неукоснительном выполнении постановления ВЦИК от 10 апреля 1931 г. Фактическая передача территории верховьев Печоры и располагавшихся там сельсоветов в Коми АССР в конечном итоге осуществилась, правда для этого потребовалось еще более десяти лет.

В 1947 г. в Президиум Верховного Совета Коми АССР поступили решения исполкомов Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов Нырбского района Молотовской области (в 1940–1957 гг. Пермская область именовалась Молотовской) с ходатайствами о включении их в состав Троицко-Печорского района Коми республики. Население обосновывало свое решение территориальной отдаленностью от центра Нырбского района и практическим отсутствием транспортного сообщения с ним. 16 мая 1949 г. исполком Троицко-Печорского райсовета, учитывая экономическое тяготение, транспортные условия и желание населения Курьинского и Усть-Уньинского сельсоветов, принял решение просить Президиум Верховного Совета Коми АССР войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета РСФСР о присоединении указанных сельсоветов к Коми АССР [7, л. 2–14].

Наконец, 24 декабря 1949 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР были утверждены решение исполкома Молотовского областного Совета депутатов трудящихся и представление Президиума Верховного Совета Коми АССР о перечислении Курьинского и Усть-Уньинского сельских советов из Нырбского района Молотовской области в состав Троицко-Печорского района Коми АССР [12, л. 1]. В январе 1950 г. по акту согласительной комиссии в состав Троицко-Печорского района была передана территория 997306 га, или 9973 кв. км, в том числе Усть-Уньинского сельсовета – 6508 кв. км, Курьинского – 3466 кв. км. Граница между Молотовской областью и Коми АССР была установлена по границам Нырбского и Троицко-Печорского районов по водоразделу системы рек Печоры и Уньи с одной стороны и р. Колвы – с другой, согласно прилагаемой карте и описанию границ [7, л. 46]. К моменту передачи на перечисляемой территории проживало 639 чел., в том числе: в Курьинском сельсовете – 351, Усть-Уньинском – 288 чел. В Курьинский сельсовет входили населенные пункты: Курья (сельский центр), Волосница, Пачгино, Кусково; в Усть-Уньинский сельсовет: Усть-Унья, Светлый родник, Усть-Бердыш и Горевка [7, л. 36]. В докладной записке по итогам приема Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов от 4 марта 1950 г. отмечается, что настроение у жителей сельсоветов благожелательное. На общих собраниях граждан, проведенных во всех населенных пунктах, Указ о присоединении их к Троицко-Печорскому району был встречен с одобрением [7, л. 43].

Отношения Коми области с Вятской губернией, затем Кировской областью по территориальным вопросам складывались в рамках выработанных в СССР принципов административно-территориального устройства, и имевшие место изменения границ проходили, как правило, без конфликтов.

В 1929 г. при районировании Северного и Нижегородского края постановлением Президиума ВЦИК от 15 июля 1929 г. из Халтуринского уезда бывшей Вятской губернии (в 1929 г. вошла в Нижегородский (Горьковский) край) в состав Прилузского района Коми АО была выделена Слудская волость, с населением 7527 чел., из которых 75,5% составляли коми (данные 1926 г.). В состав перечисленной волости входили: коми сельсоветы – Гурьевский, Мутницкий, Прокопьевский, Слудский, Черёмуховский, русские сельсоветы – Скопинский, Осиновский, смешанные коми-русские сельсоветы – Изьяшорский и Ярашкинский [14, л. 5]. Но 10 ноября 1932 г. во изменение постановления от 15 июля 1929 г. ВЦИК выделил из состава Коми области три сельсовета – Осиновский, Скопинский и Ярашкинский и селение Пискули – и вновь перечислил их в Горьковский край [3, л. 8; 14, л. 4]. Одновременно в состав Прилузского района Коми АО из Мурашинского района Горьковского края были переданы селения Бебер, Аикашор, Петрошор, Кичаншор, Мыжья, хутор Аикашор [3, л. 8]. В декабре 1936 г. Коми облисполком ходатайствовал перед Президиумом ВЦИК о возвращении в состав Коми АССР Осиновского, Скопинского и Ярашкинского сельсоветов и деревни Пискули, но безрезультатно [14, л. 1–4].

В 1940 г. население Ярашкинского сельсовета Нагорского района Кировской области самостоятельно ходатайствовало о переходе в Коми АССР. Решение было принято единогласно общими собраниями колхозников сельхозартелей «Пролетарий», «Вильгуй», «Социализм», «Север», «Новая деревня». Свое желание население объясняло общностью национального состава (основным населением сельсовета были коми), близостью и удобством транспортного сообщения со Слудским сельсоветом, возможностью лучшего снабжения товарами и пользования услугами здравоохранения и образования. Однако Нагорский райком ВКП(б) и райисполком выступили против передачи сельсовета, и ходатайство граждан Ярашкинского сельсовета было оставлено без удовлетворения [10, л. 1–10].

В годы Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 мая 1943 г. из Летского района Коми АССР в состав Мурашинского района Кировской области отошла территория Безбожниковского сельсовета (1045 кв. км), находившаяся в верховьях рек Кузюг и Великая и примыкавшая к железной дороге Киров–Котлас. В состав сельсовета входили населенные пункты: Стахановский (сельский центр), Безбожник, Рогозино, Староверческая, 43-й км, Плясуны, Кузюг с общим число жителей 1404 чел. (по состоянию на 25 мая 1943 г.) [4, л. 42; 9, л. 6–7, 9].

Последние изменения административной границы между Республикой Коми и Кировской областью произошли на рубеже 1950–1960-х гг.: 1) Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР от 28 декабря 1959 г. из Кировской области в состав Койгородского района Коми АССР был принят Верхне-Туруньинский сельсовет с населением 1,7 тыс. чел. [5, л. 54; 20, с. 485]; 2) постановлением Президиум Верховного Совета Коми АССР от 17 января 1961 г. Кировской области в состав Коми АССР принят населенный пункт Коржинский.

В конце 1950-х гг. в результате лесоразработок Объячевского леспромхоза в лесных массивах Лальского района Кировской области возник новый посёлок, которому Кировский облисполком присвоил наименование Коржинский и включил в состав Грибошинского сельсовета Лальского района. В производственном отношении Коржинский лесопункт был связан с Объячевским леспромхозом комбината «Сысолалес».

В августе 1960 г. в Президиум Верховного Совета Коми АССР поступило коллективное письмо жителей пос. Коржинский с жалобой на плохое культурно-бытовое и медицинское обслуживание поселка со стороны Лальского райисполкома и с просьбой принять их в состав Коми АССР. Свое желание население мотивировало отдаленностью и отсутствием транспортной и телефонной связи с Грибошинским сельсоветом и районным центром – Лальском. Расстояние до Грибошинского сельсовета составляло 28 км, до Лальска – 120 км, при отсутствии с ними проезжих дорог и телефонной связи. В то время как до с. Лойма Прилузского района было 17 км, до райцентра с. Объячево – 60 км и с ними имела круглогодичная транспортная и телефонная связь. Снабжение лесопункта промышленными и продовольственными товарами обеспечивалось ОРСом Объячевского леспромхоза, нуждавшихся в стационарном лечении больных возили в Лоемскую больницу и т.д. [8, л. 3].

Кировский облисполком, рассмотрев жалобу рабочих Коржинского лесопункта и письмо Президиума Верховного Совета Коми АССР от 18 августа 1960 г. о согласии принять вышеуказанный поселок в состав Прилузского района с отчуждением территории Кировской области и изменением границы между Кировской областью и Коми АССР на этом участке, своим решением от 9 ноября 1960 г. согласился передать пос. Коржинский в административно-территориальное подчинение Прилузского района Коми АССР и установить границу между Кировской областью и Коми АССР на севере, северо-западе и западе по границе с землями колхозов Лальского района, на юге – по квартальной просеке, идущей с запада на восток и разделяющей лесные кварталы согласно прилагаемой карте [8, л. 8, 13].

24 января 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР были утверждены постановление Президиума Верховного Совета Коми АССР и решение исполкома Кировского областного совета Депутатов трудящихся о передаче пос. Коржинский с прилегающей к нему территорией государственного лесного фонда общей площадью 1511 га из Лальского района Кировской области в состав Прилузского района Коми АССР [8, л. 17]. 5 июня 1961 г. Президиум Верховного Совета Коми АССР утвердил акт согласительной комиссии от 2 февраля того же года по приему-передаче пос. Коржинский. На момент передачи в поселке проживало более 500 чел.

Таким образом, в начале 1960-х гг. процесс формирования административной границы на юге и юго-востоке Республики Коми, растянувшийся по времени почти на сорок лет, был завершен. Имевшие место изменения границ и территориальные споры с соседними субъектами федерации разрешались в рамках выработанных в стране принципов административно-территориального устройства. Порой для окончательного решения вопроса о границах потребовалось длительное время, как в случае присоединения верховьев Печоры.

Одними из основных принципов административно-территориального устройства национально-государственных образований в СССР было сочетание национального и экономического факторов. Именно этим можно объяснить тот факт, что Коми-Пермяцкий автономный округ, несмотря на неоднократные ходатайства и многолетние усилия руководства Коми, так и не был включен в состав Республики Коми, но в то же самое время в нее вошли территории с русским населением в верхнем течении Печоры.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. р.-3. Оп. 1. Д. 723.
2. НАРК. Ф. р.-3. Оп. 1. Д. 766.
3. НАРК. Ф. р.-140. Оп. 1. Д. 267.
4. НАРК. Ф. р.-140. Оп. 2. Д. 1020.
5. НАРК. Ф. р.-140. Оп. 5, Д. 86.
6. НАРК. Ф. р.-642. Оп. 1. Д. 889.
7. НАРК. Ф. р.-642. Д. 905.
8. НАРК. Ф. р.-642. Д. 1005.
9. НАРК. Ф. р.-642. Д. 1385.
10. НАРК. Ф. р.-642. Оп. 3. Д. 41.
11. НАРК. Ф. р.-701. Оп. 1. Д. 8.
12. НАРК. Ф. р.-701. Оп. 1. Д. 37.
13. НАРК. Ф. р.-701. Оп. 1. Д. 60.
14. НАРК. Ф. р.-701. Оп. 1. Д. 158.
15. НАРК. Ф. р.-701. Оп. 1., оп. 2. Д. 69.
16. *Дмитриков М.П.* Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20–30-е годы // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989. С. 30–42. (Труды Ин-та яз., лит. и истории. Вып. 44).
17. *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.
18. *Жеребцов И.Л.* Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2, гл. 10. С. 274–282.
19. *Жеребцов И.Л.* Национально-государственное строительство в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2, гл. 11. С. 282–299.
20. *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.* Основные изменения в административно-территориальном делении и населении Коми АССР в 40–80-е гг. // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2, гл. 19. С. 483–485.
21. *Зубов Ю.П.* Политические баталии при определении государственного статуса округа // Коми-Пермяцкий округ: XX век. Пермь, 2001. С. 18–30.
22. Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997.
23. *Коньшин А.Е., Сметанин А.Ф.* Образование Коми-Пермяцкого округа – компромиссный путь решения «Пермяцкого вопроса» // Тез. Всерос. науч. конф. «Развитие советских финно-угорских народов: история и современность. Сыктывкар, 1991. С. 15.
24. Образование Коми автономной области. Сб. документов. Сыктывкар, 1971.
25. *Пономарёв С.И.* К вопросу об образовании и становлении национальной государственности коми-пермяков // Тез. докл. и выступл. Международной конф. «Коми-пермяки и финно-угорский мир». Сыктывкар, 1995. С. 37–39.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

*К.С. Королев**

Заселение средней Вычегды в XI–XIII вв. (национальный и демографический аспект)**

Вычегда (по коми «Эжва») – вторая по величине (после Печоры) река на Европейском Северо-Востоке, крупнейший из притоков Северной Двины протяженностью 1131 км. Все ее течение делится на три характерных участка. Верхняя Вычегда – от истоков до устья р. Нем, левого притока Вычегды (230 км), средняя Вычегда – от устья Нема до устья р. Вымь, правого притока Вычегды (500 км), нижняя Вычегда – от устья Выми до впадения ее в Северную Двину (401 км) [8].

В лесах бассейна средней Вычегды встречаются парнокопытные – олень и лось, хищные звери – медведь, рысь, волк. Пушные звери представлены лисицей, песцом, белкой, куницей, росомахой, горностаем, бобром, соболем. Здесь обитают промысловые птицы – рябчик, тетерев, глухарь, утка и гусь, встречаются журавль и лебедь [7]. В реках и озерах встречаются десятки пород рыб, в том числе и ценных.

Интересно отметить, что практически все перечисленные промысловые животные и звери изображены на универсальном промысловом календаре предков коми-зырян, найденном на средней Вычегде вблизи святилища Джуджыдыяг [3, 5].

Известно, что в 50–60-х гг. прошлого века господствовало мнение о том, что регион средней Вычегды начал заселяться предками коми-зырян сравнительно поздно – в XVI–XVII вв., а раньше он являлся промысловой территорией угров (предков хантов и манси) [1, 6]. Подобные мнения возникли, по всей вероятности, ввиду отсутствия или незначительности в то время археологических материалов по рассматриваемой территории и игнорирования имеющихся исторических и топонимических данных. В настоящее время на значительном протяжении среднего течения Вычегды (более 200 км) от устья Сысолы и выше открыто и исследовано девять памятников, соотносимых с предками коми-зырян, значительно удаленных от их основного центра, расположенного в бассейне Выми (см. рисунок). В их числе шесть небольших могильников***, святилище Джуджыдыяг, городище Новик с биэтничным населением (коми-русское) и неукрепленное поселение Леваты. Судя по датирующим вещам, перечисленные памятники функционировали в пределах конца XI–XIII вв., а некоторые из них – вплоть до эпохи христианизации (в частности, святилище Джуджыдыяг). Природно-климатические условия в этот период были благоприятными для промыслов и хозяйственной деятельности в средневычегодском регионе. Однако, судя по археологическим данным, он являлся малонаселенной восточной периферией Перми вычегодской с редкими охотничье-рыболовческими факториями. Центром формирования и консолидации коми племен в это время являлась долина Выми, где расположены крупнейшие могильники предков коми-зырян, насчитывающие по 200–300 погребений и более [9].

Средневычегодские могильники насчитывают всего по два десятка погребений, что указывает на проживание в средневековье на поселениях малочисленных групп людей (несколько патриархальных семей).

Инвентарь погребений (рыболовные крючки, разнообразные наконечники стрел, копья, фрагменты топоров) позволяет говорить о большой роли охоты и рыболовства. В отличие от вымских, на рассматриваемых могильниках нет предметов, связанных с земледелием и скотоводством. На средневычегодских памятниках, находившихся на торговом пути из Северной Руси в Прикамье, Волжскую Булгарию и Зауралье, встречены единичные импортные серебряные серьги, лунницы, стеклянные, пастовые и каменные бусы, монетовидные подвески и германский динарий. Не исключено, что некоторые украшения родановского происхождения (бронзовые якорьковые шумя-

* **Королев Клим Степанович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Работа публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-6-9-008 «Освоение арктической зоны Припечорья в древности и средневековье».

*** Усть-Сысольский могильник из двух погребений был открыт С.Е. Мельниковым еще в середине XIX в.

щие подвески, трубчатые пронизки, щитовидная поясная накладка с псевдозернью) могли попасть на среднюю Вычегду в результате брачных связей между родственными племенами коми-зырян и пермяков*.

Крупный этнограф Л.Н. Жеребцов, занимавшийся проблемами расселения коми, считал основной причиной слабой заселенности долины средней Вычегды в XI–XIII вв. и в последующие столетия (вплоть до XVI в.), набег «вогуличей» (предков манси и хантов), проживавших на верхней Печоре и в Зауралье [2]. Военные походы «вогуличей» на коми-зырянские, пермяцкие и русские земли в XIV–XV вв., зафиксированные в русских летописях, проходили по долине верхней и средней Вычегды, что создавало постоянную угрозу для местного коми населения.

Единственное небольшое укрепленное городище Новик XII–XIII вв. на средней Вычегде с оборонительными сооружениями в виде рва и вала, не характерными для поселений коми-зырян, имеет древнерусскую принадлежность. В то же время, судя по керамике, оно было биэтничным (коми и русское население). Можно предполагать, что городище являлось своего рода форпостом на восточных рубежах Перми вычегодской на речном пути в Прикамье и Зауралье. Городище Новик документирует факт проживания небольшой группы русских, вероятно, выходцев из московских земель (судя по археологическим материалам) в регионе средней Вычегды уже в XII в.

Таким образом, в XI в. в бассейне средней Вычегды появились первые небольшие поселения предков коми-зырян, несколько позже, в XII в., здесь возникает первое русское городище Новик со смешанным (коми – русским) населением [4]. Это очень важный факт для средневычегодского региона. Речь идет о становлении первого здесь поселения протогородского типа и об участии в этом процессе аборигенного (коми) и древнерусского населения, о начале взаимодействия этих этнических общностей.

По археологическим материалам, на средней Вычегде не было мест постоянного проживания предков хантов и манси, они посещали этот регион только эпизодически в промысловых, а позже и военных целях. Последнее обстоятельство согласуется и с новейшими топонимистическими исследованиями. «Большое количество обско-угорских (в основном мансийских) названий зафиксировано на западном склоне Уральского хребта и в верховьях р. Печора. Слева от Печоры (т.е. в бассейне верхней и средней Вычегды. – К.К.) доминирует коми топонимия. Где кончаются горы, исчезают и мансийские названия...» [10]. Таким образом, средняя Вычегда не являлась исконной территорией для предков ханты и манси.

Источники и литература

1. Буров Г.М. Вычегодский край. М., 1965. С. 192.
2. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 75.
3. Королев К.С. Археологические открытия 1975 г. М., 1976. С. 24.
4. Королев К.С. Городище Новик на средней Вычегде // Российская археология. 2008. № 3. С. 125–132.
5. Конаков Н.Д. Древнекоми промысловый календарь. Сыктывкар, 1987. С. 3, 4.
6. Лащук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С. 60.
7. Остроумов Н.А. Животный мир Коми АССР. Сыктывкар, 1972. С. 30–82, 87–102.
8. Производительные силы Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. II, ч. II. С. 146.
9. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 9–33, 184.
10. Мусанов А.Г. Обско-угорская топонимия на территории Коми (к вопросу о расселении обских угров) // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005. С. 72–80.

* На рисунке средневычегодский локальный вариант Перми вычегодской выглядит как коридор или мостик, связывающий два родственных этнообразующих региона – Вымский (предки коми-зырян) и Прикамский (предки коми-пермяков).

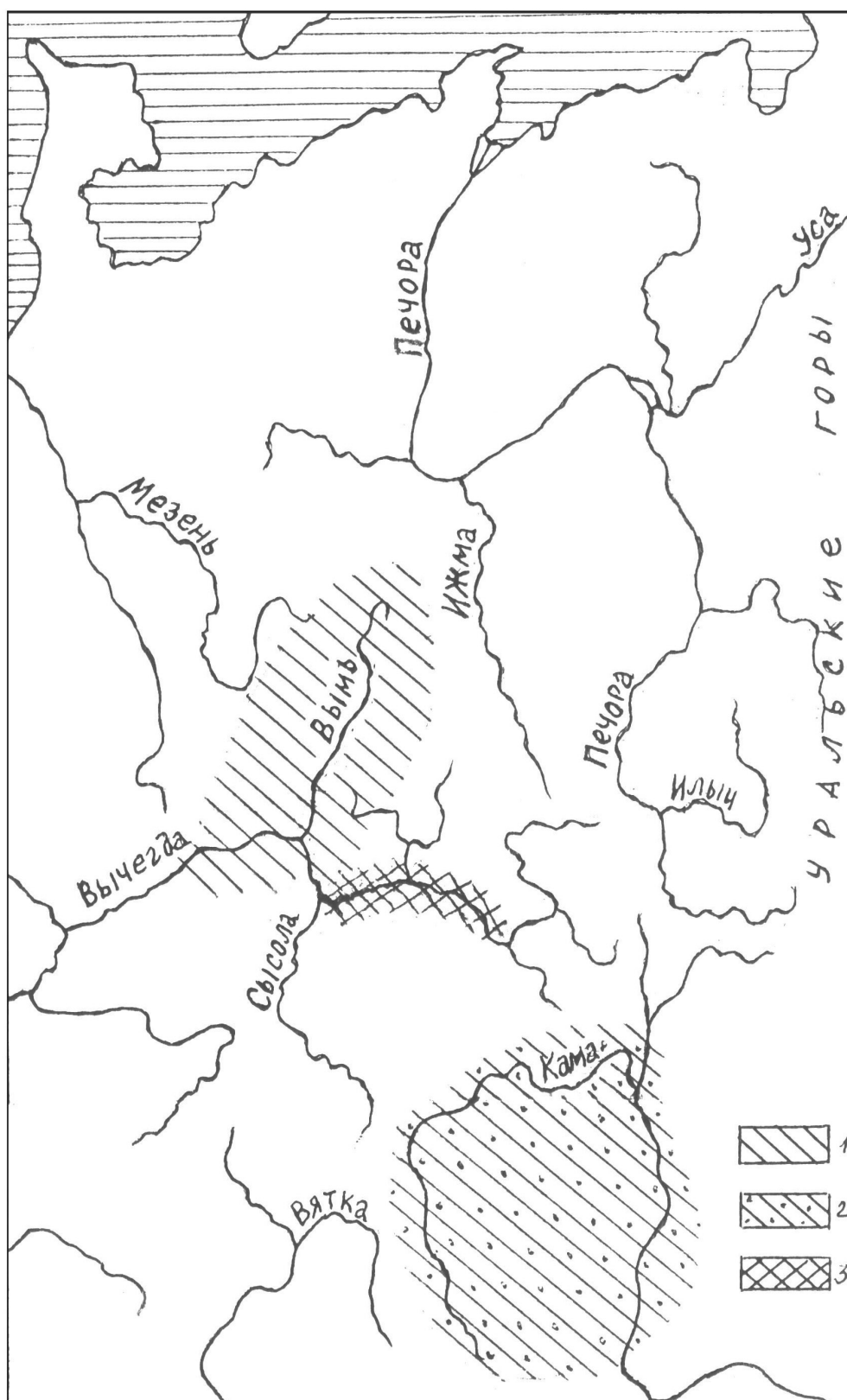

Рис.1. Карта расположения основных ареалов археологических культур предков коми-зырян и коми-пермяков: 1 – ареал выемской культуры; 2 – ареал родановской культуры; 3 – средневычегодский локальный вариант перми вычегодской.

О динамике смертности в 1927–1939 годах**

Стефен Уиткрофт пишет, что «кризисы смертности не дают всей картины уровня жизни и демографического развития при Сталине. Кроме кризисов, был замечательный прогресс в улучшении благосостояния, уменьшении смертности, увеличении роста людей...» [1]. Конечно, помимо кризисов были и относительно спокойные времена – но имело ли место уменьшение смертности, например, в 1939 г. по сравнению с 1927 г.?

Ответить на этот вопрос непросто, так как официальные данные о смертности для всей территории СССР в 1920-е гг. отсутствуют. Однако в 1993 г. известные демографы Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский и Т.А. Харькова предложили реконструкцию демографических процессов в СССР в 1920–1930-е гг. По расчетам Андреева, Дарского и Харьковской, смертность в 1927 г. составляла 26,5‰, а в 1939 г. – 20,1‰, т.е. снижение смертности было весьма значительным [2]. Именно на эти расчеты ссылается С. Уиткрофт, говоря о «замечательном прогрессе в уменьшении смертности».

Однако расчеты Андреева, Дарского и Харьковской вызывают много вопросов. В их основе лежит предположение о значительном недоучете рождений и смертей не только в тех районах, где регистрация была налажена, но и в европейской части РСФСР. В последнем случае недоучет младенческой смертности (появляющийся оттого, что родители не регистрировали рождение рано умерших младенцев) был оценен АДХ в 40% [3]. Между тем один из руководителей ЦСУ, М.П. Красильников, писал, что «сопоставление численности детей в возрасте до 1 года по данным переписи с исчисленным количеством их на момент переписи по данным органов ЗАГС о рождаемости и детской смертности обнаружило полноту регистрации фактов естественного движения населения по большинству районов РСФСР даже в отношении грудных детей» [4]. В. Песчанский отмечает, что в европейской части РСФСР (без Северного Кавказа и Дагестана) в 1926 г. было зарегистрировано ЗАГС 3 089 769 новорожденных и 588 583 умерших в возрасте до одного года. Если считать – как это принято у статистиков – что 67% этого числа умерших (394 330) родилось в том же году, то число детей, моложе одного года, доживших до конца 1926 г., определится в 2 688 197 чел. По данным Всесоюзной переписи оказалось детей моложе одного года на той же территории 2 615 472 чел., то есть на 2,7% меньше. «Эту разницу, – заключает В. Песчанский, – целиком можно отнести за счет неточности показаний в возрасте детей при переписи, возможных пропусков, а также несовпадения критического дня переписи с концом года» [5]. Таким образом, сопоставление данных ЗАГСов и данных переписи показывает отсутствие сколько-нибудь существенного недоучета младенческой смертности; это говорит о том, что мы не можем полностью полагаться на расчетные оценки Андреева, Дарского и Харьковской.

Естественным выходом из этой ситуации представляется попытка рассмотреть динамику смертности для региона, в котором в конце 1920-х гг. был налажен точный учет – то есть для европейской части СССР. Правда, для 1930-х гг. у нас нет данных для этой части страны, но сравнение можно произвести с совокупностью трех республик – РСФСР, УССР и БССР; в этом объединении на азиатскую часть приходится лишь немногим более 10% населения, что не должно существенно повлиять на показатели смертности. Что касается точности официальных сведений, то в конце 1930-х гг. работа ЗАГСов была снова налажена, и полнота регистрации родившихся и умерших младенцев для 1938 года подтверждалась расчетами, аналогичными расчетам В. Песчанского [6].

В итоге, по официальным данным смертность в европейской части СССР в 1926 г. была равна 20,0, в 1927 г. – 21,0‰ [7]. Смертность в трех республиках равнялась: в 1937 г. – 19,5, в 1938 г. – 18,8, в 1939 г. – 18,4‰ [8]. Таким образом, по сравнению с временами нэпа имелось некоторое снижение смертности – но очень небольшое, не позволяющее говорить о «замечательном прогрессе». Если же учесть, что 1937–1938 гг. были годами массовых репрессий, жертвы которых не учтены в этой статистике, то говорить о прогрессе и вовсе не приходится.

Источники и литература

1. Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880–1960 // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. P. 59–60.
2. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М.: Наука, 1993. С. 120.
3. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история Российской Федерации, 1927–1959. М.: Информатика, 1998. Приложение 2.
4. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. С. 5.

* Нефедов Сергей Александрович (Екатеринбург) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, e-mail: nsa@k66.ru.

** Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-УРАЛ 11-11-66003 а/У.

5. Песчанский В. Предварительные итоги естественного движения населения за первое полугодие 1927 года по европейской части РСФСР // Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 88.
6. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза... С. 39.
7. Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 74.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 137. Л. 1; Д. 191. Л. 1–38; Д. 262. Л. 1–17 (подсчеты наши).

Смертность военнопленных и интернированных в лагерях и спецгоспиталях Вологодской области в 1943–1949 гг.**

Численность умерших в плену является наиболее объективным выражением сущности политики советского государства по отношению к обезоруженным военнослужащим неприятельских армий. Между тем установление точного числа погибших в советском плену иностранцев как в масштабах всей страны, так и в рамках отдельных регионов затрудняется рядом причин.

Во-первых, в сложных условиях военной действительности сотрудники НКВД не успевали фиксировать все случаи смерти. До сих пор неизвестными продолжают оставаться сведения о пленных, умерших во время этапирования и транспортировки с фронта в тыловые районы. Известно, что многие пленные поступали в лагеря и спецгоспитали в крайне тяжелом, бессознательном состоянии. Очевидно, что в случае смерти их имена оставались неизвестными и не отражались в учетной документации.

Во-вторых, сбором данных о смертности военнопленных в лагерях ГУПВИ, также как и в лагерях ГУЛАГа, занимались независимые друг от друга подразделения: медико-санитарное и учетное отделения. САНО лагерей представляли ежемесячную отчетность о количестве заболевших и умерших, наличии эпидемических заболеваний, об основных причинах смертности и другие подобные сведения. При этом, неся ответственность за санитарное состояние лагерей и уровень смертности контингента, САНО были напрямую заинтересованы в снижении показателей смертности. Поэтому в медицинскую статистику зачастую не включались случаи смерти, произошедшие при попытке побега, от получения производственной травмы, при акте суицида и т. д. Отделы учета военнопленных в своей отчетности отражали все случаи снятия с учета, связанные со смертью, в том числе и летальные исходы, произошедшие насильственным путем или в результате халатности. Именно поэтому данные лагерной статистики несколько расходятся.

В ходе расчетов необходимо учитывать и сравнивать информацию из разных источников: сведения из отчетной документации органов и учреждений для содержания военнопленных и интернированных (итоговые доклады о деятельности лагерей, истории лагерей и спецгоспиталей, формуляры лагерей, докладные записки и отчеты ОПВИ, УНКВД-УМВД, УПВИ-ГУПВИ и т. д.), а также данные общего и персонального учета (пофамильные списки умерших, акты о смерти, акты о погребении, алфавитные журналы и кладбищенские книги).

На основании систематизации данных общего и персонального учета смертности лагерей и спецгоспиталей С.И. Старостиным, А.Б. Сычевым, а также автором настоящей статьи была подготовлена база данных «Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг.», в которую вошли сведения на 6735 иностранцев. (Материалы базы данных опубликованы в книге: Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...» Т. 2. Иностранные военнопленные и интернированные, умершие в Вологодской области в 1943–1949 гг. Вологда, 2009).

Обработка данных показывает, что среди умерших военнопленных и интернированных были представители 29 национальностей. Почти $\frac{3}{4}$ умерших военнопленных и интернированных представлены лицами немецкой национальности; на долю остальных 28 национальностей приходится $\frac{1}{4}$.

Половой состав военнопленных и интернированных, умерших в Вологодской области: 6685 мужчин (99,3%) и 50 женщин (0,7%). Эти данные в целом соответствуют составу контингента системы ГУПВИ, характерной чертой которого в отличие от заключенных ГУЛАГа была гендерная однородность. Все женщины, умершие на территории региона, относятся к категории интернированных немцев, т.е. гражданских лиц.

Возрастной состав военнопленных и интернированных неоднороден: максимальная разница в возрасте умерших составляет 71 год. Среди умерших превалировала группа мужчин молодого и среднего возраста от 20 до 40 лет (64,5% к общему количеству умерших), что объясняется преобладанием данной возрастной группы среди военнопленных и интернированных.

Среди военнопленных и интернированных были представители 35 разных званий и должностей. Если объединить данные в более крупные категории по воинскому званию, то получается следующая картина: высший офицерский состав – 1 чел. (0,01%), старший офицерский состав – 235 (3,5%), младший офицерский состав – 584 (8,7%), унтер-офицерский состав – 860 (12,8%), рядовой состав – 4362 (64,7%), гражданские лица – 666 (9,9%), лица без указания статуса – 27 (0,4%).

* **Кузьминых Александр Леонидович** (Вологда) – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России, istorial@mail.ru.

** Работа подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-01-00344а.

Значительный интерес представляет динамика смертности военнопленных и интернированных. Пик смертности приходится на 1945 г. – период массового поступления военнопленных и интернированных в завершающий период войны и после капитуляции Германии. Так, в 1943 г. скончались 33 чел. (0,5% к общему числу умерших), в 1944 г. – 782 (11,6%), в 1945 г. – 4415 (65,5%), в 1946 г. – 1113 (16,5%), 1947 г. – 249 (3,7%), 1948 г. – 118 (1,8%), в 1949 г. – 20 (0,3%), дата смерти не установлена у 5 чел. (0,1%). Перелом со смертностью приходится на 1947 г., когда новых поступлений контингента уже не было, а ранее прибывший уже успел адаптироваться к лагерным условиям.

Наконец, анализ базы данных позволяет выяснить причины смертности военнопленных и интернированных. Главной причиной смертности являлась дистрофия – 2561 (69,2%), далее следуют пневмония – 226 (6,1%), дизентерия – 220 (5,9%), туберкулез – 182 (4,9%), брюшной/сыпной тиф – 54 (1,5%), энтероколит – 32 (0,9%), дифтерия – 21 (0,6%), другой диагноз – 404 (10,9%).

Анализ основных факторов смертности позволяет говорить о том, что доминирующей причиной массовой гибели военнопленных на территории Вологодской области являлись голод и плохое питание, которые приводили к истощению организма и нарушениям функций пищеварительных органов. К прочим факторам смертности следует отнести хроническое физическое переутомление, вызванное тяжелой работой в суровом северном климате, неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия размещения и несвоевременное оказание медицинской помощи инфекционным больным.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Международные научные форумы по исторической демографии и исторической географии в Сыктывкаре*

Для Сыктывкара стало уже доброй традицией на протяжении последних восьми лет практически ежегодно проводить всероссийские или международные научные форумы по исторической демографии. I Всероссийская конференция по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)» прошла здесь 28–30 сентября 2005 г. Подобные научные форумы не проводились в России с 1992 г. Организация этой престижной конференции в Сыктывкаре стала возможной благодаря поддержке, оказанной Институту языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН со стороны Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, Института российской истории РАН и Института истории и археологии УрО РАН, Министерства культуры и национальной политики Республики Коми.

На той конференции было предложено, в частности, регулярно проводить научные форумы по исторической демографии и организовать в Сыктывкаре издание межрегиональных сборников научных статей по исторической демографии с перспективой создания на базе этого сборника журнала «Историческая демография». Оба эти предложения воплотились в жизнь. В 2005–2007 гг. вышла в свет серия научных сборников, а с 2008 г. издается научный журнал «Историческая демография», на страницах которого публикуются исследователи со всей России и из-за рубежа. Что же касается научных форумов, то 28–30 августа 2007 г. в Сыктывкаре прошла II Всероссийская научная конференция по исторической демографии «Этнодемографические процессы в странах и регионах Евразии: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития», а в 2006, 2009 и 2010 гг. – три Всероссийских симпозиума по исторической демографии (см. о них: Историческая демография. 2011. № 1). Все эти форумы ученых были организованы Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН при большой помощи Министерства национальной политики Республики Коми и поддержке Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии, Института российской истории РАН, Института истории и археологии УрО РАН и Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН.

В последующие годы к работе по организации конференций и симпозиумов по исторической демографии активно подключился Институт истории Сибирского отделения РАН. В этот период историко-демографические форумы в Сыктывкаре стали приобретать всё более международный характер. 6–8 июня 2012 г. состоялся IV Всероссийский симпозиум с международным участием по исторической демографии. В его программу были включены более 30 докладов исследователей из Белоруссии, Казахстана и ряда российских регионов (Новосибирска, Ростова-на-Дону, Краснодара, Ижевска и Сыктывкара). Основной темой симпозиума традиционно являлась проблема источниковедения и историографии историко-демографических исследований: типы источников по историко-демографическим и этнодемографическим процессам в различные исторические периоды, методы их анализа, доступность и достоверность источников, возможности их публикации, современное состояние историко-демографических исследований и перспективы их развития. V Всероссийский симпозиум с международным участием по исторической демографии пройдет в Сыктывкаре в июне 2013 г.

Крупным событием в научной жизни стала I Международная научная конференция по исторической демографии и исторической географии «Территория и население стран и континентов в исторической ретроспективе», состоявшаяся в Сыктывкаре 11–14 мая 2011 г. по инициативе Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН под научным руководством Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии. В организации конференции активно участвовали также Институт российской истории РАН, Институт истории СО РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН и Министерство национальной политики Республики Коми.

Организационный комитет конференции возглавляли председатель Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии академик Ю.А.Поляков, директор ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН д.и.н. И.Л.Жеребцов, ученый секретарь Научного совета РАН по исторической демографии и исторической географии,

* Публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН д.и.н. В.Б. Жиромская, зав. сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН д.и.н. В.А. Исупов и главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН д.э.н. Л.Л. Рыбаковский. В состав оргкомитета входили также министр национальной политики Республики Коми Г.И. Габушева, директор Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН д.и.н. А.Е. Загребин, зав. сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН д.и.н. Г.Е. Корнилов, зам. директора по научным вопросам Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного НЦ РАН д.и.н. Е.Ф. Кринко, профессор Белорусского государственного университета д.и.н. В.И. Меньковский, зав. отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН д.и.н. А.Ф. Старцев, проректор Мурманского государственного педагогического университета д.и.н. П.В. Федоров, ученые Московского государственного университета, Московской высшей экономической академии, Российского государственного университета туризма и сервиса, Казанского государственного университета, Пензенского государственного педагогического университета, Пензенской государственной академии строительства и архитектуры, Тамбовского государственного педагогического института, Самарской государственной педагогической академии, Уфимской государственной академии экономики и сервиса и других научных и образовательных учреждений.

На конференции обсуждались следующие основные проблемы: демографические и этнические процессы в древности и средневековье; общее и особенное в историко-демографическом и историко-географическом развитии стран и регионов в новое и новейшее время; современная этнодемографическая ситуация и перспективы ее развития; история и современное состояние историко-демографических и историко-географических исследований; источники для проведения историко-демографических и историко-географических исследований и методика их анализа.

Работа конференции проходила в четырех секциях. Состоялись также три пленарных заседания, на которых были заслушаны доклады д.и.н. Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону) «Современная российская историография о причинах депортаций народов юга России в годы Великой Отечественной войны», д.и.н. В.И. Меньковского (Минск) «Методологические подходы к изучению демографической истории сталинизма в англоязычной историографии», д.и.н. С.А. Прокопенко (Ульяновск) «Гендерный ракурс исторической демографии», д.и.н. И.Г. Коноваловой (Москва) «Средневековые арабские географические сочинения: Методики анализа и перевода данных на современную карту», д.и.н. В.А. Исупова (Новосибирск) «Источники по демографической истории России периода Второй мировой войны», д.и.н. И.Л. Жеребцова (Сыктывкар) «Миграционные процессы на Европейском Севере России в новое и новейшее время в исследованиях второй половины XX – начала XXI вв.», д.и.н. А.А. Борисова (Якутск) «Историко-демографические процессы у «кочевых» инородцев Восточной и Южной Сибири в XVII–XIX вв.», д.э.н. В.В. Фаузера (Сыктывкар) «Демографические перспективы финно-угорских народов», к.и.н. А.К. Рахимбековой (Астана) «Колонизация как историко-географическая проблема: на примере Казахстана» и др.

Всего в конференции очно или заочно (с постер-докладами) участвовали ученые из Баку (Азербайджан), Минска, Гродно (Белоруссия), Эдинбурга (Великобритания), Астаны (Казахстан), Оша (Кыргызстан), Банска-Быстрицы (Словакия), Душанбе (Таджикистан), Ашхабада (Туркменистан), Киева, Полтавы, Сум, Краматорска (Украина), Фрайбурга (Швейцария), Архангельска, Астрахани, Биробиджана, Владивостока, Вологды, Екатеринбурга, Златоуста, Ижевска, Казани, Коряжмы, Костромы, Краснодар, Красноярск, Москвы, Муром, Новосибирска, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Самары, Сургута, Сыктывкара, Тулы, Тюмени, Ульяновска, Челябинска, Якутска. Всего в программу было включено более 130 устных и постер-докладов. Принято решение опубликовать материалы конференции в журнале «Историческая демография». II Международную научную конференцию по исторической демографии и исторической географии запланировано провести в Сыктывкаре в 2015 г.

Е.Н. Рожкин (Сыктывкар)

Содержание журнала «Историческая демография» за 2012 г.

2012, № 1 (9)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Мацук М.А.** (Сыктывкар). К вопросу о причинах перехода от описаний к переписям в России XVII в. С. 4–11.
- Васина Т.А.** (Ижевск). Демографические процессы в Омутнинском заводе и на рудниках Глазовского уезда Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. С. 12–25.
- Гагиева А.К.** (Сыктывкар). Динамика численности должностных лиц крестьянского управления на территории Коми края в XVIII в. С. 26–27.
- Волошенко К.В.** (Астрахань). Историко-демографические особенности населения Астраханского края. С. 28–30.
- Гасанов И.М.** (Казань). Демографические и этнические процессы в Казанской губернии. С. 31–33.
- Суржикова Н.В.** (Екатеринбург). Военнопленные I Мировой войны на Урале: проблемы изучения демографических характеристик. С. 34–38.
- Хлынина Т.П.** (Ростов-на-Дону). «Женское» и «мужское» в отношении к советской демографической политике 1930-х гг. С. 39–41.
- Мирошниченко М.И.** (Челябинск). Репродуктивное поведение женщин Урала в 1920-е – первой половине 1930-х гг. С. 42–45.
- Журавлева В.А.** (Златоуст). Аборты в городах и городских поселениях Урала в 1920–1930-х гг. С. 46–49.
- Мичко П., Шмигель М.** (Банска Быстрица, Словакия). Волна беженцев с территории СССР в Словакию в 1944 г. С. 50–55.
- Исупов В.А.** (Новосибирск), **Жеребцов И.Л.** (Сыктывкар). Динамика смертности и рождаемости и ее влияние на демографическое развитие во второй половине 1940-х – 1950-е гг. (на материалах Сибири). С. 56–59.
- Безносова Н.П.** (Сыктывкар). Причины смертности населения Коми АССР в 1960–1970-е гг. С. 60–63.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Мирзоев С.С.** (Душанбе, Таджикистан). Оценка демографической ситуации в Республике Таджикистан. С. 64–67.
- Ушакова В.Л.** (Владивосток). Региональные особенности демографического развития в Приморском крае. С. 68–70.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

- Стешенко Н.Л.** (Краматорск, Украина). Проблема миграций в Южной Украине (XVI–XVIII вв.) в исследованиях советских ученых 1940–1950-х гг. С. 71–74.
- Кринко Е.Ф.** (Ростов-на-Дону). Современная российская историография о причинах депортаций народов юга России в годы Великой Отечественной войны. С. 75–78.
- Черкасова М.С.** (Вологда). Правовое регулирование брачности у монастырских крестьян в XV–XVIII вв. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). С. 79–85.
- Исупов В.А.** (Новосибирск), **Жеребцов И.Л.**, **Безносова Н.П.** (Сыктывкар). Переписи населения как источник для изучения динамики населения Европейского Севера и Сибири в первой половине XX в. С. 86–89.

ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

- Содержание сборников статей «Историческая демография» (2007 г.). С. 90–92.
- Содержание журнала «Историческая демография» (2008–2011 гг.). С. 93–98.
- ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография». С. 99–100.

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Васкул И.О. (Сыктывкар). Культурные связи населения Европейского Северо-Востока с Зауральем и Западной Сибирью в ананьинское время. С. 4–8.

Сердюк И.А. (Полтава, Украина). Детская смертность в Левобережной Украине во второй половине XVIII в.: Историко-демографический анализ данных метрической книги Христорождественской Церкви местечка Ярьськи Миргородского полка. С. 9–14.

Пислегин Н.В. (Ижевск). Крестьянское население дореформенной Удмуртии. С. 15–18.

Филипова М.П. (Одесса, Украина). Смертность в естественном движении населения «задунайских колоний» Буджака в первой половине XIX в. С. 19–25.

Чагин Г.Н. (Пермь). Сельское расселение и состав населения на верхней Колве и Печоре в XIX – начале XX в. С. 26–29.

Исупов В.А. (Новосибирск). Демографическое развитие Сибири в 1920-е гг. С. 30–35.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Этническая динамика состава и структуры населения Республики Коми во второй половине XX – начале XXI в. Тенденции и закономерности. С. 36–40.

Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Региональные и этнические особенности рождаемости и смертности в Республике Коми в конце XX – начале XXI в. (к постановке проблемы). С. 41–44.

Волощук А.Н., Гончаренко А.В., Завьялов Ю.В. (Ухта, Сыктывкар). Формирования трудового потенциала северных регионов России. С. 45–46.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

Сухова О.А. (Муром). Синодики как источники по исторической демографии (на примере муромских рукописных синодиков конца XVII – начала XVIII в.). С. 47–54.

Уль К.Б. (Лейпциг, Германия), **Меньковский В.И.** (Минск, Белоруссия). Основные тенденции изучения советской историографии второй половины XX в. С. 55–58.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Бурцев И.Г. (Тула). Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV–XVI вв.: На пути под руку Москвы. С. 59–68.

Корогод Г.И. (Сумы, Украина). К истории формирования северо-восточной границы Украины. С. 69–72.

Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Формирование административной границы Коми автономии в верховьях Печоры. С. 73–77.

Брызгалов В.В. (Архангельск). Хронокартографический метод исследования. С. 78–80.

Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. (Пермь). Карты как источник для историко-географических исследований сельского хозяйства и крестьянства в пореформенный период (на примере Пермской губернии). С. 81–84.

Морозов В.В. (Киев, Украина). Роль дворянства Левобережной Украины в развитии исторической географии в 1861–1917 гг. С. 85–87.

Зданович Е.Ф. (Гродно, Белоруссия). Труды Е.Е. Замысловского по исторической географии. С. 88–89.

ISSN 2304-5922

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 13,0. Усл. печ. л. 15,6.

Тираж 150 экз. Заказ № 28.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.